

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Марийский государственный университет»

На правах рукописи

РЫБАКОВА ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА

**ЭЛИТАРНАЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ
В СУБДИСКУРСЕ ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЫ XX–XXI ВЕКОВ**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Карташова Елена Павловна

Йошкар-Ола – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования элитарной культурно-языковой личности	19
1.1. Дифференциация понятий «языковая личность», «элитарная языковая личность»	19
1.2. Культурно-языковая личность, элитарная культурно-языковая личность как базовые термины лингвокультурологии	31
1.3. Лирико-философская проза как субдискурс художественного дискурса: репрезентация элитарной культурно-языковой личности	36
Выводы по главе 1	46
Глава 2. Лингвокультурный концепт как средство экспликации концептосферы элитарной культурно-языковой личности в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков	48
2.1. Лингвокультурный концепт в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии	48
2.2. Лингвокультурный концепт «бытие» в лирико-философской прозе XX–XXI веков	55
Выводы по главе 2	75
Глава 3. Лингвокультурный концепт «бытие» в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков: репрезентация лингвокреативности элитарной культурно-языковой личности	77
3.1. Алгоритм комплексного анализа лингвокреативности ЭКЯЛ в субдискурсе лирико-философской прозы	77
3.2. Языковая игра как реализация лингвокреативности ЭКЯЛ	86
3.3. Экспликация лингвокреативности ЭКЯЛ: феномен прецедентности	149
3.4. Авторская афористика как репрезентация лингвокреативности в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков	165
Выводы по главе 3	177

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	180
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	184
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	204
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	206
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	216
ПРИЛОЖЕНИЕ 4.....	217

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обеспечивается тем, что на современном этапе развития антропологической лингвистики научная проблематика элитарной культурно-языковой личности может быть адекватно репрезентирована только на уровне междисциплинарного подхода, позволяющего рассматривать смысловую триаду «язык – культура – творческая личность» как исследовательскую стратегию, направленную на интерпретацию языковых фактов в тесной связи с фундаментальными онтологическими сторонами человеческого бытия – мировоззрением, культурой, жизнью духа (В.И.Постовалова).

Междисциплинарный подход позволяет создать многомерную модель элитарной культурно-языковой личности (ЭКЯЛ) через призму различных предметных полей: коммуникативной стилистики, лингвокультурологии, дискурсологии. Исследовательская стратегия междисциплинарной интеграции позволяет получить новые результаты и разработать алгоритм анализа при комплексном использовании общенаучных методов (анализа, синтеза, сопоставления), частнонаучных (семантико-стилистического, дискурсивного, концептуального, лингвокультурологического). Кроме того, данный интегративный подход открывает новые горизонты в осмыслении механизмов формирования и трансляции культурных ценностей (лингвокультурных констант) творческой личностью в художественном дискурсе. Это направление научного поиска позволяет раскрыть глубинные закономерности взаимодействия языка, мышления и культуры в процессе создания элитарной культурно-языковой личностью художественной картины мира как формы единой картины бытия.

Носитель элитарной речевой культуры является самым высоким типом языковой личности, наиболее полно и творчески владеющим всеми богатствами родного языка (О.Б.Сиротинина). У носителя элитарной речевой культуры «свой» набор идеальных ценностей, обусловленный как принадлежностью к

определенному типу речевой культуры, так и индивидуальными творческими особенностями.

Значительную роль в проблематике изучения элитарной культурно-языковой личности во взаимосвязи языка и культуры приобретает материал исследования: лексический, лексико-грамматический, фразеологический, текстовый и дискурсный. Особым интерпретационным потенциалом обладает текстовый и дискурсный уровни лингвокультурологического анализа, так как именно в рамках этих уровней исследования возможна экспликация трех главных реализаций языка: «языка-системы, языка-текста, языка-способности» (Ю.Н.Караулов), осуществляемых культурно-языковой личностью в процессе познания мира. Познание мира возможно через изучение художественной реальности как двух форм постижения мира, как двух взаимосвязанных способов – *переживание и осмысление мира*. Исследования И.В.Зыковой позволяют констатировать, что к формам *переживания* мира относятся эмоционально-чувственное, душевное, эстетическое. Основными формами *осмысления* мира являются: архетипическое, мифологическое, религиозное, философское, научное. Сложное соотношение двух форм – *переживания и осмысления* – способно репрезентировать творческий процесс чувственно-интеллектуального познания мира.

Уникальным дискурсным материалом для анализа и описания форм чувственно-интеллектуального познания и переживания мира элитарной культурно-языковой личностью является русская лирико-философская проза, совмещающая в русле единого художественного целого различные нарративные уровни репрезентации: от научно-философского («*бытийного*») до лирического, частно-житейского, социально-обиходного («*бытового*»). Подобное лирико-философское переживание и осмысление мира возможно только на уровне носителей элитарной речевой культуры. Именно в этой точке можно фиксировать «взаимообратный» процесс: с одной стороны, элитарная культурно-языковая личность потенциально способна продуцировать особый лирико-философский нарратив, отдельный дискурсивный тип (субдискурс) – «лирико-философскую прозу» в составе общей типологии художественного дискурса; с другой стороны, –

данный субдискурс не только обладает определенным набором дискурсивных характеристик, но и формирует концептуальное поле элитарной культурно-языковой личности – концепт «бытие», который в свою очередь репрезентирует лингвокреативность, реализующуюся на уровне продуктивных процессов языковой игры, прецедентности и авторской афористики.

Познание мира на уровне экспликации лирико-философского нарративного типа или субдискурса лирико-философской прозы имеет длительную, оригинальную, богатую в стилистико-языковом отношении традицию, восходящую к достижениям В.В.Розанова, гениального стилиста рубежа XIX–XX веков, новаторская лирико-философская проза которого и стала той точкой отсчета формирования и развития данного нарративного типа или субдискурса другими элитарными культурно-языковыми личностями на протяжении XX – в первой четверти XXI века.

Степень научной разработанности проблемы. Е.В.Картер (2007) рассматривает особенности речевой репрезентации элитарной языковой личности в современной русской прозе. М.С.Силантьева (2012) анализирует особенности репрезентации элитарной языковой личности в профессиональном дискурсе, выявляет и описывает дискурсивные доминанты элитарной языковой личности. Понятия «дискурс элиты», «дискурсивная элитарная личность» рассматриваются Т.А.Островской (2016) – исследователь анализирует особенности коммуникации, специфическое речевое поведение в дискурсе элитарной личности. И.В.Башкова (2018) исследует языковую личность русского писателя как эталон русской языковой личности. М.А.Лаппо (2018) исследует самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности как носителя элитарной речевой культуры в рамках когнитивной лингвистики. Вопросы аксиологических характеристик языковой картины мира, репрезентации ценностных ориентиров в языке и моделирования культурно значимых ситуаций через систему образных средств разрабатываются в трудах Т.Г.Бочиной (2002, 2003, 2010, 2011, 2013, 2023, 2025). Для настоящего исследования особый интерес представляет концепция «аксиологической валентности» ценностей [Бочина, 2023, 2024, 2025], а также

лингвокогнитивный принцип контраста [Бочина, 2003] созвучный задачам анализа антитетичности «бытийного» и «бытового» в лирико-философской прозе.

Вопрос взаимодействия личности и культуры исследуется с XX века в трудах таких отечественных и зарубежных исследователей, как Э.Бенвенист, Р.Бенедикт, Н.А.Бердяев, В.С.Библер, А.В.Дорошенко, И.В.Зыкова, А.Кардинер, И.С.Кон, Л.Леви-Брюль, Ю.М.Лотман, Б.Малиновский, М.Мид, М.А.Полетаева, П.А.Сорокин, П.Б.Струве, В.Н.Телия, Н.С.Трубецкой, А.Я.Флиер, С.Л.Франк и др.

Внимание к человеческому фактору в языке в последней четверти XX века вызвало интерес к коммуникативно-прагматическим аспектам использования языка (А.Вежбицкая, Т.Г.Винокур, Т.М.Дридзе, Е.А.Земская, Г.А.Золотова, Ю.Н.Караулов, Л.А.Крысин, О.А.Лаптева, Е.В.Падучева, О.Б.Сиротинина, Л.А.Шкатова и др.). Однако до сих пор вопросы выявления признаков культурно-языковой личности писателя, репрезентующих лингвокреативность и уникальность элитарного языкового мышления в художественном тексте, остаются открытыми и не до конца изученными.

Исследование дискурса, в русле которого текст считается отражением и результатом дискурсивных процессов, рассматривается в работах Н.Ф.Алефиренко [2016, 2022], Ю.Д.Апресяна [1995], Н.Д.Арутюновой [1985], Т.А. ван Дейка [1978, 2013], В.З.Демьянкова [1981], В.И.Карасика [2000, 2004, 2016, 2021 и др.], М.Л.Макарова [2003], Г.Г.Матвеевой [2009], Б.Ю.Нормана [2009], И.А.Стернина [2001, 2012], И.П.Сусова [2006], Т.Г.Скребцовой [2020], В.Е.Чернявской [2020а, 2020б, 2021].

Работы Л.С.Бейлинсон [2009], С.А.Герасимовой [2011, 2015, 2018], Н.Д.Голева [2023], Т.В.Ежовой [2017, 2019], В.И.Карасика [1999, 2017], Н.И.Клушиной [2017], Е.В.Комлевой [2022, 2024], Е.Ю.Некрасовой [2022], М.Ю.Олешкова [2005, 2006], А.В.Олянича [2015], Н.С.Остражковой [2003, 2004], Е.Ф.Серебренниковой [2023], Т.А.Филоненко [2005], А.П.Чудинова [2013, 2018], Ю.В.Щербининой [2009, 2010] послужили основой для формирования типологии дискурсов, внутри каждого из которых потенциально возможна реализация его частных разновидностей – субдискурсов.

Существует значительное количество исследовательских работ, посвященных лингвокультурологическим аспектам формирования культурно-языковой личности (Л.О.Бутаковой [2018], А.Вежбицкой [2002], В.И.Карасика [2001], В.Б.Кашкина [2000], В.В.Красных [2002], Е.С.Кубряковой [2004], В.А.Масловой [2001], Ю.С.Степанова [2001, 2002], С.Г.Тер-Минасовой [2008], З.З.Чанышевой [2019]; И.В.Зыковой [2017, 2020]).

Гипотеза исследования: введение в научный оборот текстов опубликованной в настоящее время лирико-философской прозы XX–XXI веков и ее комплексный анализ на основе реализации междисциплинарного подхода, базирующегося на взаимодействии семантико-стилистического, дискурсивного, концептуального, лингвокультурологического методов, позволяют не только рассматривать лирико-философскую прозу как субдискурс (отдельный дискурсивный вид) художественного дискурса, но и эксплицировать лингвокультурный концепт «бытие», реализующий лингвокреативность ЭКЯЛ в чувственно-интеллектуальном познании мира.

Таким образом, чувственно-интеллектуальное познание мира становится тем центром, где можно фиксировать «взаимообратный» процесс: ЭКЯЛ потенциально способна продуцировать особый лирико-философский нарратив (субдискурс) и, наоборот, – субдискурс лирико-философской прозы формирует концептуальное поле ЭКЯЛ и реализацию ее базовую способность к лингвокреативности.

Объектом диссертационного исследования является лирико-философская проза XX–XXI веков, образующая особый вид художественного дискурса (субдискурс).

Предметом диссертационного исследования являются способы речевой репрезентации элитарной культурно-языковой личности в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков.

Цель настоящего диссертационного исследования состоит в выявлении особенностей речевой репрезентации ЭКЯЛ в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

1. Систематизировать теоретико-методологическую базу настоящего исследования на основе уточнения базовых терминов и их вариантов (языковая личность, элитарная языковая личность, культурно-языковая личность). Дать определение новой дефиниции «элитарная культурно-языковая личность».

2. Обосновать статус лирико-философской прозы авторов XX–XXI веков как особый вид художественного дискурса (субдискурс), репрезентирующий чувственно-интеллектуальную форму познания мира на основе реализации лингвокультурного концепта «бытие».

3. Разработать и апробировать алгоритм комплексного анализа элитарной культурно-языковой личности (ЭКЯЛ) с позиций междисциплинарного подхода в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков.

4. Проанализировать языковые способы репрезентации лингвокультурного концепта «бытие», реализующего лингвокреативность ЭКЯЛ (языковая игра, прецедентные феномены, индивидуально-авторская афористика) в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков.

Эмпирическая база диссертационного исследования представлена лирико-философской прозой XX–XXI веков: 1) В.В.Розанова («Уединенное» (1912), «Опавшие листья. Короб первый» (1913), «Опавшие листья. Короб второй» (1915); 2) А.П.Чудакова «Из дневников, записных книжек, писем» (1956-2005 гг.); 3) В.А.Солоухина «Камешки на ладони» (1982 г.); 4) И.Е.Ракши «Монолог без конца» (2021 г.), «Разговор о будущем» (2021 г.), «Звезда на ладони» (2023 г.); 5) А.Алёхина «Варенье из падалицы» (2023 г.).

Отобранные для исследования лирико-философские произведения репрезентируют определенный тип элитарной культурно-языковой личности в историко-хронологических рамках, позволяющих проследить эволюцию представлений о сущности бытия в русской литературе XX–XXI веков.

В основе периодизации лежит идея выделения определенных циклов развития лирико-философской прозы – хронологических границ, в которых она

претерпевает существенные изменения по таким важнейшим дискурсивным признакам, как фрагментарность структуры, жанровая неопределенность, ассоциативность, продуцирование лирико-философских нарративов, базирующихся на экспрессивизации, лингвокреативности, рефлексивности авторского «я».

Анализ творчества В.В.Розанова как своеобразной точки отсчета позволяет выявить параллели с текстами советской и современной исторических эпох, характеризующимися «устностью», то есть попыткой передать непосредственный опыт и мышление автора в собственной неповторимой форме, что проявляется в создаваемом эффекте «необработанности», неформальности и открытости для диалога с читателем. Важно подчеркнуть, что и В.В.Розанов, и авторы XX–XXI веков стремились выйти за рамки традиционного «литературного» жанра. Тексты отличаются фрагментарностью, характеризующейся не линейной структурой повествования, а собиранием мыслей в текстовые формы «потока сознания», когда автор становится центром всего повествования для выражения переживаний, впечатлений, мыслей.

Таким образом, формирование эмпирической базы исследования обусловлено следующими факторами: 1) принадлежностью исследуемых авторов к элитарному типу национальной речевой культуры; 2) авторитетным публичным статусом исследуемых ЭКЯЛ; 3) хронологическим соответствием времени издания лирико-философских произведений важнейшим историческим этапам развития русского литературного языка и общества; 4) неординарностью натуры, оригинальностью мышления, индивидуальностью нарративных практик исследуемых авторов; 5) доступностью в печатном виде и верифицированностью печатных/электронных источников.

Теоретической базой исследования послужили работы ряда зарубежных и отечественных ученых. Формирование антропоцентрической научной парадигмы опирается на гипотезу лингвистической относительности Сепира-Уорфа, труды В. фон Гумбольдта и отечественных лингвистов: Н.Д.Арутюновой, Ю.Д.Апресяна, И.А.Бодуэна де Куртенэ, А.А.Ворожбитовой,

Ю.Н.Караулова, Е.П.Карташовой, В.В.Красных, Е.С.Кубряковой, В.А.Масловой, В.П.Нерознака, А.А.Потебни, Б.А.Серебренникова, Ю.С.Степанова.

Актуальными для исследования являются работы Г.А.Золотовой, Ю.Н.Караулова, Ю.С.Степанова, Д.Н.Шмелева, разработавших теорию языковой личности. Проблемой взаимосвязи языка человека и его мышления занимались И.Берчинска-Коженевска, Е.М.Верещагин, С.Г.Воркачев, В.К.Костомаров, О.А.Леонтович, В.В.Ощепкова, В.Н.Телия, С.Г.Тер-Минасова, М.А.Шелякин и т.д.

Проблема языковой личности рассматривается в работах А.Н.Баранова, Г.И.Богина, Т.Г.Бочиной, Й.Л.Вайсгербера, В.В.Виноградова, С.Г.Воркачева, И.В.Голубевой, Г.Г.Инфантовой, Ю.Н.Караулова, В.И.Карасика, В.В.Красных, В.А.Масловой, В.П.Нерознака, К.Ф.Седова.

Понимание «элитарности» в уровне владения речевой культурой было заложено в трудах Г.И.Богина, В.Е.Гольдина, В.И.Карасика, Т.В.Кочетковой, О.А.Леонтович, О.Б.Сиротининой, И.А.Стернина, В.П.Фурманова и др., а структуры языковой личности – в трудах Ю.Н.Караулова.

Вопросы художественного дискурса рассматриваются Н.Д.Арутюновой, М.М.Бахтиным, Т.Г.Скребцовой, Ю.С.Степановым, В.Е.Чернявской и др. Вопросы жанра рассматриваются в работах В.Е.Гольдина, В.В.Дементьева, М.Н.Кожиной, В.А.Салимовского, О.А.Сиротининой.

В отечественной лингвистике исследование языковой картины мира началось с работ Ю.Н.Караулова и продолжилось в трудах Н.Д.Арутюновой, Ю.Д.Апресяна, А.Вежбицкой, В.Г.Гака, Е.С.Кубряковой, Ю.С.Степанова, В.Н.Телия. Вопросы лингвокультурологического моделирования языковой картины мира и репрезентации культурных концептов в языке получили развитие в трудах Т.Г.Бочиной, что составило важную часть теоретической базы исследования.

Теоретической и практической разработкой константы личность, константы лингвокреативность и константы лингвокультурный концепт как метаединицы лингвокультурологии занимаются отечественные ученые С.В.Бочавер, А.М.Волоскович, В.З.Демьянков, А.В.Дорошенко, Е.В.Захаркив, И.В.Зыкова,

О.К.Ирисханова, М.И.Киосе, В.В.Красных, С.С.Кулиджанян, В.И.Постовалова, О.В.Соколова, П.А.Сорокин, А.А.Степанова, В.Н.Телия, В.В.Фещенко, А.Я.Флиер, И.И.Халеева, Е.С.Шмелева.

Аспекты креативности языка и лингвокреативной деятельности человека в рамках когнитивной лингвистики рассматриваются в трудах Б.Г.Ананьева, М.М.Бахтина, Л.Витгенштейна, Л.С.Выготского, В. Фон Гумбольдта, Н.И.Жинкина, А.Ф.Лосева, Ю.М.Лотмана, У.Матурана, А.А.Потебни, Б.А.Серебренникова, Ю.С.Степанова, Й.Хейзинга, Н.Хомского, Г.П.Щедровицкого, Р.О.Якобсона.

Проблема концепта рассматривается в работах отечественных (Н.Д.Арутюнова, А.Вежбицкая, Ю.Н.Караулов, Е.С.Кубрякова, В.А.Маслова, Ю.С.Степанов, И.А.Стернин, В.Н.Телия и др.) и зарубежных исследователей (Дж.Лакофф и Г.Томпсон, Р.Лангакер, Л.Талми, работы Ч.Филлмора и У.Чейфа, Т.А. ван Дейка, Дж.Хэймана). Теоретические аспекты ценностного компонента лингвокультурного концепта рассматриваются такими исследователями, как С.Г.Воркачев, В.И.Карасик, Г.Г.Слышкин.

Методология исследования опирается на *междисциплинарный подход*, который позволяет репрезентировать многомерную модель элитарной культурно-языковой личности на основе предметных полей коммуникативной стилистики, лингвокультурологии, концептологии, дискурсологии.

Применение **общенаучных методов** индуктивного и дедуктивного анализа, **частнонаучных методов** семантико-стилистического, дискурсивного, концептуального анализа, лингвокультурологического анализа позволяет выделить базовые параметры (константы) элитарной культурно-языковой личности в чувственно-интеллектуальном познании мира, проанализировать их и описать. **Методы** количественного, описательно-сопоставительного анализа обеспечивают сбор и количественно-качественный анализ конкретного эмпирического материала.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается: 1) объемом эмпирической базы (общий объем авторских текстов

составляет 3 362 страницы (846 692 слов); 2) собранной картотекой примеров (20 896 единиц), определяющей репрезентативность полученных результатов); 3) методологией исследования, опирающейся на междисциплинарный подход; 4) реализацией алгоритма комплексного анализа речевой репрезентации элитарной культурно-языковой личности (ЭКЯЛ) в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков).

Научная новизна данного диссертационного исследования определяется следующим:

1) введением нового уточненного термина «элитарная культурно-языковая личность», который позволяет зафиксировать не только культурно-исторические потенции ЭКЯЛ, но и проследить эволюцию эстетических, мировоззренческих представлений о сущности бытия в лирико-философской прозе XX–XXI веков;

2) выделением лирико-философской прозы как особого вида художественного дискурса – субдискурса (на основе таких дискурсивных признаков, как фрагментарность структуры, жанровая неопределенность, ассоциативность, продуцирование лирико-философских нарративов, базирующихся на экспрессивизации, лингвокреативности, рефлексивности авторского «я»);

3) разработкой и апробацией алгоритма комплексного анализа речевой репрезентации элитарной культурно-языковой личности в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков, обусловленного последовательностью этапов: культурно-языковая личность – лингвокультурный концепт «бытие» – лингвокреативность элитарной культурно-языковой личности;

4) определением способов репрезентации лингвокреативности ЭКЯЛ (языковая игра, прецедентные феномены, авторской афористика).

На защиту выносятся **следующие положения**:

1. «Элитарная культурно-языковая личность» (ЭКЯЛ) – это субъект речевой деятельности, обладающий системным историко-культурным сознанием и развитыми лингвокреативными способностями, который на основе взаимодействия национальных культурно-языковых кодов способен к свободному

дискурсивному переключению и продуцированию оригинальных «культуроносных» текстов.

2. Лирико-философская проза как субдискурс художественного дискурса, характеризуется единым фикциональным уровнем дискурсивной организации текстов, рассматриваемых в синергетическом единстве экстралингвистических (фрагментарность структуры, жанровая неопределенность, ассоциативность, продуцирование лирико-философских нарративов) и языковых (языкотворческие потенции ЭКЯЛ: языковая игра, прецедентность, авторская афористика).

3. Алгоритм комплексного анализа репрезентации ЭКЯЛ в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков, базирующийся на междисциплинарном подходе, включает логически взаимообусловленные этапы (культурно-языковая личность – лингвокультурный концепт «бытие» – лингвокреативность элитарной культурно-языковой личности).

4. Лингвокультурный концепт «бытие», интегрирующий формы чувственного переживания и философского осмысления мира, эксплицирует языкотворческие потенции (лингвокреативность) ЭКЯЛ: продуцирование языковой игры, прецедентности, авторской афористики.

Теоретическая значимость работы заключается:

1) в обобщении и уточнении базовых терминов и их вариантов – языковая личность, элитарная языковая личность, культурно-языковая личность – и введении новой дефиниции «элитарная культурно-языковая личность»;

2) В определении специфики метаязыковых единиц – личность, концепт, креативность, которые обладая универсальным исследовательским потенциалом для изучения различных дискурсивных типов, конкретизируются в рамках лингвокультурологической исследовательской парадигмы как – ЭКЯЛ, лингвокультурный концепт, лингвокреативность;

3) в обосновании статуса лирико-философской прозы XX–XXI веков как субдискурса в составе художественного дискурса, обладающего синергетическим единством экстралингвистических (лирико-философская и культурологическая

деятельность творческой личности) и лингвистических (языкотворческие потенции языковой личности) факторов;

4) в разработке алгоритма комплексного анализа речевой репрезентации ЭКЯЛ, который может экстраполироваться не только на иные субдискурсы художественного дискурса, которые могут репрезентировать другие лингвокреативные механизмы и способы их языковой экспликации.

Практическая значимость исследования состоит в следующем:

1. Разработанный и апробированный алгоритм комплексного анализа ЭКЯЛ на материале лирико-философской прозы XX–XXI веков может быть применен не только для изучения литературного наследия других ЭКЯЛ в рамках исследуемого субдискурса, но и в иных дискурсивных практиках, репрезентирующих лингвокреативную деятельность ЭКЯЛ.

2. Методология и результаты проведенного исследования могут послужить дополнительным новым материалом для подготовки к лекционным и практическим занятиям по лингвокогнитологии, лингвокультурологии, стилистике русского языка, филологическому анализу художественных текстов, а также при написании научных квалификационных работ.

Степень достоверности и апробации результатов работы.

Результаты проведенного исследования систематически выносились на обсуждение на заседаниях кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» в 2021–2026 гг. и на преподавательских научных конференциях ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» по итогам НИР за 2021 г. («Русский литературный модернизм и новаторская проза В.В.Розанова», 17 мая 2022 г.) и 2022 г. («Стилевые черты постмодернизма в новаторской прозе В.В.Розанова», 08 мая 2023 г.), а также в виде докладов на научных следующих конференциях:

1. XV Международная научно-практическая конференция «Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты» («Интертекстуальность и языковая игра как

текстообразующие факторы в новаторской прозе В.В.Розанова»), ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 13 октября 2023.

2. I Международная научно-практическая конференция «Язык, традиционная и художественная культура народов Волго-Камья в парадигме современности» («Творческая эволюция новаторской прозы В.В.Розанова в произведениях современных авторов»), ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 20 октября 2023 г.

3. XVI Международная научно-практическая конференция «Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты». («Элитарная языковая личность и проблема интертекстуальности в русской лирико-философской прозе XX в.»), ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 28 октября 2024 г.

4. Международная научная конференция «Вызовы и тренды современной лингвистики («Challenges and trends in world linguistics») в рамках V Казанского международного лингвистического саммита». («Лингвокогнитивный уровень языковой личности в жанре лирико-философской прозы XIX–XXI вв.»), ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 29 октября 2024 г.

5. II-я Международная научно-практическая конференция «Язык, традиционная и художественная культура народов Волго-Камья в парадигме современности». («Лингвокогнитивный подход к описанию концепта «бытие» в лирико-философской прозе XIX–XX веков»), ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 19 ноября 2024 г.

6. Международная научно-практическая конференция «Язык. Личность. Культура». («Художественное время, художественное пространство и языковые средства их репрезентации в лирико-философской прозе XIX–XXI веков»), ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева», 26 февраля 2026 г.

7. III Всероссийская научно-практическая конференция «Знание. Слово. Культура». («Афористика как реализация константы «креативность» в

лирико-философской прозе XX–XXI веков»), ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 14 апреля 2026 г.

Основные положения и отдельные аспекты диссертационного исследования изложены в 22 публикациях:

- в 9 статьях (6,95 п.л.) в научных рецензируемых журналах, включенных в перечень изданий, рекомендованных ВАК;
- в 12 публикациях (4,99 п.л.), включенных в базу РИНЦ;
- в главе коллективной монографии (0,64 п.л.);

Объем и структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, 3 глав, последовательно раскрывающих основные понятия и категории работы, заключения, библиографического списка, 4 приложений. Объем диссертации (без приложений) составляет 203 страницы.

Во введении обосновывается научный аппарат диссертации: актуальность и новизна исследования, определяются объект и предмет, цели и задачи, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе анализируются концептуально важные для данного исследования теоретические аспекты и понятия: языковая личность, элитарная языковая личность, культурно-языковая личность, элитарная культурно-языковая личность.

Во второй главе описывается лингвокультурный концепт «бытие», формирующий лингвокогнитивный уровень элитарной культурно-языковой личности лирико-философской прозы XX–XXI веков. Описывается алгоритм анализа репрезентации элитарной культурно-языковой личности в лирико-философской прозе XX–XXI веков, основанный на междисциплинарном подходе, определяются языковые параметры, репрезентирующие креативные способности культурно-языковой личности в лирико-философской прозе.

В третьей главе анализируются языковые способы организации лирико-философской прозы XX–XXI веков, реализующие ЭКЯЛ исследуемых авторов (А.П.Чудаков, В.А.Солоухин, И.Е.Ракша, А.Алёхин), демонстрирующих высокие

потенции лингвокреативной «деятельности»: продуцирование афористики, языковой игры, прецедентности на основе реализации базового лингвокультурного концепта «бытие».

В заключение вынесены основные результаты исследования в форме выводов, определены дальнейшие научно-исследовательские перспективы.

Приложения включают:

Приложение 1. Количественно-качественный анализ репрезентации лингвокультурного концепта «бытие» в субдискурсе лирико-философской прозы А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, И.Е.Ракши, А.Алёхина, ограниченной тремя временными периодами: 1) 1912–1930 гг.; 2) 1940–1980 гг.; 3) первая четверть XXI века.

Приложение 2. Количественная характеристика примеров языковой игры в текстах А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, И.Е.Ракши, А.Алёхина.

Приложение 3. Количественная характеристика примеров прецедентных феноменов в текстах А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, И.Е.Ракши, А.Алёхина.

Приложение 4. Количественная характеристика примеров авторской афористики в текстах А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, И.Е.Ракши, А.Алёхина.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования элитарной культурно-языковой личности

1.1. Дифференциация понятий «языковая личность», «элитарная языковая личность»

В современном гуманитарном знании ведущую роль играет антропоцентрическая парадигма, которая подразумевает переключение интересов исследователя с объектов познания на субъект. Переход от понимания языка как системы «в себе и для себя» к представлению о языке, который «существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [14, с. 59], обусловлен стремлением человека познать мир через осознание себя и своей деятельности в нем – как материальной, так и идеальной.

В рамках антропоцентрической парадигмы современного языкознания сформировались такие основные направления, как когнитивная лингвистика, лингвополитология, лингвистика текста, прагмалингвистика, коммуникативная лингвистика, лингвокультурология и др. Все эти дисциплины объединяют понятие «человек».

Давая характеристику антропоцентризму как одному из ведущих принципов современной лингвистики, Е.С.Кубрякова подчеркивает, что «антропоцентризм характеризуется как особый принцип исследования, который заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот

анализ, определяя его перспективу и конечные цели. В лингвистике антропоцентрический принцип связан с попыткой рассмотреть языковые явления в связи «язык и человек» [52, с. 212]. Согласно В.Ю.Дорофееву, «антропоцентрический принцип связан с исследованием следующих проблем, касающихся связи человека и его языка: язык и духовная активность человека; язык, мышление и сознание человека; язык и физиология человека; язык и культура; язык и коммуникация; язык и ценности человека» [46, с. 302]. Следует отметить, что антропоцентрический принцип в лингвистике реализуется в двух взаимосвязанных направлениях: «человек в языке», где «человек рассматривается как носитель сознания и транслятор культуры», и «язык в человеке», где «язык выступает как «средство осмысления мира, культуры и самого человека» [Маслова: 2008].

«Понятие «языковая личность» образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность. Прежде всего под «языковой личностью» понимается человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т.е. комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения – по существу «личность речевая» [26, с. 65]. В.П.Нерозник выделяет два типа языковой личности: «стандартную языковую личность, отражающую усредненную литературно обработанную норму языка, и нестандартную языковую личность, которая представляет собой «верхи» либо «низы» культуры языка. К «верхам» В.П.Нерозник относит писателей, мастеров художественной речи. Это так называемая элитарная языковая личность. «Низы» – это носители и производители маргинальной языковой культуры (антикультуры)» [108, с. 114-116].

Под «языковой личностью» понимается также «совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, – личность коммуникативная» [10, с. 1]. Кроме того, «языковая личность» может

означать «закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре – личность словарная, этносемантическая» [26, с. 65].

Согласно определению, данному В.И.Карасиком, под языковой личностью можно понимать «человека, существующего в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке и текстах» [64, с. 96], «личность, которую в основных чертах можно реконструировать на основе языковых средств» [105, с. 47-78].

Проблема языковой личности является одной из центральных в исследованиях А.Н.Баранова, Г.И.Богина, Т.Г.Бочиной, С.Г.Воркачева, И.В.Голубевой, Г.Г.Инфантовой, В.И.Карасика, Ю.Н.Караулова, В.В.Красных, В.А.Масловой, В.П.Нерознака, К.Ф.Седова и других.

В первой половине 80-х годов Г.И.Богин в работе «Современная лингводидактика» предложил рассматривать концепцию языковой личности как центральное понятие лингводидактики: «Центральным понятием лингводидактики является языковая личность – человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки. Языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [12, с. 3]. В концепции Г.И.Богина языковая личность рассматривается с точки зрения коммуникативно-деятельностного аспекта. Исследуя дискурс с точки зрения типологии понимания, ученый выделяет три его уровня: «семантизирующий, когнитивный и распредмечивающий» [13]. Опираясь на психологическую концепцию А.А.Леонтьева, Г.И.Богин разработал «параметрическую поликомпонентную модель речевой способности» [11, с. 3]. В качестве параметров Г.И.Богин выделяет фонетический, грамматический и лексический аспекты языка, а также основные виды речевой коммуникации: говорение, слушание, письмо и чтение. Уровни развития речевой способности

соотносятся с реальным процессом ее формирования в ходе обучения, ориентированного на полноценное овладение языком.

Ю.Н.Караулов в монографии «Русский язык и языковая личность» дает два определения языковой личности (далее – ЯЛ): 1) ЯЛ – это «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [68, с. 245]; 2) ЯЛ – это «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Там же, с. 38]. Оба определения были включены в энциклопедию «Русский язык» под ред. Ю.Н.Караулова., где ученый подчеркивает, что автором данного термина является В.В.Виноградов.

Ю.Н.Караулов предлагает модель языковой личности, содержащую три структурных уровня: нулевой, первый и высший.

1. «Нулевой уровень – вербально-семантический, или структурно-семантический. Этот уровень составляет базу для общения на языке и отражает степень владения им.

2. Первый уровень – когнитивный, или тезаурусный – связан с актуализацией, систематизацией и идентификацией знаний, присущих языковой личности. На данном уровне формируется когнитивное пространство индивидуального и коллективного языкового сознания, отражающее картину мира личности через систему понятий, представлений и идей.

3. Высший уровень – прагматический – включает систему мотивов, целей и установок, определяющих развитие языковой личности. На этом уровне актуализируются коммуникативные потребности личности, ее способы речевого поведения в различных коммуникативных ситуациях» [68, с. 60-61].

Согласно Ю.Н.Караулову, языковая личность формируется «по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы, и первый уровень (после нулевого) ее изучения – выявление, установление иерархии

смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе» [Там же, с. 36]. Связующим элементом установления связи между уровнями является «экстралингвистическая информация, поставляемая социальной составляющей языка и связанная с «историей» языковой социализации данной личности, «историей» ее приобщения к принятым в данном обществе стереотипам в соотношении жизненно важных понятий, идей, представлений, историей их усвоения и присвоения в процессе социализации» [Там же, с. 45]. На основе этой информации от вербально-семантического уровня мы можем перейти к лингво-когнитивному и реконструировать тезаурус личности» [Там же, с. 45]. «На лингво-когнитивном (тезаурусном) уровне в качестве единиц следует рассматривать обобщенные (теоретические или обыденно-жизненные) понятия, крупные концепты, идеи. В качестве стереотипов на этом уровне выступают устойчивые стандартные связи между дескрипторами, находящие выражение в генерализованных высказываниях, дефинициях, афоризмах, крылатых выражениях, пословицах и поговорках, из всего богатства и многообразия которых каждая языковая личность выбирает, «присваивает» именно те, что соответствуют устойчивым связям между понятиями в ее тезаурусе и выражают тем самым «вечные», незыблемые для нее истины, в значительной степени отражающие, а значит и определяющие ее жизненное кредо, ее жизненную доминанту» [Там же, с. 52-53]. Описание портрета языковой личности подразумевает реконструкцию ее языковой модели мира – выявление компонентов семантического поля «картины мира».

Языковая личность понимается как носитель определенного языка, характеризующийся на основе анализа созданных им текстов. При этом данное понятие связано с моделируемой исследовательской сущностью, то есть с научной абстракцией. Теоретической основой такого подхода можно считать работу Н.С.Трубецкого «К проблеме русского самосознания», в которой философское понятие личности раскрывается через единство и противопоставление двух сторон: «частночеловеческой» и «многочеловеческой» [149, с. 12].

Согласно предположению В.И.Карасика, языковая личность в условиях общения определяется как коммуникативная – «обобщенный образ носителя

культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [66, с. 363]. В структуре языковой личности можно выделить «ценностный, познавательный и поведенческий планы» [Там же, с. 56]. Ценностный план отражает совокупность утилитарных и этических норм поведения, свойственных определенному этносу в конкретный исторический период. Данные нормы закрепляются в коллективном сознании и формируют «нравственный кодекс» народа.

Следует отметить, что аспекты личности, выделяемые В.И.Карасиком, также соотносятся с трехуровневой моделью языковой личности Ю.Н.Караулова. При этом между данными подходами существует важное различие, которое состоит в том, что в концепции В.И.Карасика ценностный, познавательный и поведенческий аспекты не образуют строгой иерархии, а взаимно дополняют друг друга.

В лингвокультурологии языковая личность рассматривается через призму «человеческого фактора в языке», то есть, как «...закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного естественного языка» [28, с. 17]. Изучение коллективной, или «этносемантической», личности направлено на выявление особенностей национальной культуры определенного языкового сообщества. С этим подходом соотносится и приведенное выше в данном исследовании определение В.И.Карасика.

Феномен языковой личности отражает особенности дискурсивных проявлений не только отдельной личности, но и типизированной модели, отражающей национальное сознание на определенном этапе его исторического развития. В связи с этим проблема языковой личности может быть описана через ее принадлежность к определенному типу речевой культуры, поскольку языковая личность формируется и существует в пространстве культуры. А.А.Леонтьев отмечал, что «человеческое в человеке порождается его жизнью в условиях общества, в условиях созданной человеком культуры» [81, с. 12]. Понятие «речевая культура» было введено Н.И.Толстым (1991) и впоследствии получило развитие в работах В.Е.Гольдина и О.Б.Сиротининой (1993, 1997, 2000). Речевая культура

«включает в себя язык, формы воплощения речи, совокупность общезначимых речевых произведений на данном языке, обычаи и правила общения, соотношение словесных и несловесных компонентов коммуникации, закрепление в языке картины мира, способы передачи, сохранения и обновления языковых традиций, языковое сознание народа в бытовых и профессиональных формах, науку о языке» [35, с. 413-414].

Соответственно вполне оправданной видится идея выделения типов языковых личностей как носителей определенного культурного потенциала с учетом их принадлежности к тому или иному *типу речевой культуры* [Толстой: 1991, Гольдин, Сиротинина: 1993, 1997, 2008, Иванчук: 1999, 2004, 2005, Сиротинина: 2000, 2003, Нещименко: 2001, Крысин: 2002 и др.]. Согласно данной теории, языковое сознание представителей разных культур характеризуется специфическими когнитивными структурами и концептуальными системами, которые определяют особенности их картины мира и системы ценностных ориентиров. Теория типов речевых культур помогает в решении таких глобальных лингвистических проблем, как языковая/речевая норма, роль языковой личности в развитии литературного языка, критерии выделения этических и коммуникативных норм и пр.

Согласно Н.И.Толстому, «языковая личность может быть носителем определенной разновидности речевой культуры этноса: *элитарной*, связанной с употреблением литературного языка; *народной*, принадлежащей диалектоносителям; *третьей культуры*», использующей просторечие; *традиционно-профессиональной*, носители которой активно употребляют в своей речи арго» [148, с. 9]. Г.П.Нещименко (2001) разграничивает носителей литературного языка и пользователей литературного языка, принимая в качестве основного критерия степень владения языком, достаточную для осуществления межличностной коммуникации. Таким образом, в системе внутринациональных речевых культур выделяются «первичные типы, усваиваемые в практическом общении (народная речевая культура сельских жителей, говорящих на диалекте, массовая просторечная культура малообразованных горожан, отчасти культура,

обслуживаемая литературно-разговорной речью), и вторичный тип, элитарная речевая культура, выросшая на основе владения литературным языком, связанная с профессионализацией общения и усваиваемая путем специального изучения (через школу и другие формы образования)» [Гольдин, Сиротинина: 1993].

В вопросе *типологизации языковой личности с точки зрения ее принадлежности к определенному типу речевой культуры* наиболее обоснованной, глубокой и всеобъемлющей представляется позиция В.Е.Гольдина и О.Б.Сиротининой. Именно поэтому концепция этих ученых легла в основу данной работы. Исследователи выделяют следующие типы языковых личностей: *«элитарную, среднелитературную, литературно-разговорную (литературно-жаргонизирующую), фамильярно-разговорную (обиходную), просторечную, народно-речевую, профессионально-ограниченную»* [34, с. 9]. Опираясь на результаты исследований, посвященных классификации типов речевой культуры и описанию языковой личности как носителя элитарного типа речевой культуры (Сиротинина: 1991, 1996, 2001, 2009 и др.; Гольдин, Сиротинина: 1997; Толстой: 1991; Ильин: 2001; Кочеткова: 1996, 1998, 1999, 2007; Иванчук: 2005; Куприна: 2006; Ширяев: 1991, 1997 и др.), определим понятие «элитарная языковая личность» (далее – ЭЯЛ). ЭЯЛ – это языковая личность, владеющая всеми нормами литературного языка, соблюдающая этические нормы, умело использующая стили и регистры речи в зависимости от изменяющихся условий коммуникации и коммуникативных задач, выступающая как носитель и транслятор культурных ценностей, отраженных в языке.

Элитарная языковая личность формируется и существует в пространстве культуры, поэтому особую значимость приобретает проблема ее описания с точки зрения соотнесенности с определенным типом речевой культуры (В.Е.Гольдин, И.А.Иванчук, Л.П.Крысин, Г.П.Нещименко, О.Б.Сиротинина, Н.И.Толстой и др.). Т.В.Кочеткова вводит понятие «языковая личность носителя элитарной речевой культуры». Г.И.Богин вводит в научный оборот понятие «высокоразвитая языковая личность», которая характеризуется «свободным выбором подсистем языка и свободным оперированием этими системами» [9, с. 15]. Высокоразвитая языковая

личность реализует различные типы коммуникативных актов через эстетическое осмысление и риторическое воспроизведение. На высшем уровне ее развития «появляется сигнализация о человеческой субъективности» [Там же, с. 12], в рамках которой проявляются социальный статус, этические, эмоциональные и оценочные аспекты поведения и речи, особенности характера и мировоззрения, то есть «средства выражения, не являющиеся средствами прямой номинации» [Там же, с. 13].

Актуальность и перспективность вопроса изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры позволяют определить это понятие как «носитель русского языка, умеющий демонстрировать высшую языковую способность в любых ситуациях общения (публичных и неофициальных, привычных, запланированных и неожиданных, экстремальных и т.п.) и имеющий широкое поле постоянной и разнообразной речевой деятельности» [74, с. 14].

О.Б.Сиротинина выделяет следующие черты, определяющие ЭЯЛ: «владение (хотя бы пассивное) достижениями мировой и национальной культуры – знание артефактов материальной культуры, знакомство с шедеврами мировой литературы, живописи и музыки, представление о гениях науки и т. д.; умение мыслить и логично излагать мысли, оперирование прецедентными текстами, имеющими непреходящее мировое значение; привычка постоянно пополнять свои знания и основываться для их проверки на авторитетных источниках – словарях и справочниках» [128, с. 157]. Кроме того, по мнению О.Б.Сиротининой, речь представителя элитарной речевой культуры всегда соотносится с функциональной разновидностью литературного языка, соответствующей конкретной коммуникативной ситуации, а также с национальными традициями общения и этическими нормами поведения. Это «целесообразная речь, успешная для адресанта и эффективная для адресата» [Там же, с. 157].

Творческое отношение к языку является одной из значимых характеристик носителя элитарного типа речевой культуры. Оно проявляется в способности видеть смысловые оттенки слова, воспринимать его выразительный потенциал и использовать приемы языковой игры: включать в текст литературные цитаты,

обыгрывать их, создавать остроты, каламбуры и другие формы речевой выразительности.

К элитарному типу может быть отнесена не только индивидуальная языковая личность, но и определенные социальные типы личностей. Описанный Л.П.Крысиным тип современного русского интеллигента, на наш взгляд, соотносится с понятием элитарной языковой личности, поскольку обладает такими качествами, как, например: «умение переключаться в процессе коммуникации с одних разновидностей языка на другие в зависимости от условий общения – полигlossность (введен Л.П.Крысиным), насыщенность речи прецедентными текстами, высказываниями и именами литературных персонажей; рефлексия над словом, активное использование языковой игры» [85, с. 98].

В качестве определяющего критерия соотнесенности языковой личности с элитарной речевой культурой И.А.Иванчук выделяет риторическую компетентность – «совокупность знаний и умений в области коммуникативного поведения личности в различных условиях общения в целях его оптимизации, требующую реализации определенной степени культурного потенциала и творческих способностей» [59, с. 14-15]. Согласно исследователю, можно выделить следующие критерии отнесенности языковой личности к высшему типу речевой культуры: «1) высокий уровень общей культуры, нравственных, этических принципов и норм общения; 2) принадлежность к гуманитарной сфере и к тем, для кого слово является инструментом по-вседневной практической деятельности; 3) привычка и опыт публичных выступлений; 4) следование ортологическим нормам русского литературного языка, т.е. владение речью «правильной» и «культурной» (В.В.Колесов) [Там же, с. 14-15].

По результатам проведенного теоретического анализа понятия языковой личности, можно выделить ряд центральных речевых характеристик языковой личности как носителя элитарной речевой культуры:

1. Элитарная языковая личность последовательно реализует качества правильной речи на всех этапах коммуникативного акта – от его начала до завершения, что обеспечивает эффективность речевого взаимодействия и

способствует достижению коммуникативной цели. При этом носитель элитарной речевой культуры способен осознанно использовать как средства литературного языка, так и некодифицированные речевые элементы, если их употребление соответствует ситуации общения, коммуникативным отношениям и задачам речевого взаимодействия.

2. Для элитарной языковой личности характерна способность свободно и осознанно переключаться между функциональными стилями в зависимости от коммуникативного контекста. При этом текст создается с использованием единиц разных подсистем русского языка, что позволяет наиболее точно реализовать замысел говорящего и учесть условия, в которых происходит коммуникация.

3. Для элитарной языковой личности характерно продуцирование полистилевых текстов, основанное на сочетании средств литературного языка со стилистически мотивированным использованием внелитературных элементов: разговорных, просторечных, жаргонизмов и др.

4. Для элитарной языковой личности характерно творческое осмысление ранее воспринятых текстов и включение их элементов в собственную речь через аллюзии, реминисценции, прецедентные феномены, интертекстемы, а также через продуцирование языковой игры и афористики, что свидетельствует о развитом языковом сознании.

5. Для элитарной языковой личности характерны трансляция и интерпретация культурных ценностей через язык, владение культурным контекстом эпохи его сочетание с культурным контекстом.

Согласно В.В.Виноградову, «ощущение говорящим (или пишущим) понимания целесообразности того или иного слова, той или иной интонации, той или иной синтаксической конструкции и их сложного сцепления в пределах целостных отрезков текста – вот та мощная сила, которая выковывает образцовую речь и позволяет говорить о высшей степени речевой культуры» [23, с. 149].

Речь носителя элитарного типа языковой личности отличается выраженной индивидуальностью, поскольку она отражает не только личные речевые предпочтения говорящего, но и его социальный статус, профессиональную среду и

опыт участия в разнообразных коммуникативных ситуациях. Благодаря этому речевое поведение такой личности приобретает устойчивые и узнаваемые признаки.

Теоретическое осмысление понятия элитарной языковой личности позволяет перейти от общей характеристики данного феномена к анализу конкретного носителя элитарного типа речевой культуры. Такое исследование важно не только потому, что раскрывает индивидуальные, личностные и творческие особенности отдельного человека, но и потому, что позволяет увидеть, как теоретическая модель языковой личности реализуется в современной коммуникативной практике. Значимость конкретной языковой личности определяется тем, насколько полно в ее речи и поведении проявляются культурный опыт, речевой эталон и особенности картины мира, связанные с концентрацией «культуроносной энергии народа» [141, с. 10].

Как носитель высшей речевой культуры, элитарная языковая личность демонстрирует предельно высокий уровень владения языком. Характеристика ЭЯЛ не ограничивается описанием фонетических, грамматических, лексических и стилистических особенностей речи. Анализ данного типа личности позволяет выявить систему знаний, ценностных ориентиров и мировоззренческих установок индивида. Эти установки проявляются в речевом поведении, выборе коммуникативных стратегий, реакциях на различные ситуации общения и особенностях индивидуального тезауруса. Тем самым элитарная языковая личность предстает не только как носитель языковых норм, но и как субъект, чья речь отражает более глубокие концептуальные и культурные основания, составляющие языковую систему и ее дискурсивное использование.

1.2. Культурно-языковая личность, элитарная культурно-языковая личность как базовые термины лингвокультурологии

Лингвокультура, являясь сферой пересечения языка и культуры, представляет собой отдельную семиотическую систему – «пространство, где пересекаются / накладывают друг на друга язык и культура, где культурные смыслы явлены нам только в знаках языка, а знаки языка выступают ... как тела для знаков языка культуры» [83, с. 171]. Лингвокультура включает в себя систему всех манифестаций культураносных смыслов на всех уровнях национального языка: лексическом, морфологическом, синтаксическом. На современном этапе основным материалом лингвокультурного анализа является текст, что, по мнению В.М.Шаклеина, «способствует появлению нового вида лингвокультурологии – лингвокультурологии текста» [160, с. 78].

В связи с этим важным представляется вопрос уточнения метода лингвокультурологического анализа. Лингвокультурология коррелирует со смежными областями научного знания на различных уровнях языка, что предполагает перенос научных знаний из одной дисциплины в другую. В случае максимальных пределов переноса знаний, по И.В.Зыковой, принято говорить о процессе «культурного трансфера знаний» [57, с. 100] [Демьянков: 2015, 2016; Фещенко, Бочавер: 2016, Зыкова: 2016]. По В.В.Фещенко, С.В.Бочавер, «культурный трансфер» – это «процесс переноса знаний между разными культурами, профессиональными сообществами и дискурсами» [Там же, с. 100-101]. Исследователи утверждают, что «в ходе интеграции научных дисциплин последствием трансфера знаний является процесс междисциплинарного трансфера» [Демьянков: 2016; Зыкова: 2016-б] или трансфер терминов, формирующих понятийно-терминологический аппарат метаязыковой системы. Междисциплинарный трансфер метаязыкового творчества в лингвокультурологии позволяет определить технологию и сформировать такие

базисные единицы метаязыка лингвокультурологии, как (лингвокультурный) концепт, культурная память, личность, культурная информация, концептосфера, лингвокреативность, (лингво)когнитивный стиль культуры [Там же, с. 104]. И.В.Зыкова приходит к выводу о том, что система метаязыка лингвокультурологии состоит из «элементов – лингвокультурологических единиц, между которыми устанавливаются связи разного рода» [Там же, с. 120]. Лингвокультурологические константы, в исследовании И.В.Зыковой – это «метаединицы (или терминологические понятия), посредством которых обеспечивается концептуальная связанность метаязыка лингвокультурологии как целостной системы, основанной на сложном комплексе взаимных отношений и определенных связей, составляющих ее множественных разнообразных метаединиц» [57, с. 146]. Отличие языковой формы константы от других понятий междисциплинарных наук состоит в «лингвокультурологической специфике познания разнообразных культурных и языковых процессов как результатов деятельности человека (социума, народа)» [Там же, с. 158].

Итак, ядерной (базисной) частью метаязыка лингвокультурологии являются личность и лингвокреативность. Считаем необходимым рассмотреть культурно-языковую составляющую данных констант, из которых формируется все содержание константных метаединиц лингвокультурологии.

Выше нами было проанализирован термин «языковая личность», позволившее нам сделать вывод о том, что данное понятие взаимодействует с рядом смежных терминов, отражающих различные онтологические аспекты «бытия» человека. Считаем важным рассмотреть личность с точки зрения ее культурной и языковой составляющей в рамках лингвокультурологического контекста.

В.Н.Телия утверждает, что «предметная область лингвокультурологии – изучение взаимодействия культурного фактора в языке и языкового фактора в человеке на фоне живых коммуникативных процессов и их связи с осознанной или бессознательно проявляющейся ментальностью носителей языка, являющихся и носителями культуры – субъектов языка и культуры» [Там же, с. 210-211].

Культурно-языковая личность характеризуется способностью не только усваивать культурные смыслы, закрепленные в языке, но и создавать новые формы их речевого выражения. Благодаря этому формируется лингвокультура как особое антропологическое пространство, объединяющее духовно-ментальные, материальные и коммуникативные аспекты человеческого бытия. Будучи включенной в пространство определенной лингвокультуры и одновременно участвуя в ее создании, культурно-языковая личность обладает культурно-языковой компетенцией, определяемой В.Н.Телия как «владение установками культуры, с которой говорящие/слушающие себя идентифицируют и способны оперировать ими в коммуникативно-языковой их презентации» [144, с. 27]. М.В.Ковшова в своем исследовании подтверждает это положение, заявляя, что «в элементарном объеме любой носитель языка обладает культурной и языковой компетенцией, что культурная компетенция, в совокупности с языковой, позволяет передать и воспринять не только языковое значение, но и транслируемые с помощью языковых знаков культурные смыслы, то есть сделать свой культурный выбор» [76].

Согласно В.Н.Телия, в рамках культурно-языковой компетенции, культурно-языковая личность может толковаться, как «полифонический носитель языка, находящийся внутри когнитивно-языковых систем интерпретативной переработки, концептуализации и лингвокреативной (по Б.А.Серебренникову) обработки информации, принадлежащей предметной области культуры, но воплощенной в форме языковых знаков» [144, с. 27]. Ввиду своей природы одновременно индивидуального и коллективного достояния, культурно-языковая компетенция позволяет рассматривать культурно-языковую личность в рамках дихотомии «индивидуальное – коллективное». Индивид существует не изолированно, а в системе социальных связей, поэтому процессы культуротворчества и языкотворчества предполагают постоянное взаимодействие личного и общенационального опыта. В этом смысле индивидуальная личность и коллективная личность выступают как взаимосвязанные субъекты формирования языка и культуры.

Наиболее убедительным представляется подход, согласно которому индивидуальная и коллективная личность рассматриваются как равнозначные участники культурных и языковых процессов. Вслед за И.В.Зыковой, О.А.Леонтович, А.В.Костиной и другими исследователями мы исходим из того, что индивидуальное начало не существует вне коллективного опыта и наоборот. Поэтому творческая реализация отдельной личности всегда соотнесена с культурно-языковым пространством коллектива, тогда как коллективное, в свою очередь, обнаруживает себя через деятельность конкретных индивидов. Культурно-языковую личность можно охарактеризовать двойственным акциональным параметром, объединенным лингвокультурой – духовно-ментальным и материальным, антропологическим и онтологическим полем. И.В.Зыкова предлагает следующее определение понятия культурно-языковая личность – «личность, рассматриваемая с позиции ее одновременно культурологических и языкотворческих способностей (т.е. как актора (или субъекта) одновременно двух процессов – культурного и языкового), благодаря которым происходит создание двух аксиологически детерминированных семиотических систем – (концептосферы) культуры и языка и осуществляется их интеракция» [57, с. 218].

Понятие «культурно-языковая личность» имеет сложную структуру, его осмысление предполагает обращение к ряду взаимосвязанных категорий, прежде всего к понятиям «лингвокультура» и «культурно-языковая компетенция». Лингвокультура в данном контексте понимается как результат активного, деятельностного отношения личности к миру, тогда как культурно-языковая компетенция отражает способность личности усваивать, интерпретировать и воспроизводить культурные смыслы средствами языка. Поэтому при проведении лингвокультурологического исследования особенно важно определить, какой аспект культурно-языковой личности – индивидуальный или коллективный – будет принят в качестве исходного или наиболее значимого. Для лингвокультурологической науки актуальным является также вопрос личности и

вхождение варианта «культурно-языковая личность» в качестве одной из констант и ядра метаязыка лингвокультурологии.

Принятый в данной работе междисциплинарный (лингвокогнитивный и лингвокультурологический) подход к исследованию языковой личности потребовал, с нашей точки зрения, введения нового уточненного термина – *«элитарная культурно-языковая личность»* (далее – ЭКЯЛ), который отражает не только систему мировоззренческих установок ЯЛ, культурно-исторический опыт эпохи, но и взаимодействие культурологических и языкотворческих способностей субъекта, то есть способность продуцировать оригинальные тексты на базе сложного взаимодействия культурных и языковых систем, через которые актер выражает сложные культурные эмоции, демонстрирует креативные способности к языковой игре, афористике, интертекстуальности и прецедентности.

Таким образом, речевой облик ЭКЯЛ формируется на основе ряда характеристик:

1. Элитарная культурно-языковая личность глубоко понимает историко-культурный контекст, обеспечивая точность и культурное соответствие в процессе коммуникации, что позволяет добиться обогащения и осмысленного взаимодействия культурных кодов и символов, которые интегрируются на всех уровнях общения для эффективного выполнения задач в различных социокультурных контекстах.

2. Для элитарной культурно-языковой личности характерна способность осознанно включать культурно значимые элементы (прецедентные феномены и интертекстемы) в тексты различной функционально-стилевой принадлежности, усиливая смысловую, ценностную и эстетическую выразительность высказывания.

3. Элитарная культурно-языковая личность реализует свободное культурное переключение в художественном дискурсе, что связано с внутренним пониманием культурных и исторических кодов, способствующих более глубокой интерпретации текстов различных субдискурсов.

4. Элитарной культурно-языковой личности присуще создание художественных текстов на базе сложного взаимодействия культурологической и

языкотворческой составляющих актора, который демонстрирует развитые креативные способности к продуцированию сложных «культуроносных» текстов.

На основе анализа перечисленных сущностных характеристик ЭКЯЛ введем определение понятия **«элитарная культурно-языковая личность» (ЭКЯЛ)**. *ЭКЯЛ – это субъект речевой деятельности, обладающий системным историко-культурным сознанием и развитыми лингвокреативными способностями, который на основе взаимодействия национальных культурно-языковых кодов способен к свободному дискурсивному переключению и продуцированию оригинальных «культуроносных» текстов.*

Данное определение показывает, что ЭКЯЛ не просто владеет национальной культурой, а глубоко понимает ее коды и умеет свободно переключаться между разными дискурсивными типами и социокультурными контекстами. ЭКЯЛ целенаправленно работает с «чужим словом» и культурными символами для усиления их эстетической и ценностной выразительности. ЭКЯЛ – не пассивный носитель культуры, а активный «языкотворец», синтезирующий смыслы и языковую форму в уникальный авторский текст.

1.3. Лирико-философская проза как субдискурс художественного дискурса: репрезентация элитарной культурно-языковой личности

Антропоцентрический подход предполагает обращение к понятию «художественный дискурс», который рассматривается как результат отражения событий окружающего мира и создаваемой реальности в художественном тексте.

Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю, дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими –

прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [187, с. 136], «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Там же, с. 137].

В России интерес к дискурсивным исследованиям на рубеже 1980–90-х гг. предопределил становление когнитивно-дискурсивной и коммуникативно-дискурсивной парадигмы анализа языка (в работах В.И.Карасика, А.А.Кибрика, Е.С.Кубряковой, М.Л.Макарова, О.В.Соколовой, В.Е.Чернявской и др.). Под дискурсом в этой парадигме понимается «комплексный феномен, объединяющий и динамический, и статический аспекты», «единство процесса языковой деятельности и ее результата» [Кибрик 2019: 127].

В.Г.Борботько утверждает, что «дискурс – текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [Борботько 1981: 8]. В этом определении отмечается такое важное свойство дискурса, как цельность и внутренняя связность. Эти же качества, общие для текста и дискурса, подчеркивались Т.М.Николаевой, выделившей важнейшие значения понятия дискурс: «1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [Николаева 1978: 467].

С точки зрения Н.Д.Арутюновой, дискурс – это «различные виды актуализации абстрактной, формальной конструкции, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами» [173, с. 136-137]. Дискурс можно определить, как речь, «погруженную в жизнь» [173, с. 389-390], причем жизнь, личностно переживаемую в ценностно-смысловом единстве реального и воображаемого.

Дискурс художественной прозы может определяться как «язык в языке», поскольку он формирует внутри общего языкового пространства индивидуальную

систему смыслов. При этом такая система не сводится только к совокупности текстов: она «существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир» [93]. Именно поэтому художественный дискурс следует рассматривать как «возможный (альтернативный) мир», в котором языковые средства создают особую модель реальности.

Таким образом, художественный дискурс представляет собой явление, которое можно трактовать с разных позиций: как текст, включенный в систему прагматических, социокультурных, психолингвистических и иных экстралингвистических факторов; как форму социально ориентированного действия; как средство взаимодействия между людьми и отражения их когнитивных процессов. Его специфика определяется тем, что художественный дискурс является вербальным произведением эстетического характера, в котором через образную систему воплощается созданная автором художественная картина мира. Художественно-литературная коммуникация относится к числу наиболее сложных форм речевого взаимодействия, поскольку ее участниками выступают не только автор и читатель, но и персонажи. В связи с этим антропоцентрический анализ художественного дискурса особенно продуктивен тогда, когда в центре исследования оказывается персонаж как особая языковая личность, «стоящая за текстом». Обращение к речевому поведению персонажа позволяет рассматривать его не только как элемент художественной структуры, но и как носителя определенной системы характеристик, раскрывающихся в процессе описанного общения.

Разграничение типов дискурса осуществляется с учетом нескольких параметров: прагматической направленности текста, особенностей его организации, а также авторских интенций, соотнесенных с определенной сферой речевого употребления. На этом основании в научной литературе выделяются различные типы дискурса, среди которых публицистический, политический, рекламный, религиозный, художественный и авторский дискурсы. Специфика

художественного дискурса определяется прежде всего тем, что он ориентирован на создание фикционального мира, в пределах которого сообщаемая информация подчиняется не требованиям фактической достоверности, а логике художественного замысла, более того, «искажение им [автором] источников информации, на которые он ссылается, любые манипуляции с историческими реалиями и другими, имевшими место быть событиями или текстами, не являются ложными в прямом понимании этого слова – они служат специфичным целям художественного дискурса» [123, с. 20].

Важной особенностью художественного дискурса является его полиморфность, то есть способность включать в структуру художественного текста признаки других типов дискурса – философского, религиозного, бытового и др. Такие элементы могут создавать эффект достоверности, воспроизводя узнаваемые обстоятельства, модели поведения, речевые ситуации или типы персонажей, или же выступать как средство стилизации, позволяющее имитировать живую речь, социальную среду или определенный способ мировосприятия. Поэтому элементы иных дискурсов, включенные в художественное произведение, не следует оценивать исключительно с точки зрения соответствия реальной действительности.

Художественный дискурс понимается как сложное коммуникативное явление, которое является результатом взаимодействия сознания, мышления и языка его участников, и обладает открытой, динамичной структурой. Л.А.Манерко утверждает, что «многомерность дискурсивного пространства художественного текста предполагает обращение к глубинным базовым процессам понимания текста, опоре читателя, на имеющиеся у него знания в сочетании с извлекаемыми непосредственно из дискурса данными, закладываемыми автором произведения» [101, с. 113]. По нашему мнению, такая среда образует языковое пространство художественного дискурса, в котором взаимодействуют индивидуальные культурные коды автора и более широкие установки общества, фиксируя особенности определенной исторической эпохи.

Языковая структура художественного дискурса определяется совокупностью языковых и концептуальных средств, через которые выражаются авторские интенции. В.З.Демьянков акцентирует внимание на ситуативной природе дискурса, отмечая, что «элементами дискурса выступают излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не-события»: обстоятельства, сопровождающие события; фон, поясняющий события; оценка участников событий: информация, соотносящая дискурс с событием» [44, с. 87]. Дискурс имеет двойственную природу, опираясь на языковую систему, и отражая процессы мышления, сознания и смыслообразования.

Полноценное понимание дискурса невозможно без учета культурного фона, в котором он создается и воспринимается. К таким фоновым знаниям относятся представления об образе жизни народа, его ценностях, мировоззрении, традициях, нормах. Поэтому лингвокультурологический анализ дискурса предполагает обращение не только к языковым средствам, но и к культурному фону. В рамках данного подхода мы опираемся на следующие положения: «а) язык и культура тесно взаимосвязаны; б) текст/дискурс является основным средством изучения культуры, источником культурных знаний и информации» [104, с. 208].

Художественный дискурс занимает особое место среди источников культурной информации, поскольку в нем язык выступает не только средством повествования, но и способом выражения социокультурной, эстетической и эмоциональной информации. Культурная информация в художественном тексте распределена неравномерно, ее выраженность зависит от жанра, тематики, авторской позиции. Особенно значимыми для лингвокультурологического анализа являются тексты, обращенные к интеллектуальной и духовной сферам человеческой жизни, поскольку в них описание действительности соединяется с системой авторских оценок, взглядов и ценностей. Понимание таких произведений требует от читателя культурологической компетенции, знания традиций, культурных приоритетов и ценностей.

Необходимо также учитывать семантические и прагматические составляющие, которые реализуются в ключевых словах и концептах. Согласно

В.З.Демьянкову, дискурс «концентрируется вокруг некоторого опорного концепта, создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс его интерпретатора **миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса**» [45]. В художественном дискурсе ключевые смысловые опоры нередко выражаются через лексемы, обозначающие базовые для человеческого сознания концепты: Бог, жизнь, смерть, добро, зло, любовь, дружба, счастье, вера и др. Такие концепты первоначально формируются в сознании автора как элементы его картины мира, жизненного опыта и художественного замысла. В процессе создания произведения они получают осмысление и выражение языковыми средствами, определяя коммуникативную направленность художественного дискурса.

Из утверждения В.З.Демьянкова следует важный для нашей работы вывод: смысловой основой (константой) художественного дискурса является лингвокультурный концепт **«бытие»**, который потенциально способен к репрезентации концептуальной картины мира автора.

Текст как главная составляющая дискурса «актуализирует лингвистические и экстралингвистические явления, в которых воспроизводятся индивидуально-авторские доминантные смыслы, репрезентирующие языковую личность писателя как динамический, развивающийся феномен, включающий в себя психические, этнические, социальные и другие компоненты, преломленные через язык и дискурс» [157]. Элитарная языковая личность эксплицирует в художественном дискурсе не только индивидуально-авторскую картину мира, но и национальную картину мира, ее концептосферу. В.В.Катермина определяет особенности языковой личности, выраженные в художественном тексте «двумя положениями: во-первых, языковая личность писателя-творца индивидуализирована, во-вторых, она существует не в вакууме, а в рамках национальной картины мира и может реализовать индивидуальные черты только на общем концептуальном фоне» [Катермина 2016: 209]. Данное взаимодействие имеет два направления: использование опыта предыдущей эпохи и влияние этого опыта на движение,

развитие общества. «В литературе эти русла сливаются в единое течение – развитие жанров, современные жанровые формы существуют в едином литературном пространстве с их историческими предшественниками» [100, с. 98]. С этой точки зрения совмещение в русле единого художественного целого различных смысловых уровней повествования (житейски конкретного, социально-бытового, философского, идейно-публицистического, лирического, документального, культурологического) обуславливает внутреннюю дифференциацию частных видов художественного дискурса или – субдискурсов, – каждый из которых может иметь тематическую, жанровую, ситуационную, стилевую специфику.

Термин «субдискурс» используется в работах Е.И.Головановой [2013: 32], выделяющей субдискурсы профессионального дискурса; Е.Г.Нешковой [2020: 30], в работе которой выделены субдискурсы медийного дискурса; В.Я.Шабалиной [2025: 10], в исследовании которой дается теоретико-методологическое обоснование выделения методического субдискурса.

Художественный дискурс может рассматриваться как единый фикциональный уровень дискурсивной организации текстов, внутри которого по тематико-ситуационному, жанровому, стилевому принципам выделяются частные дискурсивные виды – субдискурсы, представленные завершенными речевыми произведениями, имеющими общие содержательные и формальные параметры объединения.

При таком подходе русская лирико-философская проза может быть определена как частный вид художественного дискурса – субдискурс, характеризующийся строгой дискурсивной обусловленностью и определяющийся как совокупность текстов – лирико-философских миниатюр, – рассматриваемых в единстве лингвистических и экстралингвистических факторов текстообразования.

Общая экстралингвистика лирико-философских прозаических миниатюр обусловлена синтезом эмоционально-образного восприятия мира автором (лирическим началом) и интеллектуально-рефлексивного осмысления бытия (философским началом), за которыми стоит языковая личность автора – лирика и философа.

Общие языковые параметры лирико-философских произведений обусловлены репрезентацией культурологической и языкотворческой констант, то есть способностью ЯЛ к лингвокреативной культурологической деятельности (свободное продуцирование эффекта языковой игры, авторской афористики, использование интертекстом и прецедентных феноменов).

Синергетическое единство экстралингвистических (лирико-философская и культурологическая деятельность творческой личности) и лингвистических (языкотворческие потенции языковой личности) факторов, с нашей точки зрения, эксплицируют в лирико-философской прозе **элитарную культурно-языковую личность.**

Развитие лирико-философского восприятия действительности в художественном тексте – это национальная тенденция, берущая начало в мировоззрении русского писателя как носителя русской культуры. «Образное поле лирической миниатюры аккумулирует глубину сознания личности, помогает в условиях техногенной организации современного общества ориентироваться на культурную память русской нации» [Там же, с. 104].

Таким образом, лирико-философское начало в литературе выполняет задачу сохранения духовных ценностей, объединяет различные стороны соприкосновения человека с бытием и выражает внутреннюю гармонию личности, проявляющуюся не только в философских раздумьях, рефлексии над окружающей действительностью и своим душевным состоянием, но и отзывчивостью на проблемы общества.

При отборе корпуса текстов мы исходили из того факта, что лирико-философская проза к настоящему времени имеет сформировавшуюся литературную традицию, началом которой является новаторское творчество известного писателя, литератора, гениального стилиста начала XX века – В.В.Розанова.

Продолжение литературной традиции лирико-философской прозы XX–XXI веков нашло отражение в художественном творчестве широкого круга современных авторов, для которых литературным идеалом является В.В.Розанов,

создавший новый дискурсивно-нарративный тип изложения, осуществивший культурный синтез в русле единого художественного целого различные нарративные уровни репрезентации: 1) научно-философский («*бытийный*»); 2) лирический, частно-житейский, социально-обиходный («*бытовой*»). Как показывают наши наблюдения, подобное лирико-философское переживание и осмысление мира возможно только на уровне носителей элитарной речевой культуры. То есть проза «потока сознания» В.В.Розанова («*Уединенное*», «*Опавшие листья*») репрезентирует образ лирической сверхчуткой к миру языковой личности, которая, безусловно, отвечает системным характеристикам элитарной культурно-языковой личности.

Изначально при формировании эмпирической базы исследования была выполнена репрезентативная выборка, включающая 12 авторов, литературное творчество которых максимально соответствовало содержательно-формальным параметрам субдискурса лирико-философской прозы. К субдискурсу лирико-философской прозы нами были отнесены: 1) «*Уединенное*» (1912), «*Опавшие листья*» (1913, 1915) В.В.Розанова; 2) «*Записки на манжетах*» (1922–1923) М.А.Булгакова; 3) «*Из дневников, записных книжек, писем*» (1956–2005) А.П.Чудакова; 4) «*Крохотки*» (1958–1960, 1996–1999) А.И.Солженицына; 5) «*Алмазный мой венец*» (1975–1977) В.П.Катаева; 6) «*Камешки на ладони*» (1982) В.А.Солоухина; 7) «*Мгновения*» (1987) Ю.В.Бондарева; 8) «*Затеси*» (1997–1998) В.П.Астафьева; 9) «*Зарубки*» (2006) Г.Л.Карпенко; 10) «*Монолог без конца*» (2021), «*Разговор о будущем*» (2021), «*Звезда на ладони*» (2023) И.Е.Ракши; 11) «*Золотой воскресник*» (2023) М.Л.Москвиной; 12) «*Варенье из падалицы*» (2023) А.Алёхина.

Сами авторы называли избранный ими особый дискурсивный вид (субдискурс) художественного повествования как: «*записки на манжетах*» (М.А.Булгаков); «*опавшие листья*», «*полумысли*», «*полувздохи*» (В.В.Розанов); «*крохотки*» (А.И.Солженицын); «*алмазный венец*» (В.П.Катаев); «*камешки на ладони*» (В.А.Солоухин); «*мгновения*» (Ю.В.Бондарев); «*затеси*» (В.П.Астафьев); «*зарубки*» (Г.Л.Карпенко); «*лавровые листья*», «*лоскутное одеяло*», «*золотые*

опилки» (И.Е.Ракша); «варенье из падалицы», «листва», «полет жука», «записки бумажного змея» (А.Алёхин).

Репрезентация ЭКЯЛ потребовала сосредоточения на ограниченном, но репрезентативном корпусе текстов, что обеспечило возможность комплексного рассмотрения экстралингвистических и лингвистических параметров на всех уровнях языковой системы в полном объеме. В связи с этим нами была сформирована финальная выборка четырех авторов: 1) «Из дневников, записных книжек, писем» (1956–2005) А.П.Чудакова; 2) «Камешки на ладони» (1982) В.А.Солоухина; 3) «Монолог без конца» (2021), «Разговор о будущем» (2021), «Звезда на ладони» (2023) И.Е.Ракши; 4) «Варенье из падалицы» (2023) А.Алёхина, – которая отражает ключевые этапы развития лирико-философской прозы XX–XXI веков. Тексты других восьми авторов (М.А.Булгаков, А.И.Солженицын, В.П.Катаев, Ю.В.Бондарев, В.П.Астафьев, Г.Л.Карпенко, М.Л.Москвина) составляют перспективу дальнейших научных исследований в рамках научного осмысления данной проблематики.

Таким образом, выбор данных литературных персоналий обусловлен несколькими факторами: 1) принадлежностью исследуемых авторов к элитарному типу национальной речевой культуры; 2) авторитетным публичным статусом ЭКЯЛ; 3) хронологическим соответствием времени издания лирико-философских произведений важнейшим историческим этапам развития русского литературного языка и общества; 4) неординарностью натуры, оригинальностью мышления, индивидуальностью нарративных практик; 5) доступностью в печатном виде и верифицированностью печатных/электронных источников.

При формировании эмпирической базы исследования мы исходили из того, что субдискурс лирико-философской прозы включает только те произведения, которые в полной мере соответствуют двум группам критериев: экстралингвистическим (синтез эмоционально-образного восприятия мира автором (лирическое начало) и интеллектуально-рефлексивного осмысления бытия (философское начало) и лингвистическим (лингвокреативная деятельность, реализуемая через языковую игру, феномен прецедентности и авторскую

афористику). На основании данных критериев из широкого круга авторов была осуществлена репрезентативная выборка прозы А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, И.Е.Ракши и А.Алёхина, чьи тексты являются системными образцами исследуемого субдискурса и отражают его эволюцию на протяжении XX–XXI веков.

Выводы по главе 1

1. «Элитарная культурно-языковая личность» не является пассивным носителем языковой нормы. Введение данного термина в научный оборот позволяет зафиксировать активную природу субъекта: его способность к свободному дискурсивному переключению и продуцированию оригинальных «культурноносных» текстов на основе системного историко-культурного сознания.

2. Лирико-философская проза XX–XXI веков представляет собой особый вид художественного дискурса – субдискурс, – синергетическое единство языковых и экстралингвистических факторов текстообразования.

3. Экстралингвистические параметры лирико-философской прозы, представлены синтезом эмоционально-образного восприятия мира автором (лирическим началом) и интеллектуально-рефлексивным осмыслением «бытия» (философским началом). Репрезентация ЭКЯЛ «лирика и философа» обеспечивает фрагментарность структуры, жанровую неопределенность, ассоциативность, продуцирование лирико-философских нарративов, базирующихся на экспрессивизации, лингвокреативности, рефлексивности авторского «я».

4. Ключевые языковые параметры субдискурса обеспечиваются реализацией культурологической и языкотворческой констант, то есть способностью ЭКЯЛ к лингвокреативной культурологической деятельности

(свободное и сознательное продуцирование эффекта языковой игры, авторской афористики, использование интертекстом и прецедентных феноменов).

5. Эмпирическую основу исследования составляет репрезентативная выборка из четырех ключевых авторов лирико-философской прозы XX–XXI веков – А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, И.Е.Ракши, А.Алёхина, – хронологически охватывающая основные этапы развития исследуемого субдискурса.

6. Лирико-философская проза выполняет важную функцию сохранения и трансляции национальной культуры. ЭКЯЛ, репрезентируемая в данном типе текстов, обеспечивает преемственность культурных традиций, адаптируя базовый лингвокультурный концепт «бытие» через механизмы лингвокреативности.

Глава 2. Лингвокультурный концепт как средство экспликации концептосферы элитарной культурно-языковой личности в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков

2.1. Лингвокультурный концепт в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии

Проблема концепта интерпретировались в работах отечественных (Н.Д.Арутюнова, А.Вежбицкая, Ю.С.Степанов, Е.С.Кубрякова, В.Н.Телия, И.А.Стернин, В.А.Маслова и др.) и зарубежных исследователей (Дж.Лакофф и Г.Томпсон, Р.Лангакер, Л.Талми, работы Ч.Филлмора и У.Чейфа, Т.А. ван Дейка, Дж.Хэймана).

Первое определение понятия «концепт» дано в статье С.А.Аскольдова-Алексеева (1928 г.): «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [5, с. 279]. С.А.Аскольдов-Алексеев видит существенную сторону концепта в функции замещения и сводит данное понятие к сумме словарных значений слова, т.е. концепт, по мнению исследователя, соотносится с уровнем слова. Д.С.Лихачев в статье «Концептосфера русского языка», анализируя определение, данное С.А.Аскольдовым-Алексеевым, предлагает более широкое понимание концепта, отмечая, что «концепт существует не для самого слова, а отдельно для каждого основного его значения, расширяет это значение и включает его эмоциональную составляющую» [5]. Д.С.Лихачев понимает концепты как «некоторые подстановки значений, скрытые в тексте «заместители», облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом» [96]. Представители когнитивной лингвистики

(А.П.Бабушкин, Н.Н.Болдырев, Е.С.Кубрякова, Р.М.Фрумкина и др.) видят концепт как «единицу оперативного сознания, при этом главным в данной трактовке концепта является указание на его цельность. Концепты отражают содержание полученных знаний, опыта, всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания» [15]. С.Х.Ляпин предлагает интегральное понимание концепта и рассматривает его как «многомерное культурно-значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той иной языковой форме». «Концепты – это ментальные сущности, которые имеют имя в языке и отражают культурно-национальное представление человека о мире» [99]. Концепты – «концентраты» культуры и опыта народа, по мнению Ю.М.Лотмана, «сгустки культурной среды в сознании человека» [98, с. 4]. Но, с другой стороны, концепт – это «то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее (Ю.С.Степанов)» [98, с. 4-5].

Концепт не сводится только к предметной отнесенности языкового знака. В его содержание входит широкий комплекс коммуникативно значимой информации, отражающей положение знака в лексической системе языка: его парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи. Через такие связи проявляется лингвистическая ценность внеязыкового объекта, которая, в соответствии с законом синонимической аттракции, обнаруживается в семантической насыщенности определенной тематической группы. Кроме того, в структуру концепта входит прагматическая информация языкового знака, связанная с его экспрессивной и иллокутивной функциями, что согласуется с «переживаемостью» [96] и «интенсивностью» [5] духовных ценностей, к которым он отправляет. Еще одним высоковероятным компонентом семантики языкового концепта является когнитивная память слова – «смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением и системой духовных ценностей носителей языка» [7, с. 12]. Однако с точки зрения концептологического анализа особое значение приобретает культурно-этнический компонент концепта. Именно он задает национально-специфические особенности семантики единиц

естественного языка и позволяет выявить представления, ценности и способы осмысления действительности, составляющие «языковую (наивную) картину мира» его носителей.

В современной лингвистике когнитивный и лингвокультурный концепты не противопоставляются, а рассматриваются как две проекции одной ментальной сущности. В когнитивной лингвистике (Е.С.Кубрякова, Н.Н.Болдырев и др.) концепт понимается как ментальная модель информации в сознании человека, единица ментального лексикона, репрезентирующая знания индивида о мире. В лингвокультурологии (В.И.Карасик, С.Г.Воркачев, Г.Г.Слышкин и др.) концепт трактуется как сложная ментальная единица, которая помимо знаний включает ценностную оценку, эмоциональный компонент, культурные коннотации. Несмотря на различия в акцентах, оба подхода имеют единое онтологическое основание: концепт рассматривается как глобальная единица сознания, связывающая мышление, язык и человека. Антропоцентрическая направленность обоих направлений также является объединяющим фактором: когнитивистика изучает человека познающего (*Homo cogitans*), тогда как лингвокультурология – человека не только познающего, но и творящего культуру (*Homo loquens*). Синтетическую природу концепта наиболее полно иллюстрирует концепция Ю.С.Степанова, который целенаправленно объединял оба подхода, рассматривая концепт одновременно и как ментальную структуру, и как «сгусток культуры». Таким образом, использование обеих методологий в настоящем исследовании является не противоречием, а необходимым условием для комплексного, многомерного анализа концепта, позволяющим учитывать как его когнитивную природу, так и культурно-ценностное содержание.

Как указывает И.В.Зыкова, лингвокультурный концепт понимается как «культурно детерминированная идеальная сущность – носитель ценностной культурной информации, которая имеет невербальное воплощение, обладает определенной внутренней организацией (относительно простой или относительно сложной), обусловленной системными связями с другими культурными концептами, отличается определенной динамикой формирования и

эволюционирования благодаря различным формам переживания и осмысления мира, способностью накапливать информацию, а также способностью к вербальному преобразованию посредством некоего множества языковых знаков» [57, с. 371].

В лингвокультурологических исследованиях концепты «опредмечиваются», «объективируются», «распредмечиваются», «вбирают в себя обобщенное содержание множества форм выражения», «заполняются смыслами» [2, с. 170]. Анализ предикатной сочетаемости лексемы «концепт» позволяет выделить две основные когнитивные метафоры, описывающие связь между концептом и формой его языковой репрезентации. Эти модели могут быть определены как «архетипическая» и «инвариантная», поскольку они по-разному объясняют соотношение ментального содержания и его языкового выражения. В рамках архетипической модели концепт рассматривается как «нечто предельно обобщенное, но тем не менее чувственно-образное, скрытое в глубинах сознания, воплощающееся в редуцированной форме в понятии, в представлении, в значении слова» [21, с. 434]. В инвариантной модели концепт представляется как «предел обобщения (инвариант) плана содержания языковых единиц, покрывающих определенную семантическую область» [115]. Архетипическая модель исходит из представления о концептах как изначально заданных ментальных образованиях, существующих до их языкового оформления и готовых к последующей семантизации. Инвариантная модель, напротив, связывает формирование концептов с процессом усвоения языка, накопления познавательного опыта и освоения субъектом внеязыковой действительности.

По В.А.Масловой, «ключевыми концептами культуры мы называем обусловленные ею ядерные единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом. К ключевым концептам культуры относятся такие абстрактные имена, как «Совість, Судьба, Воля, Доля, Грех, Закон, Свобода, Интеллигенция, Родина и под.» [124, с. 1046]. Ю.С.Степанов понимает «устойчивые концепты культуры» как константы [185, с. 85]. И.В.Зыкова также

отмечает, что изучению концептосферы культуры подвергаются такие области, как «повседневность или быт, житейские нормы, мораль/этика, религия» [57, с. 318-329]. Ключевые концепты культуры – «ментальные образования высокой или предельной степени абстрактности, относящиеся к сфере духовных ценностей и репрезентируемые через символ как знак, в котором предметно-образное содержание служит средством выражения абстрактного смысла» [57, с. 318-329].

«Культурные ценности – это культурно значимые отношения человека к миру, служащие его ценностными ориентирами. Среди ценностей можно выделить универсальные, общечеловеческие (во всех культурах осуждается жадность, предательство, трусость, болтливость, но их комбинаторика и ценностные приоритеты могут различаться) и идеоэтнические, национальные ценности. <...>. Все ценности находят отражение в языке – в значениях слов и фразеологических единицах, в паремиологии и прецедентных текстах.

Таким образом, ценности – основная категория, ибо сама культура – это такое освоенное человеком его «со»-*бытие* в мире, которое «осознается им в ценностно-установочном модусе «достойного / недостойного» для личности или корпоративно-группового социума...» [Телия 2004: 25]. Культура прививает человеку определенный набор ценностей. В оригинальности мировоззрения человека заключается и оригинальность культуры. По А.Вежбицкой, культурные ценности – 1) сердечность; 2) вежливость; 3) объективизм. По П.Бицилли, есть две системы ценностей: первая, которая порождена цивилизацией, вторая – творчески усваиваемая, к которой приобщаются духовно» [Там же, с. 148]. Базовые духовные ценности человека многоаспектны, сложны, соотносятся с нормами культуры и находят свое выражение в языке. Концепт – это некий «скелет», составляющий принципы построения мироощущения и картины мира личности.

В данной работе сопоставление языковых картин мира (концептосфер) исследуемых авторов (А.П.Чудаков, В.А.Солоухин, И.Е.Ракша, А.Алёхин) проводится на основе языковой репрезентации главной смысловой константы – концепта «бытие».

Понятие «концептосфера культуры» рассматривается с точки зрения **лингвокультурологического подхода**.

Существование, развитие и функционирование концептосферы культуры немисливо без его актора – «творящей (созидающей) личности и главного «хранилища» ее ценностного содержания – естественного языка» [57, с. 318-332]. С позиции И.В.Зыковой, культуру можно понимать как «новую (отличную от природы, бытия вообще) реальность человеческого существования, основанную на получении и накоплении ценностной информации о мире и ее закреплении в разных семиотических (знаковых) средствах, формирующих целые семиотические области» [Там же, с. 333]. В определении культуры выделяются два значимых и взаимообусловленных аспекта – информационный и семиотический. Информация рассматривается как результат и основа познавательной деятельности человека, благодаря которой происходит становление и развитие культуры, ее аксиологической составляющей. И.В.Зыкова выделяет два взаимосвязанных способа познания – переживание и осмысление. Эти процессы не противопоставляются друг другу, а существуют параллельно, взаимно дополняются и находятся в отношениях обусловленности. К формам *переживания* исследователь относит «эмоционально-чувственное, душевное и эстетическое переживание», а формами *осмысления* мира являются «архитепическое, мифологическое, религиозное, философское и научное осмысление» [Там же, с. 334]. Философская форма осмысления предполагает создание особой онтологической системы, в рамках которой действительность раскрывается с индивидуальной точки зрения. Для нее характерны критическое отношение к реальности, логический анализ и построение целостной системы рассуждений, направленных на получение объективного знания и разрешение мировоззренческих вопросов.

В исследовании лингвокультурного концепта И.В.Зыковой, понятия «форма переживания» и «форма осмысления» рассматриваются как способы постижения мира. Данные понятия связаны с реализацией концепта «бытие», который, по нашему мнению, является «культурно детерминированной идеальной сущностью,

носителем ценностной культурной информации, отличающийся способностью культурно-языковой личности совмещать в себе данные способы познания мира» [Там же, с. 334].

Данные взаимообусловленные формы познания мира создают свою онтологическую систему, обусловленную познавательной деятельностью, – концептосферу культуры, – раскрывающую действительность в своем неповторимом ракурсе. Концептосфера культуры – «особая реальность существования того или иного сообщества, особое духовно-ментальное измерение его бытия, раскрывающая внутреннее содержание творимой им культуры, глубинную сущность и глубинную мотивацию его культурного развития» [57, с. 338-339]. Бытие концептосферы культуры немислимо без формирования и развития определенных форм переживания и осмысления мира, которая берет свое начало «в семиотике повседневной деятельности (быта) и простирается до семиотик искусства» [Там же, с. 342], без ее знакового (семиотического) воплощения, так ценностная информация получает возможность хранения и накопления, а их интеракция не представляется возможной без культурно-языковой личности.

Определение ценностных составляющих лингвокультурного *концепта* «*бытие*» в лирико-философской прозе А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, И.Е.Ракши и А.Алёхина, позволило характеризовать исследуемые языковые личности как ЭКЯЛ.

2.2. Лингвокультурный концепт «бытие» в лирико-философской прозе XX–XXI веков

Проведенный анализ исследовательских источников показывает, что в современной лингвокультурологии сложились различные методики исследования лингвокультурных концептов, представленные в работах отечественных ученых (З.Д.Поповой и И.А.Стернина, В.И.Карасика, Е.Г.Беляевой, Ю.С.Степанова, Вяч.Вс.Иванова, В.Н.Топорова, В.И.Постоваловой и др.), а также трудах зарубежных ученых (Ч.Филлмора, Дж.Лакоффа, М.Джонсона; Ж.Фоконье, Э.Рош, Р.Лэнекер, Л.Талми, Р.МакЛори, М.Хоуи, Т.А. ван Дейка, М.Тернера).

Осмысление понятия лингвокультурный концепт и его структуры в данной работе базируется на точке зрения когнитолога Р.М.Фрумкиной, выделяющей ядро и периферию концепта. Когнитивный метод базируется на философской идее «единства языка и сознания и включает в себя следующий категориальный аппарат: *языковая личность, картина мира, концепты* – как ступки познания и основные элементы в картине мира. Результатом лингвоментальной деятельности языковой личности является построение картины мира (индивидуальной или коллективной), отражающей понимание и восприятие человеком окружающей его действительности» [75, с. 10-11].

По В.А.Масловой, логика установления смыслового объема концепта заключается в следующих этапах:

1. «определить ситуацию, к которой принадлежит концепт;
2. установить место данного концепта в языковой картине мира и языковом сознании нации через обращение к энциклопедическим и лингвистическим словарям; при этом словарная дефиниция считается ядром концепта;
3. обратиться к этимологии;

4. привлечь к анализу разнообразные контексты (поэтические, научные, философские, публицистические) для установления границ «периферии» концепта: фразеология, метафорика, сравнение, синонимика, антонимия, идиоматика, паремиология и др.

5. полученные результаты сопоставить с анализом ассоциативных связей ядра концепта» [Маслова: 2005].

Концептосфера лирико-философской прозы исследуемых авторов базируется на репрезентации лингвокультурного концепта «бытие». Концепт «бытие» является выражением национального характера и языкового образа внутреннего мира русского человека. Все языковые компоненты лингвокультурного концепта «бытие» отражают социальную и духовную структуры общества.

Для выявления ядра лингвокультурного концепта «бытие» была проведена объемная лексикографическая работа. В отечественной общелингвистической справочной литературе термины «бытие», «бытийность» либо толкуются неоднозначно, либо отсутствуют. Его нет ни в одном из четырех версий «Лингвистического энциклопедического словаря» (1990, 1998, 2000, 2002); словаре В.Д.Старичонка (2008); «Кратком словаре лингвистических терминов» (1995) Н.В.Васильевой, В.А.Виноградова, А.М.Шахнаровича; «Большом энциклопедическом словаре. Языкознание» (1998); «Энциклопедическом словаре-справочнике лингвистических терминов и понятий. Русский язык» А.Н.Тихонова, Р.И.Хашимова, Г.С.Журавлева (2014).

В словарях лингвистических терминов О.С.Ахмановой (1966, 1969 / 2004) «*категория бытия*» определяется, как «обобщенное значение бытия, обнаруживаемое у существительных, у глаголов в безличной форме, у наречий и нечленных прилагательных» [174, с. 191]; Т.В.Жеребило (2005, 2010, 2016) «*бытийность (существование)*» определяет, как «логико-синтаксический тип семантики простого предложения, дополняющий и уточняющий значения предикативности и предикативных отношений утверждением / отрицанием бытия предметов, явлений и т.п. в действительности. Бытие выражается односоставными

и двусоставными предложениями. В наиболее «чистом» виде значение бытия выражается односоставными номинативными бытийными предложениями, хотя семантика бытийности присуща всем предложениям. В двусоставных предложениях Бытие выражается экзистенциальными (бытийными) глаголами, хотя возможно использование глаголов других лексико-семантических групп» [178, с. 52].

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э.Розенталя (1985) приводится термин *«бытовая лексика»*: «лексика, включающая в свой состав слова повседневного обихода, называющие предметы и явления быта, т.е. общего уклада жизни, окружающей нас обстановки, обычаев, нравов и т.д. В основном это общеупотребительная лексика, частично – разговорно-бытовая лексика» [182, с. 30]. В «Полном словаре лингвистических терминов» Т.В.Матвеевой (2010) также приводится термин *«бытовая (обиходная) лексика»* – это «слова, связанные с укладом повседневной жизни: названия предметов домашнего обихода, еды, одежды, средств передвижения, нравов и обычаев, домашних животных и т.д. Как правило, это нейтральная общеупотребительная лексика, входящая в активный словарный состав языка. В части случаев бытовая лексика характеризуется стилистической окраской разговорности» [181, с. 48]. В словаре Ю.Н.Караулова «Русский язык. Энциклопедия» (1997) приводится определение термина *«бытийные предложения»* – «тип предложений, утверждающих существование в мире или его фрагменте объектов того или другого класса. Бытийное предложение состоит из трех основных компонентов: локализатора (обстоятельства места), бытийного глагола и имени «бытующего предмета. <...> При изменении значения локализатора и соответственно имени предмета возникают варианты исходной модели. Локализатор может обозначать: 1) мир (Вселенную), жизнь; 2) период времени; 3) фрагмент мира; 4) микромир человека, сообщение о котором может касаться: а) владения; б) смежной области, непосредственного окружения человека; в) личного состава; г) внешних обстоятельств и событий; 5) личность человека (микросем), сообщение может касаться: а) физических свойств, облика; б) физических и психических состояний;

в) внутреннего мира; 6) абстрактные понятия (речевые произведения, теории, свойства, события и др.); 7) класс (множество) предметов. <...> Семантическое и функциональное разнообразие бытийных предложений, их центральное положение в русском синтаксисе свидетельствуют об *общей ориентации русского языка на пространственно-предметный аспект мира*» [68, с. 57-59].

В словаре «Константы: Словарь русской культуры» Ю.С.Степанова (2001) приводится характеристика **концепта «быть, существовать»**: «как телесное», «плотское», «временное», так и «духовное», «бестелесное», «неплотское», «ментальное», «вневременное» [185, с. 234]. Исследователь противопоставляет «существование во времени, в действительном, данном, актуальном мире – экзистенцию» существованию «вне времени – в ментальном мире, в воображаемом мире, в логическом мире – субзистенции» [Там же, с. 235]. В словаре приводится концепция объяснения функционирования мира в художественном произведении» [Там же, с. 241]. *Мир является моделью или редуцированным отображением реального мира*, основанным на мировоззренческих представлениях автора, а сюжет, герои, поступки не относятся к сфере реальности.

В «Современном философском словаре» (2015) «бытие» рассматривается в сравнении таких модусов, как «единство и многообразие, устойчивость и изменчивость, прерывность и непрерывность» [184, с. 69]. По нашему мнению, категория «бытие» в лингвистике презентуется лингвистической когнитивной категорией «бытийность» для описания языковых явлений и обеспечивает когнитивно-коммуникативную интерпретацию различных сторон бытия средствами языковых знаков. С лингвистической точки зрения, в данной категории должны быть рассмотрены языковые средства выражения «действительности». Можно обнаружить категорию «бытийности» в элементарных высказываниях с простейшей структурой, то есть в каждом предикативном суждении, так как язык обеспечивает не только процесс обмена знаниями, но и выступает основным средством их организации, трансформируя неязыковые средства в языковые средства, придавая им коммуникативную форму и строя из них языковую картину мира. Кроме того, попытки осмыслить природу содержательной стороны значимых

языковых объектов (дискурсов) и фиксирующих их текстов (высказываний, предложений, морфем) привели к разработке целой системы взглядов на «понятийные категории»; мы встречаем различные их определения: «функционально-семантические», «скрытые», «семантические», «внеязыковые», «концептуальные», «когнитивные», «речемыслительные», «философские», «логические», но все трактовки сводятся к тому, что это универсальные смысловые компоненты общего характера, которые являются переходным звеном между языком и действительностью и присущи большому классу слов и предложений, получают выражение разнообразными языковыми средствами (ими выступают грамматические категории, классы и подклассы знаменательных слов, служебные слова, синтаксические конструкции, супraseгментные средства)» [119, с. 5]. Данные категории также выступают как основа сводимости описаний разнообразных и разносистемных языков, и категория «бытийности» *представляется наиболее общей и универсальной среди всех, что доказывает сходство онтологического и лингвистического подходов ее существования.*

На основе лексикографических данных представим репрезентацию ядра концепта «бытие» на примере контекстов из лирико-философских миниатюр исследуемых авторов.

Лингвокультурный концепт «бытие» вербализуется в языке рядом родственных лексем, образующих ядро («бытийность», мир, реальность, «жизнь» – «смерть», восприятие времени и пространства как глобальных категорий мира) и периферию концепта: «быт» («вещный мир»), творческий мир автора, душа, искусство.

Ядро концепта «бытие» последовательно анализируется на конкретных примерах у всех исследуемых авторов:

1) *Бытие как базовое утверждение наличия мира, жизни, реальности, планеты Земля.*

А.П.Чудаков: *«Когда-нибудь все поймут, что надо оставить все и спасти главное: воздух, воду, землю. Но будет или уже поздно, или сопряжено с таким напряжением для нынешней цивилизации, которого она не вынесет»* 172, с. 594];

«Из-за нее [социальности] погубили Землю, и спохватились только в конце...» [172, с. 573].

В.А.Солоухин: *«Когда нам не хочется умирать, это значит, что нам не хочется лишаться того, что мы уже знаем, пережили, видели: солнца, моря, дождя, травы, снега, музыки, любви - мира...» [171, с. 39]; «Нельзя думать, что мир, каким видим его мы, человеки, и есть та самая объективная реальность, то есть что мир именно так и выглядит» [171, с. 244].*

И.Е.Ракша: *«Наша планета Земля. Это наше великое и последнее ОБЕТОВАНИЕ» [170, с. 146]. «У меня всегда было, и есть, и спасало меня какое-то детское, первозданное ощущение мира. Оно спасло меня в тяжкие, даже порой невыносимые моменты жизни!» [169, с. 300].*

А.Алёхин: *«Господь мало того, что создал этот мир. Он еще и поддерживает его в приличном состоянии» [167, с. 102]. «Земля у нас громадная – до края даже на велосипеде не доедешь» [167, с. 366].*

Таким образом, «бытие» есть фундаментальный факт существования, первичная данность, реальность, в которой пребывает человек и мир; это не иллюзия, а основа, из которой исходит все остальное.

В данном ядерном значении картотека примеров представлена 54 единицами. В прозе А.П.Чудакова – 7 единиц; В.А.Солоухина – 4 единицы; в прозе И.Е.Ракши – 25 единиц (из них: 13 – в прозе «Монолог без конца», 4 – «Разговор о будущем», 8 – «Звезда на ладони»); в прозе А.Алёхина – 18 единиц.

2) Единство всеобщего и частного: неразрывная связь абстрактного, метафизического «бытия» с конкретным, эмпирическим «бытом».

А.П.Чудаков: *«Предметный мир! ... И в вашей прозе он занимает особое место» [172, с. 623]; «...хозяйственные детали – самое интересное в романе. Считаю, что это – несомненный новый материал...» [172, с. 635]; «Все растущая отчужденность современного человека от творящейся деятельности в предметной сфере (не умеет забить гвоздя) несомненно оказывает разрушительнейшее воздействие на его духовность» [172, с. 569].*

В.А.Солоухин: *«Зачем всякое явление в природе мы сравниваем с предметами человеческого обихода: роса – как бриллианты ... ? Я бы сравнивал наоборот: бриллианты – как роса, серебро – похожее на лунный блеск, золото – словно закатное море или небо»* [171, с. 57]; *«Нельзя думать, что мир, каким видим его мы, человеки, и есть та самая объективная реальность, то есть что мир именно так и выглядит»* [171, с. 244].

И.Е.Ракша: *«Наша галактика и наша маленькая Земля – это организмы живые. Это создания с дыханием, с пульсом, с душой. Это наше великое и последнее ОБЕТОВАНИЕ»* [170, с. 146]; *«Истинное Единение возможно только с тем человеком (или людьми), с которым у нас общие отношения. И не только с другом, а с миром. Главное – общее отношение к Родине, к своей земле. Отношение к Вере и Богу. Отношение к семье и вашему роду. Отношение к животным и природе. Отношение к культуре и искусству»* [170, с. 92]; *«В мире все прочно и накрепко скроено, слито, взаимосвязано. И в макром мире, и микромире. А нарушитель всего – человек-грешник»* [168, с. 73].

А.Алёхин: *«Ребенок тут же заполняет все пространство своими игрушками и вещичками. Ну, как Господь, создав Вселенную, сразу же раскидал по ней галактики, звезды, туманности и прочую чепуху»* [167, с. 455]; *«На даче у меня все припасено для ухода за мирозданием. От газонокосилки до телескопа»* [167, с. 385].

Лингвокультурный концепт «бытие» органически соединяет два полюса: 1) **«бытийность»** (в широком философском смысле) – универсальное, сущностное, метафизическое начало жизни, мироздания, смысла; 2) **«быт»** – конкретное, эмпирическое, повседневное существование, наполненное вещами, событиями, личностными эмоциями. Одно невозможно без другого – «бытийность» проявляется и познается через быт, а быт обретает осмысленность и ценность благодаря своей связи с «бытийность».

Всего в картотеке примеров в данном ядерном значении представлено 30 единиц. В прозе А.П.Чудакова – 2 единицы; В.А.Солоухина – 3 единицы; в прозе

И.Е.Ракши – 15 единиц (из них: 6 – в прозе «Монолог без конца», 7 – «Разговор о будущем», 2 – «Звезда на ладони»); в прозе А.Алёхина – 10 единиц.

3) Протяженность во времени и пространстве: бытие реализуется в историческом (память, история) и биографическом времени (личностное восприятие времени) и локализуется в конкретном жизненном пространстве (дом, природа, Родина).

А.П.Чудаков: «В жизни нет никаких событий, все идет как идет, и не события движут ее, а что-то другое, неуловимое – время» [172, с. 585]. «Записей много. Зря не вносил их в дневник. На клочках, неразборчиво, черново. Теперь – только выкинуть. А ведь они – свидетельство эпохи» [172, с. 672]; «Биография молодого человека 40–60-х годов 20 века всем известна, а мир, в который он погружен, всем интересен. Его биография должна проходить через роман как волосяная нить, пунктир. <...> Я бы хотел хоть чуть-чуть показать ту Россию, ту ее толщу, ту память, которую не описали эмигранты, потому что уехали, и не изобразили советские писатели, потому что было нельзя» [172, с. 618].

В.А.Солоухин: «Я человек – существо социальное. От меня, как от точки, существует проекция назад, в прошлое, и глубину (понимание прошлого и отношение к нему) и проекция вверх, в будущее (понимание и ощущение его). Я – узелок, связывающий эти две нити времени. Они натянуты, и их натяжение определяет мое пространственное и временное положение. У меня есть корень в землю и побег в небо» [171, с. 94-95]; «Время утекает, как песок в песочных часах. И если бы кто-нибудь сумел удержаться на постоянной отметке, то он оставался бы все выше и выше не потому, что поднимался бы вверх, а потому, что утекало бы время» [171, с. 125].

И.Е.Ракша: «Смирись с любой ситуацией, если не можешь ее изменить. Время изменит. Господь управит» [169, с. 70]; «Настоящее и будущее начинается в прошлом. Это единая неразрывная цепь. И времен у Бога не существует. Времени вообще нет» [169, с. 309]; «У человека есть три времени. Прошое, настоящее, будущее. У каждого есть только одно – ПРОШЛОЕ. Уже в момент замысла, в момент мысли или ее произнесения, настоящее мгновенно превращается в

прошлое. То же и с будущим...Так что цените, любите прошлое. Именно в нем заложено и будущее, и настоящее» [170, с. 79].

А.Алёхин: *«Придет время, и ты тоже почувствуешь себя слабым перед безжалостным детским сердцем» [167, с. 56]; «Первым делом Господь создал время» [167, с. 334]; «Да она всюду опаздывает. У нее биологические часы отстают» [167, с. 385]; «Пеняешь на время года, а надо бы на время жизни...» [167, с. 485].*

Таким образом, бытие всегда конкретно, оно происходит не только во времени (как память, история, биография, необратимое течение жизни), но и в пространстве (как физическое и духовное «место» (дом, родина, текст).

Всего в картотеке примеров в данном ядерном значении представлено 26 единиц. В прозе А.П.Чудакова – 2 единицы; В.А.Солоухина – 4 единицы; в прозе И.Е.Ракши – 13 единиц (из них: 4 – в прозе «Монолог без конца», 6 – «Разговор о будущем», 3 – «Звезда на ладони»); в прозе А.Алёхина – 7 единиц.

4) Оппозиция «жизнь» – «смерть»: *центральное ядро концепта «бытие» представляет собой не просто темпорально-экзистенциальные границы бытия, но и экзистенциальную антонимию: смерть не просто завершает жизнь, но и придает ей смысл, форму и ценность. Именно во взаимодействии жизни и смерти рождается «бытийное» переживание.*

В.А.Солоухин: *«Вглядываясь пристальнее в другие разнообразные блага современной жизни, замечаешь, что все они служат лишь для погашения не всегда приятных потребностей и, таким образом, не имеют права называться благами. В конце концов благо и пенициллин, но для того, чтоб он воспринимался как благо, нужна, увы, болезнь. Для здорового же человека это совершенно излишний предмет» [171, с. 36]; «Не то услышал в разговоре, не то прочитал забавную мысль о том, что земля, где проходит жизнь человека, есть место наказания, место своего рода ссылки, то есть то самое, что на языке религии называем адом» [171, с. 96]; «Иногда утешают, что после смерти не исчезнем, но превратимся в траву, цветок, дерево. Но это то же самое, если о ценности*

картины судить по стоимости холста как макулатуры: по две копейки за килограмм» [171, с. 119].

И.Е.Ракша: «Для христианина – **жизнь** всегда еще впереди. <...> **Жизнь** ведь не только здесь, на земле, но и вечная, лучшая» [169, с. 103]; «Нет ничего более фантастичного, чем **жизнь** реальная. Все фэнтези в ней заложены и из нее происходят» [168, с. 73]; «В момент **смерти** человека, ученые взвешивали тело уходящего. Был 21 грамм облегчения. Вероятно, это и есть вес человеческой души» [170, с. 153]; «Уход человека, картина его **смерти** – это и есть зеркало прожитой им жизни» [170, с. 154].

А.Алёхин: «Улитка тоже имеет свое суждение о **жизни**. Оттого и сидит в раковине» [167, с. 53]. «**Смерть смертью, а жить надо**» [167, с. 236]; «Уйдешь из церкви, а свечка твоя там горит. Так и с **жизнью**...» [167, с. 373].

Важно подчеркнуть, что в анализируемых контекстах оппозиция «жизнь» – «смерть» получает различное осмысление в зависимости от мировоззренческой позиции автора. У В.А.Солоухина оппозиция носит религиозный характер, т.к. жизнь мыслится им как место наказания – «ссылка», «ад», а смерть – как возвращение в круговорот природы («превратимся в траву, цветок, дерево»). Для И.Е.Ракши, смерть – не конец, а «переход к жизни лучшей - вечной», смерть – это «зеркало прожитой жизни», то есть оппозиция «жизнь» – «смерть» в целом – не отрицание бытия, а его трансформация в высшее. У А.Алёхина оппозиция «жизнь» – «смерть» чаще реализуется на уровне авторской иронии, афористики, парадокса.

Кроме того, бинарная оппозиция «жизнь» – «смерть» находится в системных отношениях с периферией концепта «бытие» в значениях: «душа», «искусство», «мир писателя».

Всего в картотеке примеров представлено 26 единиц в данном ядерном значении. В прозе А.П.Чудакова – 0 единиц; В.А.Солоухина – 4 единицы; в прозе И.Е.Ракши – 15 единиц (из них: 6 – в прозе «Монолог без конца», 5 – «Разговор о будущем», 4 – «Звезда на ладони»); в прозе А.Алёхина – 7 единиц.

Таким образом, концепт «бытие» мыслится авторами и как отвлеченная философская абстракция, и одновременно постигается через призму

повседневного, предметного, «вещного» мира, где каждая деталь быта становится универсальной категорией мироздания. Способность ЭКЯЛ видеть в частном – общее, в мимолетном – вечное, в обыденном – онтологическое составляет сущностную черту лирико-философского субдискурса анализируемых авторов.

Периферия лингвокультурного концепта «бытие» образует широкое ассоциативное поле вокруг ядра, демонстрирует значительную вариативность авторского мировидения, позволяет проследить эволюцию эстетических, мировоззренческих представлений исследуемых авторов о сущности бытия в текстах лирико-философской прозы. Периферия лингвокультурного концепта «бытие» репрезентируется через систему сопряженных лексем, наиболее значимыми из которых в анализируемом корпусе текстов являются:

1) «Быт» – обыденность, вещь, привычка, дело, – то, из чего складывается повседневная жизнь.

А.П.Чудаков: *«И чего это я недоволен необходимостью постирушек? Складывал высушенное белье, пахнувшее солнцем и березами, какого никогда не бывает ни после какой стиральной машины и прачечной. Как в детстве»* [172, с. 688]; *«Осуществил давнюю мечту: разложил по коробкам все свои болты, гайки, шурупы, шайбы, трубы и проч., снабдив эти коробки пристойными надписями. Удовлетворенье едва ли не большее, чем после окончания приличной статьи»* [172, с. 687].

В.А.Солоухин: *«У монголов традиционная обувь – сапоги с носками, загнутыми кверху. Оказывается, это для того, чтобы бережнее ступать по земле, не ковырять, не ранить, не портить землю. Каков путь от этих загнутых носков до бульдозеров, экскаваторов, взрывных работ!»* [171, с. 357].

И.Е.Ракша: *«А представляете, я могу готовить... сердечко из свежего огурца. Чудо-украшение к любому блюду. Могу и вас научить»* [168, с. 71].

А.Алёхин: *«Оставил на зиму сад подстриженным и прибранным, каким хотел бы оставить и этот мир после себя»* [167, с. 226]; *«По утрам хожу по саду, пересчитываю яблоки. Как Господь в Раю...»* [167, с. 226]; *«– Да что бы я без тебя делал... – Как что? Сосиски бы варил. И ел»* [167, с. 503].

В этих контекстах «быт» редуцируется до уровня «малых дел» – сваренного супа, поглаженной кошки, огуречного сердечка, стрижки газона, пересчет яблок. Именно через них «быт» обретает ценность и осмысленность. Мировоззренческая роль «повседневных мелочей в лирико-философской прозе в количественном соотношении различна: в прозе А.П.Чудакова – 2 единицы; В.А.Солоухина – 2 единицы; в прозе И.Е.Ракши – 20 единиц (из них: 10 – в прозе «Монолог без конца», 8 – «Разговор о будущем», 2 – «Звезда на ладони»); в прозе А.Алёхина – 79 единиц. Всего в картотеке примеров представлены 103 единицы.

2) Противопоставление «быта» и акта творчества, где «быт» предстает как содержательный контраст между творческим порывом и повседневностью, между духовным и материальным.

А.П.Чудаков: *«Вместо писанья мемуара в сборник МГУ с утра три часа (!) костенеющими на морозе руками чинил дверь в сортир, а до этого снимал дверцу со шкафчика на 1-м этаже, а до этого... Снежный ком дел»* [172, с. 666].

В.А.Солоухин *«– Как это так, тебе не пишется, если ты умеешь писать? Сел и пиши. – А вот так и не пишется. Если лампочка рассчитана на напряжение 220, то, чтобы она ярко горела, должно быть 220. Иначе получается не свет, а красный волосок. Так и у меня. Сядешь за стол, а в, организме не хватает напряжения, в нем меньше двухсот двадцати. Вот и не пишется»* [171, с. 38].

И.Е.Ракша: *«Проблемы, которые ниже пояса, тебя уже не волнуют. Не мешают душе работать, расти, развиваться. Не отвлекают от главного»* [169, с. 285]; *«В связи с наступлением старости, с приходом болезней человек инстинктивно ставит перед собой и в жизни творческой, и в быту совершенно иные задачи, чем прежде... Я стала внимательней следить за этим интересным явлением. Следить за собой и временем. И действительно это любопытно. Уже, например, считаешь удачей быстро пройти из кухни или из кабинета в прихожую, чтоб успеть снять звенящую телефонную трубку... Бытийность здесь предстает не как «жизнь», а качество жизни, ее способность либо возвышать человека, либо растворять в рутине»* [169, с. 50].

А.Алёхин: *«К старости записная книжка зарастает всякой дрянью, как огород лебедой» [167, с. 396]; «В старости собирать впечатления в записную книжку легче легкого. Все равно как свозить насыпавшуюся по дорожкам желтую листву к куче у забора – сухая листва почти не весит. Но сколько сил уходит на то, чтобы толкать неповоротливую тачку» [167, с. 440].*

«Быт» и «мир» повседневных забот, таким образом, не являются органичной средой для творчества авторов, наоборот, становятся препятствием между высоким предназначением лирика-философа и земными повседневными заботами.

Всего картотека примеров насчитывает 31 единицу: проза А.П.Чудакова – 2 единицы; В.А.Солоухина – 2 единицы; проза И.Е.Ракши – 22 единицы (из них: 14 – в прозе «Монолог без конца», 6 – «Разговор о будущем», 2 – «Звезда на ладони»); проза А.Алёхина – 5 единиц.

3) Биографическое время, реализующееся в повседневных привычках.

А.П.Чудаков: *«Даты, даты... Обув ботинки, коим 35 лет, намазав лыжи, коим 5 лет, мазью, которой 30 лет, ушел с утра в лес. <...> А что – даты? Время – его нет, не существует, пока носят ноги, так гениально задуман Творцом человек» [172, с. 671]; «Вчера смотрел на луну, которая так близко к Земле и хорошо видна будет только еще раз через 20 лет. Говорят, трудно представить, что по ней ходил человек. Вовсе нет; пока я жив, представимо все. Гораздо труднее представить, что в следующее противостоянье меня скорей всего уже не будет. Она будет светить так же над моими березами, но – без меня» [172, с. 695].*

В.А.Солоухин: *«Я человек – существо социальное. От меня, как от точки, существует проекция назад, в прошлое, и глубину (понимание прошлого и отношение к нему) и проекция вверх, в будущее (понимание и ощущение его). Я – узелок, связывающий эти две нити. Они натянуты, и их натяжение определяет мое пространственное и временное положение. У меня есть корень в землю и побег в небо» [171, с. 94-95].*

И.Е.Ракша: *«А в своей кожаной сумочке, серой, с щелкающими шариками замка, берегла связку старинных ключей на колечке... И ключи-ключики были*

разные. От резных дубовых дверей и дверок, ящиков и ящичков. От буфета, где хранились сладости, от тумбочек с документами, от антикварного письменного стола деда-профессора, от чудо-сундука, на котором я малышкой спала. От всего того, чего давно уже не было, не существовало. Но я понимала – это были не просто ключи. Не просто разные, красиво-фигурные, блестящие и привычно-родные от многолетнего касания пальцами. Это были ключи от Жизни» [169, с. 51]; «Я все же думаю – вторая половина XX века была для меня удачной, полноценной. Подводя итоги, вижу в сухом остатке – сделано многое. Особенно В данных примерах бытийность предельно сжата (умещается в одной детали, привычке, жесте) – через них раскрывается судьба человека» [169, с. 44].

А.Алёхин: *«Память памятью, а о людях напоминают вещи. Бабушкины часы с боем. Отцовский механический карандаш. Теткина серебряная ложка. А с годами и они куда-то исчезают, будто растворяются во времени» [167, с. 97]; «Торная дорога жизни кончилась, и пошли тропки: почта, собес, сберкасса, приятель-инвалид, кладбище, другое кладбище, продуктовая лавка, аптека...» [167, с. 314].*

Таким образом, «быт» становится экзистенциальной категорией, через которую ЭКЯЛ превращает мимолетные детали повседневности в универсальные знаки человеческой судьбы. Для А.П.Чудакова «быт» предельно материален, темпорален (так как время им преодолевается через память, вещи) и требует четкой повседневной концентрации. Для В.А.Солоухина «быт», прежде всего, созерцательно-трудовая категория, так как для него материальный мир и духовные смыслы неразделимы. Для И.Е.Ракши, наоборот, – дух и материя противопоставлены; для А.Алёхина – «быт» вещно-детализирован, где дача и сад представляют собой модель мироздания, а бытовые дела имеют высокое философское значение.

«Быт» как категория концепта «бытие» выступает неким «мостом», связывающий ядро «бытия» с периферией. Без «быта» концепт «бытие» – абстрактная философская категория; именно через «быт» бытие становится жизнью конкретного человека (с мелочами, противоречиями, потерями и т.д.).

Через категорию «быта» абстракция, «сущее» превращается в человеческое – прожитое, пережитое.

Всего в картотеке примеров представлено 20 единиц: в прозе А.П.Чудакова – 2 единицы; В.А.Солоухина – 2 единицы; в прозе И.Е.Ракши – 11 единиц (из них: 5 – в прозе «Монолог без конца», 4 – «Разговор о будущем», 2 – «Звезда на ладони»); в прозе А.Алёхина – 5 единиц.

4) «Мир писателя» как периферия лингвокультурного концепта «бытие».

В.А.Солоухин: *«Какое странное для писателя заявление! Сто человек увидят сто разных киевских набережных. Писатель должен видеть свою, сто первую, и заставить читателя увидеть именно его набережную, а не набережную в Киеве вообще»* [171, с. 183]; *«Под влиянием все убыстряющегося, все более нервного, все более бесшабашного (а вернее бы сказать, шабашного) ритма жизни на нашей планете появилась тенденция, которую иногда называют лаконизмом: вместо того чтобы написать роман, писатель скороговоркой, рублеными, бескровными, бесцветными фразами пересказывает его содержание»* [171, с. 41].

И.Е.Ракша: *«Все, что я тут пишу, ждет в жизни буквально каждого человека. <...> Но почему-то в быту люди стесняются откровенно, открыто говорить об этом»* [169, с. 200]; *«Я скромный писатель-одиночка. (Свободной профессии.) И только чувства свои, только их я могу дарить людям. Но как подарить? А просто. Через СЛОВО, посредством русского языка. Спасибо Богу за ... особенно за этот волшебный дар»* [168, с. 64];

А.Алёхин: *«Огород писателя: всего две грядки, каждая с письменный стол»* [167, с. 190]; *«У писателей помимо обычного ангела-хранителя бывает еще и специальный ангел-читатель. В них набирают самых терпеливых ангелов»* [167, с. 437]; *«Свое писательское бессилие он ощущал словно тяжелую болезнь. И подробно описывал ее, во всех проявлениях и муках. Втайне надеясь, что в этих-то описаниях как раз откроется его сила...»* [167, с. 12].

Отметим, что субъективно-авторское осмысление «бытия» выражают оба концепта – «мир» и «мир писателя» – но в разных аспектах. Концепт «мир»

фиксирует объективную реальность (универсум, природу, социум), а периферия концепта – «мир писателя» – ее субъективное, индивидуально-авторское преломление. Их отождествление у ряда авторов (кроме А.П.Чудакова) как раз и показывает, что внешнее бытие и личное творческое бытие-сознание для элитарной культурно-языковой личности неразделимы.

Всего в картотеке примеров представлено 27 единиц: в прозе А.П.Чудакова – 0 единиц; в прозе В.А.Солоухина – 15 единиц; в прозе И.Е.Ракши – 10 единиц (из них: 5 – в прозе «Монолог без конца», 3 – «Разговор о будущем», 2 – «Звезда на ладони»); в прозе А.Алёхина – 2 единицы.

5) «Душа» как индивидуально-авторская периферия концепта «бытие».

А.П.Чудаков: *«Все растущая отчужденность современного человека от творящей деятельности в предметной сфере <...> несомненно, оказывает разрушительное воздействие на его душу, духовность»* [172, с. 567].

В.А.Солоухин: *«Поэт годами и десятилетиями по крупице вбирает в себя, впитывает, копит и отстаивает в себе все характерное для своей эпохи. Для чего же мы будем говорить ему: не смей раскрывать своей души, а раскрывай только души своих современников. Отчего душа человека по профессии «поэт» должна быть менее типична, менее характерна для эпохи, чем души людей иной специальности: доярки, бетонщика, сталевара, ученого?»* [171, с. 86]; *«Точно так же, как художник-пейзажист вкладывает в свое творение частицу души, так и в ландшафт любой страны оказывается вложенной душа народа и то представление о красоте, которое в душе того или иного народа живет»* [171, с. 228].

И.Е.Ракша: *«Мало в миру есть людей, от которых можно душой что-то получить, почерпнуть, обогатиться. А вот хорошую книгу – открой и читай, радуйся»* [169, с. 97]; *«Душа – она как родник, как источник, лишь только струясь, истекая, скромно или хрустально, изливаясь, отдавая силу свою, не иссякнет, не высохнет. Выживет...»* [169, с. 175]; *«В России каждая православная душа – христианка. А что такое блаженство? Это разговор с Богом, но не с*

окружающим миром» [170, с. 66]; «Равнодушие ровняется бездушию, а без души – все мертво» [170, с. 154]; «Арго разрушает не только синтаксис, морфологию, семантику речи. Он калечит саму душу человека. <...> А противоядие ему лишь одно – нравственность, духовность гармоничного общества, которая начинается с семьи» [168, с. 29]; «Чистота, красота, то есть качество твоей речи, – это зеркало качеств твоей души» [170, с. 82].

А.Алёхин: *«И тогда ему вставили протез души» [167, с. 52]; «Чем больше места занимает в человеке желудок, тем меньше – душа» [167, с. 129]; «И прожили душа в душу – от Мендельсона до Шопена» [167, с. 201]; «Садовые работы очищают душу – вместе с потом из нее выходят все мелкие заботы» [167, с. 384].*

Таким образом, лингвокультурный концепт «бытие» реализует периферическую индивидуально-авторскую семантику на уровне духовной метафизической проекции – человеческой «души». Концепт «бытие» отвечает на вопрос о смысле жизни, о связи с Богом через «душу»: у А.П.Чудакова и В.А.Солоухина душа созерцает, у И.Е.Ракши – спасается, у А.Алёхина – тоскует. В этой проекции концепт «бытие» утрачивает свой онтологический статус и становится нравственной категорией. Для авторов сущностным является лишь то, что одухотворено, принято «душой» и наделено смыслом.

Всего в картотеке примеров представлено 84 единицы: в прозе А.П.Чудакова – 2 единицы; В.А.Солоухина – 5 единиц; в прозе И.Е.Ракши – 47 единицы (из них: 28 – в прозе «Монолог без конца», 6 – «Разговор о будущем», 13 – «Звезда на ладони»); в прозе А.Алёхина – 30 единиц.

6) «Искусство» как рефлексивно-творческая проекция концепта «бытие».

А.П.Чудаков: *«Велика очищающая сила искусства! Испытываешь какой-то духовный катарсис, душа очищается от пошлости и грязи, стремится в заоблачные выси...» [172, с. 561]; «Такова сила архитектурного, визуального памятника, документа, запечатленного сиюминутного события. <...> В конечном счете остается только оно, а все реконструированное, извлеченное из забвения,*

воссозданное постфактум – все это, войдя в историю, никогда не станет ее доминантой – событийной, картинно-образной, музыкальной. Особенно это касается искусства» [172, с. 586-587].

В.А.Солоухин: *«Бывает искусство, как варенье, которое отбивает аппетит к настоящей еде. Человек голоден, ему хочется и мяса, и лука, и хлеба, и помидоров, и горячих щей. Но если дать ему в это время три столовых ложки варенья, чувство голода пропадает, будто бы и поел» [171, с. 99]; «Попытка поставить искусство в зависимость от расщепления атомного ядра... Но расщепляется атом, а не душа человека. Когда начнется расщепление человеческой души, искусство погибнет» [171, с. 58].*

И.Е.Ракша: *«Мне всю жизнь мешал быт. <...> В силу христианских взглядов и доброго славянского характера я не боролась с бытом, а старалась послушно преодолеть его, справиться с ним или украсить его. <...> Но все же шла борьба меж бытом и творчеством как искусством. С переменным успехом. <...> Убедилась: быт и творчество несовместимы» [170, с. 153-154]; «Писательство – оно ведь изначально, оно Первоначально. Оно многомерно, оно основа. Это «многоактёрство» в одном лице. Но это, конечно, только в том случае, если это не просто ремесло, а мастерство истинное, работа талантливая, до пота и боли в душе. То есть если это писательское искусство. Не от слова ИСКУС. А от слова ИСТИНА» [169, с. 153].*

А.Алёхин: *«Без боли в душе и сердце не может быть истинного искусства» [169, с. 175]; «Истинное искусство должно вырастать из правды, работать на правду и ради правды. Свои задачи художник должен максимально приближать к созданиям Божьим, к Его образам, к Его задачам» [168, с. 79]; «Вообще-то все искусство – реклама. Творения Божия» [168, с. 114]; «Что осталось от древнеегипетской цивилизации? Посмотрите папирусы: одна бухгалтерия. А вы говорите – искусство!» [168, с. 104].*

Таким образом, «искусство» как периферия семантики концепта «бытие» – это потенциально творческая рефлексия автора о способе познания и преодоления

«быта». Для всех авторов – это осмысление искусства и творчества как части «бытия».

Всего в картотеке примеров представлено 19 единиц: в прозе А.П.Чудакова – 2 единицы; В.А.Солоухина – 2 единицы; в прозе И.Е.Ракши – 11 единиц (из них: 5 – в прозе «Монолог без конца», 4 – «Разговор о будущем», 2 – «Звезда на ладони»); в прозе А.Алёхина – 4 единицы.

Проведенный концептуальный анализ ядра и периферии лингвокультурного концепт «бытие» в русской лирико-философской прозе XX–XXI веков позволил прийти к следующим *выводам*:

Концепт «бытие» – не абстрактная философская категория, а живой синтез мысли и переживания, в котором интеллектуальное осмысление неразрывно связано с эмоционально-чувственным его проживанием. Ядро концепта задает универсальное поле категорий «бытия», тогда как периферия, формируемая уникальным балансом между философской рефлексией и лирическим переживанием, становится главным ценностным компонентом индивидуально-авторской картины мира. Именно в периферии концепта «бытие» совмещаются в русле единого художественного целого различные нарративные уровни репрезентации «бытия»: от научно-философского («бытийного») до лирического, частно-житейского, социально-обиходного («бытового»).

Проведенный концептуальный анализ показывает, что ядро концепта «бытие» выступает как универсальная смысловая константа, объединяющая авторов в рамках лирико-философской прозы XX–XXI веков. Периферия концепта «бытие» репрезентируется через систему индивидуально-авторских смыслов («быт», «мир писателя», «душа», «искусство»), которые образуют ассоциативное поле вокруг универсального ядра и наполняют его новым оригинальным содержанием. При этом периферия отражает не только мировидение отдельной ЭКЯЛ, но и смену культурно-языковых парадигм: от научно-философской фиксации у А.П.Чудакова, лирико-созерцательного единства с природой у В.А.Солоухина, нравственно-этической и духовно-религиозной рефлексии у

И.Е.Ракши до ироничной парадоксальности, афористики и «игровой» направленности у А.Алёхина.

Таким образом, количественный анализ универсальных значений ядра концепта «бытие» (223 единицы) и индивидуально-авторской периферии концепта (197 единиц) создает целостную лирико-философскую картину мира – концептосферу ЭКЯЛ, – включающей творческие личности всех исследуемых авторов, в которой философское осмысление бытия органично соотнесено с лирическим переживанием, а повседневность имеет онтологическую значимость.

Вместе с тем анализ полной картотеки примеров реализации ядра и периферии концепта «бытие» (см. Приложение 1. Таблица 1) позволяет не только их количественно дифференцировать, но и сделать вывод о роли концепта «бытие» в экспликации индивидуально-авторской концептосферы каждого из исследуемых авторов: в прозе И.Е.Ракши обнаружено – 189 единиц (121 единица составляет ядро концепта, 42 единицы – периферия); в прозе А.Алёхина – 167 единиц (125 единиц составляет ядро концепта, 42 единицы – периферия); В.А.Солоухина – 43 единицы (28 единиц составляет ядро концепта, 15 единиц – периферия); В прозе А.П.Чудакова – 21 единица (10 единиц составляет ядро концепта, 11 единиц – периферия).

В прозе И.Е.Ракши и А.Алёхина преобладает высокая концентрация ядра и периферии концепта «бытие», что свидетельствует о лирико-философской рефлексии, наличии устойчивой мировоззренческой позиции автора, онтологической направленности прозы, а развитая периферия указывает на многоаспектность понимания категории «бытия» и художественное разнообразие языковых средств выражения. В прозе В.А.Солоухина и А.П.Чудакова зафиксировано значительно меньшее количество примеров ядра и периферии данного концепта, что, с нашей точки зрения, может свидетельствовать о том, что четкая мировоззренческая позиция авторов не допускает «двусмысленности», т.е. авторы избирательны в дифференциации категорий «бытийности» и «быта». Таким образом, количественные различия ядра и периферии концепта «бытие» в творчестве исследуемых авторов отражают индивидуально-авторские особенности

языковой картины мира каждого автора, обеспечивающих стратегический выбор ЭКЯЛ способах онтологического и экспрессивно-чувственного познания действительности.

Выводы по главе 2

1. Лингвокультурный концепт выступает как вербализованная репрезентативная единица концептосферы культуры, в которой языковые средства приобретают статус культурно-языковых знаков, закрепляя культурно обусловленные основания языка и его подсистем.

2. В антропоцентрической парадигме объектом исследования является языковая личность, эксплицирующая свой внутренний мир в системе языковых знаков. Лингвокультурологический подход в рамках антропоцентризма ориентирован на репрезентацию ценностных доминант ЭКЯЛ посредством языковой реализации лингвокультурного концепта «бытие», который эксплицирует языковую картину мира – концептосферу «культуры».

3. Лингвокультурный концепт «бытие» вербализуется в языке рядом родственных лексем, образующих ядро («бытийность», мир, реальность, оппозиция «жизнь» – «смерть», восприятие времени и пространства как глобальных категорий мира) и периферию концепта: «быт» («вещный мир»), творческий мир автора, душа, искусство), что демонстрирует эволюцию в индивидуального и коллективного авторского сознания при сохранении смысловой связи с универсальным ядром, обеспечивающим единство концептосферы лирико-философской прозы.

4. Лингвокультурный концепт «бытие» в русской лирико-философской прозе XX–XXI веков интегрирует две взаимосвязанные формы познания – переживание и осмысление – в их ценностно-смысловом единстве.

Содержательный синтез, реализуемый через взаимосвязь «бытийного» и «бытового» нарративных уровней, становится возможным исключительно для носителя элитарной речевой культуры, что подтверждает статус ЭЖЯЛ как основного актора, продуцирующего лирико-философский субдискурс.

5. В прозе А.П.Чудакова «бытие» осмысляется как историко-документальная фиксация эпохи через предметную деталь и научно-философскую рефлексию. В прозе В.А.Солоухина «бытие» предстает как лирико-созерцательное единство человека и природы, где даже мелкая деталь становится ключом к пониманию мироздания. В прозе И.Е.Ракши «бытие» обретает нравственно-этическое и духовно-религиозное звучание, где повседневность осмысляется через призму этики и культурной памяти. В прозе А.Алёхина «бытие» предстает как иронично-философский срез современности, в котором экзистенциальные вопросы возникают из абсурдных бытовых ситуаций и фрагментарного потока впечатлений автора.

6. Индивидуально-авторские особенности языковой картины мира каждого из исследуемых авторов определяют количественные и качественные различия в репрезентации лингвокультурного концепта «бытие». В прозе И.Е.Ракши и А.Алёхина зафиксирована наибольшая концентрация единиц ядра и периферии концепта «бытие» (189 и 167 единиц соответственно), что свидетельствует о высокой степени онтологической рефлексии и многоаспектности понимания категории «бытия». В прозе В.А.Солоухина и А.П.Чудакова количество примеров значительно ниже (43 и 21 единица соответственно) при заметном преобладании ядерных значений над периферийными, что отражает избирательность авторской позиции и стремлении к четкой дифференциации категорий «бытийности» и «быта». Таким образом, количественные параметры репрезентации концепта выступают объективным показателем мировоззренческих интенций ЭЖЯЛ.

Глава 3. Лингвокультурный концепт «бытие» в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков: репрезентация лингвокреативности элитарной культурно-языковой личности

3.1. Алгоритм комплексного анализа лингвокреативности ЭКЯЛ в субдискурсе лирико-философской прозы

Развитие лингвистической мысли закономерно отражается в изменении терминологического аппарата и обновлении метаязыка лингвокультурологии. В современном отечественном языкознании все более активно используется понятие «лингвокреативность», которое получает осмысление в разных направлениях исследования языка, включая когнитивную лингвистику, лингвокультурологию и смежные области. Согласно В.В. Фещенко, «в последнее время креативность и лингвокреативность приобретает статус оперативного термина и становится ключевой метаязыковой единицей лингвистического анализа» [152, с. 92] и В.И.Постовалова «термин «лингвокреативность», а также «креативность» и «креатив» стали входить в состав метаязыка многих лингвистических дисциплин» [113, с. 133].

Теоретической и практической разработкой лингвокреативности занимаются отечественные ученые: В.З.Демьянков, Е.В.Захаркив, И.В.Зыкова, М.И.Киосе, С.С.Кулиджанян, О.В.Соколова, А.А.Степанова, В.В.Фещенко, Е.С.Шмелева. Понятие «лингвокреативность» носит комплексный характер и формируется из ряда таких понятий, как «просодическая креативность», «лексическая креативность», «словообразовательная креативность», «синтаксическая креативность», «стилистическая креативность», «дискурсивная креативность» и др. [Азарова: 2008; Арутюнова: 1990; Бахтин: 2003; Демьянков: 2009; Ирисханова:

2004; Кубрякова: 2004; Лотман: 1994; Постовалова: 2009; Степанов: 2008; Телия: 1990; Фещенко: 2020 и др.].

Лингвокреативность является одним из проявлений креативности – феномена, который «входит в сферу исследовательских интересов самых разных наук, главным образом, гуманитарного цикла (психологии, философии, филологии, социологии, культурологии, антропологии, педагогики, искусствоведения и др.)» [56, с. 139]. «Появление рассматриваемого термина в языкознании связано, прежде всего, с изучением креативных (или творческих) способностей (возможностей) человека как языковой личности, а также с изучением креативного (или творческого) потенциала языка. Эти два взаимосвязанных и взаимообусловленных ракурса исследования приводят к образованию такого терминологического деривата «креативности», как «лингвокреативность» [Там же, с. 139].

В.Б.Базилевич указывает, что «...лингвистическая креативность представляет собой систему знаний о языке, благодаря которой носитель языка создает новые слова, трансформирует уже существующие языковые средства с целью расширения их семантики, привлечения внимания, достижения определенного эффекта» [8, с. 21]. По Л.М.Рыльщиковой, «лингвистическая креативность, так или иначе, связана с проявлением когнитивных и творческих возможностей человека в использовании языка для своих прагматических целей и имеет дело, как правило, исключительно с языковыми феноменами и языковыми знаками. Лингвистическая креативность есть способность создания языковых феноменов из готового языкового материала (языковая игра, метафоричность, тропеичность, фразеологичность, паремиологические инновации, сленг, жаргон и т. п.)» [122, с. 10]. И.В.Зыкова считает, что «лингвокреативность представляет собой, в сущности, реализацию (и / или воплощение) креативных возможностей языковой системы на самых разных ее уровнях и в отношении самых разных аспектов ее функционирования. Иначе говоря, лингвокреативность может рассматриваться как сложнейший когнитивный процесс и также «механизм» создания («в рамках нормы» или (осознанно) ненормативных) фонетических и морфологических знаков, разного рода слов и фразеологизмов, синтаксических

конструкций, текстов и дискурсов, стилистических приемов и проч.» [57, с. 628-629]. С позиции Т.А.Гридиной, «в проекции на язык креативность выступает как способность его носителей к обновлению и расширению номинативного и коммуникативного регистров речевой деятельности, являясь, в частности, формой реализации творческой уникальности говорящих» [36, с. 14]. А.А.Степанова приходит к следующему выводу: «Лингвокреативность мы понимаем как процесс построения языковой системы и ее функционирование в речевом общении, а также как реализацию креативных возможностей системы на всех ее уровнях» [140, с. 143].

В проанализированных дефинициях лингвокреативности в качестве ключевых смысловых элементов выделяются следующие: «способность», «возможность», «процесс», «создание» и др. Общим для представленных исследовательских трактовок является понимание лингвокреативности как способности языковой личности творчески использовать ресурсы языка и создавать новые языковые явления. Следовательно, лингвокреативность становится объектом лингвистического анализа только тогда, когда получает вербальное выражение: «в современной гуманитарной науке реализуются две возможности предметизации лингвистической креативности. Согласно первой из них, лингвокреативность предстает в собственно лингвистическом ракурсе как свойство самого языка – языковой системы, речи, дискурса и т. д. Согласно второй из них, лингвокреативность рассматривается в более широком – антропологическом – ракурсе как способность человека к языкотворческой деятельности» [113, с. 135-136]. Таким образом, при определении феномена лингвокреативности особую актуальность приобретает антропологический подход, поскольку он позволяет рассматривать творческий потенциал языка через деятельность языковой личности.

Лингвокреативность проявляется в широком спектре речевых действий, «от спонтанной словотворческой креативности ребенка до преднамеренной языковой игры и других видов вербальной креативности в разнообразных дискурсивных практиках личности и социума, достигая своего апогея в художественном

творчестве» [150, с. 214]. О.В.Соколова пишет о том, что лингвокреативность реализуется в разных типах дискурсов и текстов внутри каждого дискурса «в виде градуальных отношений – от большей степени к меньшей» [136, с. 125], в связи с чем можно говорить «об условной шкале лингвокреативности» [156, с. 14].

Концепция лингвокреативности формируется на пересечении нескольких исследовательских направлений, в числе которых когнитивная лингвистика, лингвокультурология, креативная стилистика и другие области современного языкознания.

В.И.Заботкина рассматривает лингвокреативность в триаде «*язык – креативность – когниция*», анализируя данную триаду в двух аспектах: 1) «с точки зрения креативности языковой системы; 2) с точки зрения креативности языковой личности» [48, с. 210]. Представленные аспекты эксплицируют основополагающую дихотомию – «креативность в языке vs. креативность языковой личности» [49, с. 22].

Исследования когнитивных механизмов, лежащих в основе лингвокреативной деятельности, проводятся как с точки зрения «кодирования информации адресантом, так и с точки зрения декодирования ее адресатом» [164, с. 84]. Креативный потенциал речевой деятельности адресанта обеспечивается взаимодействием механизмов девиации и аналогии. В связи с этим различаются три типа девиации: «прагматическая (нарушение отношения знак – пользователь); семантическая (нарушение отношения знак – референт); концептуальная (нарушение отношения между концептуальными структурами исходного и нового значений)» [Заботкина 2019, 210]. Когнитивная операция аналогии непосредственно связана с креативным потенциалом языковой личности: чем выше потенциал, тем быстрее устанавливаются ассоциативные связи между языковыми единицами, смыслами и моделями выражения.

Перспектива развития лингвокреативности связана с взаимодействием когнитивной лингвистики и лингвосомиотики для исследования связи «между способностью человека к лингвокреативности, семиотической сущностью языка и особенностями когниции» [63, с. 162]. Структура семиозиса определяет характер и

разнообразие проявлений лингвокреативной деятельности, поскольку языковое творчество может быть обусловлено разными типами изменений. В связи с этим выделяются несколько зон креативности: онтологическая, связанная с изменениями в мире и социуме как стимулом языкотворчества; эпистемологическая, возникающая при трансформации картины мира или ее отдельных фрагментов; формально-языковая, в которой источником креативной активности становится сама материальная форма знака: «по-видимому, состояние творческого возбуждения обладает свойством распространяющейся активации, поэтому все три зоны взаимосвязаны» [Там же, с. 166]. По мнению О.К.Ирисхановой, в структуре лингвосемиозиса отражаются основные противоречия, которые задают когнитивные ограничения языкотворческой деятельности. К ним относятся противоречие между объективным характером изменений реальной действительности и субъективностью их восприятия носителем языка; между индивидуальной природой лингвокреативного акта и его включенностью в социокультурный контекст; между конвенциональностью языковых структур и постоянно изменяющимися условиями речепроизводства: «в целом, существование нескольких зон лингвокреативности, в которых могут запускаться когнитивные механизмы языкового творчества, наличие комплекса противоречий в акте семиозиса, которые обуславливают возможность постоянного пересмотра семиотических отношений и определяют направление нововведений, – все это позволяет рассматривать языковое творчество как континуум разнообразных нововведений» [Там же, с. 168]. Синтез когнитивного и семиотического подходов к изучению лингвокреативной деятельности позволяет рассматривать термин «лингвокреативность» как одну из ключевых метаязыковых единиц современной лингвокультурологии, так как «креативное измерение языка и культуры выдвигается в ведущую позицию лингвокультурологии» [109, с. 193].

Основные подходы к трактовке лингвокреативности и таких смежных с ней понятий, как языковая игра, языковой эксперимент и словесное искусство, описаны в трудах И.В.Зыковой [Зыкова 2017: 542-638], которая дает следующее определение: лингвокреативность – это «способность глубинных

(концептуальных) оснований (как результатов познания мира), реализуемая коллективной личностью (социумом, народом) и индивидуальной личностью (отдельным представителем социума, народа), системно порождать разнородные знаки языка, способствуя развитию или эволюционированию последнего, и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса, в ходе которого базовые формы языковых знаков могут подвергаться разного рода преобразованиям, то есть модифицироваться» [57, с. 638]. Исследователем также представлена микросистема лингвокреативности, которая включает несколько разноуровневых вариантных рядов: «1) ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ < КРЕАТИВНОСТЬ vs. ТВОРЧЕСТВО; 2) ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ vs. ЯЗЫКОВАЯ НОРМА, ЯЗЫКОВОЕ КЛИШЕ; 3) ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ vs. СЛОВЕСНОЕ (ВЕРБАЛЬНОЕ) ИСКУССТВО, ЯЗЫКОВАЯ ИГРА, ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ» [Там же, с. 182], где словесное искусство, языковая игра и языковой эксперимент выступают в качестве способов и продуктов реализации лингвокреативности. «Можно заключить, что исследуемые понятия совпадают в определенной части своего содержания, а потому могут взаимозаменять друг друга в отдельных случаях или соответствующих контекстах. При этом только для понятия «лингвокреативности» такого рода «взаимозамена» в отношении к каждому из трех других понятий имеет регулярную основу» [Там же, с. 627]. Изучение лингвокреативности в междисциплинарном аспекте способствует взаимному обогащению различных исследовательских подходов и закрепляет за данным понятием статус одной из базовых метаязыковых единиц современного языкознания.

Исходя из вышеизложенного, выделим главные характерологические черты понятия «лингвокреативность»:

— лингвокреативность проявляется, прежде всего, в речевой (т.е. в дискурсивной) деятельности личности. Следовательно, проявления лингвокреативности следует искать прежде всего в сфере номинации и текстообразования, то есть в тех областях, где язык используется в процессе

коммуникации. Именно здесь говорящий сталкивается с необходимостью обозначения новых смыслов и выбора наиболее эффективных дискурсивных форм с учетом прагматических задач общения;

— лингвокреативность предполагает модификацию принятого употребления, и это означает, что креативное употребление языковых средств воспринимается как отклонение от стандартных способов выражения, благодаря чему активизируется внимание получателя информации и повышается прагматическая эффективность высказывания;

— лингвокреативность – системна, она основывается на возможностях, заложенных в языковой структуре. Следовательно, для реализации креативного потенциала языка в речи необходимо абсолютное знание языковой системы, то есть лингвокреативность может характеризовать только носителей языка или тех, кто близок к носителям языка по уровню владения языком.

Разделяя общие ключевые понятия и обладая общим теоретическим основанием, предлагаем метод изучения лингвокреативности в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков, основанный на применении **«методов и установок лингвокультурологии»** [58, с. 31]. В разработке этого подхода мы исходим из лингвокультурологических исследований В.Н.Телия, являющейся основоположником данной междисциплинарной науки. В настоящее время лингвокультурология обладает сформированной теоретико-методологической базой для изучения взаимодействия культуры, языка и личности.

Системным эмпирическим материалом, в котором находят свои истоки разнообразные формы креативной способности ЭКЯЛ, являются художественные тексты, формирующие различные дискурсивные виды – субдискурсы. Так, с нашей точки зрения, отдельным субдискурсом в рамках художественного дискурса является субдискурс лирико-философской прозы XX–XXI веков.

В основе лингвокультурологического метода лежит концепция, «позволяющая изучать лингвокреативность в тексте лирико-философской прозы с позиции особенностей *концептуализации* явлений мира в русской культуре,

языковой репрезентации культурно релевантных феноменов мира и реалий, межкультурных и межъязыковых трансферов знаний и информации, специфики развития концептуальной и языковой картин мира, формирования универсальных и культурно обусловленных эталонов, символов и стереотипов, а также способов познания, которые обуславливают становление и развитие культуры, ее ценностного внутреннего содержания в организации смысловой структуры данного субдискурса» [Там же, с. 31].

Субдискурс лирико-философской прозы XX–XXI веков формирует концептуальное поле элитарной культурно-языковой личности – на базе реализации лингвокультурного концепта «бытие», который в свою очередь репрезентирует лингвокреативность, реализующуюся на уровне продуктивных процессов языковой игры, прецедентности и авторской афористики.

Анализ направлен на установление специфики реализации креативных возможностей данных вербальных средств, их воплощения элитарной культурно-языковой личностью в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков, а также их адаптации к культурным установкам, ценностным ориентирам определенного исторического периода.

Данный подход нацелен на поиск новых эффективных способов установления специфики создаваемых языковых новаций (продуцированию афористики, языковой игры, прецедентности), обусловленных конкретным типом дискурса, то есть способов языковой организации русской лирико-философской прозы XX–XXI веков, временем и культурой, в которых она возникает не стихийно, а создается целенаправленно элитарной культурно-языковой личностью, способной к лингвокреативной «деятельности», на основе реализации лингвокультурного концепта «бытие».

В основе реализации лингвокультурологического метода в исследовании художественного текста лежит концепция, позволяющая изучать лингвокреативность ЭКЯЛ с позиций концептуального анализа в лирико-философской прозе XX–XXI веков на основе последовательного выделения этапов анализа или разработки специального алгоритма анализа репрезентации элитарной

культурно-языковой личности в лирико-философской прозе как субдискурсе художественного дискурса.

Представим разработанный нами алгоритм анализа ЭКЯЛ в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков:

1. Репрезентация ЭКЯЛ на основе лингвокультурологического анализа текстового и дискурсного уровней лирико-философской прозы как особого субдискурса, совмещающего в русле единого художественного целого два нарративных уровня: научно-философский (*«бытийный»*) и социально-обиходный (*«бытовой»*).

2. Анализ концептуального поля – концептосферы ЭКЯЛ – в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков с целью выделения базового лингвокультурного концепта «бытие».

3. Экспликация структуры лингвокультурного концепта «бытие» – ядра и периферии – на основе синергии двух семантических «полюсов»: **«бытийности»**, обозначающей универсальное, сущностное, метафизическое начало жизни, мироздания, философского смысла и **«быта»** – конкретного «вещного мира», обозначающего повседневное существование, наполненное обыденностью, личностными рефлексиями и эмоциями.

4. Языковая реализация лингвокультурного концепта «бытие» в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков посредством репрезентации лингвокреативности то есть способностью ЭКЯЛ к языкотворческой деятельности (языковой игре, продуцированию прецедентных феноменов и авторской афористики).

5. Выявление, сопоставление и описание общих закономерностей и индивидуальных особенностей формирования ЭКЯЛ в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI века.

Таким образом, каждый из этапов предложенного алгоритма опирается на результаты предыдущего, что обеспечивает логику анализа на основе использования междисциплинарного подхода, то есть интеграции следующих

методов анализа: семантико-стилистического, концептуального, дискурсивного, лингвокультурологического.

Каждый этап алгоритма соответствует определенному критерию экспликации ЭКЯЛ в лирико-философской прозе XX–XXI веков: 1) системное историко-культурное авторское сознание, потенциально способное к продуцированию «культуроносных» текстов; 2) свободное дискурсивное переключение «бытийных» и «бытовых» нарративов; 3) широкое использование языковой игры, прецедентных феноменов, авторской афористики.

Данный алгоритм позволяет проводить сопоставительный анализ исследуемых ЭКЯЛ (А.П.Чудаков, В.А.Солоухин, И.Е.Ракша и А.Алёхин), выявляя как индивидуальные, так и типологические черты репрезентации ЭКЯЛ в лирико-философской прозе XX–XXI веков.

3.2. Языковая игра как реализация лингвокреативности ЭКЯЛ

Лингвокреативность является инструментом, который, используя существующие ресурсы языка, расширяет его потенциал и позволяет создавать неограниченное количество новых продуктов языкового творчества. Специфика лингвокреативного мышления заключается, по мнению Б.А.Серебренникова, «в повторном членении мира» [127, с. 203]. По Т.А.Гридиной, лингвокреативное мышление характеризуется «оперированием языковыми единицами по законам ассоциативных сближений, реализацией потенциала языка в области конструирования и варьирования языковых форм и значений с учетом правил аналогии и субстанционально обусловленного свойства асимметрии плана выражения и плана содержания знака и проявлении тенденции к нарушению языкового стандарта в коллективной и индивидуальной речевой деятельности»

[37, с. 11-12]. Вслед за Т.А.Гридиной к основным факторам креативности языкового мышления относят оригинальность, семантическую гибкость, образную адаптивную гибкость, семантическую спонтанную гибкость. К основным признакам лингвокреативного мышления относятся: 1) оперирование языковыми единицами на основе ассоциативных сближений; 2) актуализация потенциала языка в процессе конструирования и варьирования форм и значений с учетом механизма аналогии; 3) стремление к отклонению от языкового стандарта в речевой деятельности (как индивидуальному, так и коллективному). Исследователи говорят о лингвокреативной функции языка, которая связана с экспрессивной, модальной и эстетической функциями, так как потребность в новой языковой единице появляется в момент повышенной эмоциональности, когда говорящий не может выбрать подходящую единицу из уже существующих для описания его чувств и впечатлений, а также в том случае, когда в новую единицу закладывается определенная воздействующая функция. Б.Ю.Норман говорит о креативной функции языка, которая является более частным проявлением лингвокреативной и представляет собой «способность языка не только влиять на действительность, но и порождать ее» [110, с. 27]. Данная функция отображает не только творческую способность языковой личности, но и «созидающий характер самого языка» как единое целое [117].

Термин «языковая игра» впервые был использован Л.С.Витгенштейном. По мнению исследователя, языковая игра представляет собой «одно целое, в то время, как речевая деятельность является общностью языковой игры, где язык и действия тесно переплетены между собой» [24, с. 79]. Т.А.Гридина определяет языковую игру как «форму лингвокреативной деятельности, связанной с преднамеренным нарушением языковых и речевых норм и направленной на выполнение определенной функции» [37, с. 116]. А.П.Скороводников разделяет мнение Т.В.Матвеевой, согласно его исследованиям, языковая игра – это «творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/речевой, в том числе – стилистической, речеповеденческой, логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том

числе – комического характера» [131, с. 802]. В трудах В.И.Шаховского используется термин «варьирование» по отношению к языковой игре. Автор упоминает, что «языковая игра не представляет собой нарушения языковых и речевых норм, а является результатом их оригинального, нестандартного варьирования на базе креативной компетенции коммуникантов в определенном эмотивном дискурсе» [161, с. 367]. По мнению В.З.Санникова, говорящего мотивирует на языковую игру «стремление обновить имеющиеся готовые номинативные единицы путем языкотворчества» [125, с. 102]. Ученые определяют лингвокреативность именно как способность языковой личности использовать систему знаний о родном или иностранном языке для создания принципиально новых языковых единиц или модификации уже существующих для расширения их семантики, реализации определенной прагматической функции [Гридина, 1996; Ремчукова, 2006; Бутакова, 2013]. Языковая игра – это одно из проявлений лингвокреативности, которое всегда намеренно и предполагает искажение норм языка с целью достижения определенного эффекта: комического, экспрессивного, эффекта неожиданности и пр. Игровые средства, задействованные при создании номинаций, выполняют ряд функций: «1) номинативную, 2) эмотивную, 3) аттрактивную, 4) рекламную и др.» [19, с. 146]. Одним из механизмов языковой игры является использование асимметрии языкового знака и нарушение системных отношений между знаками, что позволяет в рамках старой формы формировать новое значение и при изменении формы сохранять старое содержание. Творческое начало языковой игры проявляется в поиске способов вывести языковой знак за пределы привычного контекста его создания, употребления и восприятия, чтобы добиться определенного коммуникативного или эстетического эффекта.

Таким образом, языковая игра является частью лингвокреативности, ее проявлением, но не тождественна ей.

Лингвокреативность проявляется в концептуальных культурно обусловленных основаниях языковой системы (т.е. разнородных языковых знаков), составляющих языковую систему. Изучение именно концептуальных оснований содержания знаков конкретных уровней языка

позволяет понять, как формируется определенная языковая подсистема и функционирует ее дискурс. Исходя из этого, мы обратились к исследованию лингвокреативности на материале языковой игры, обладающей креативным потенциалом, изучение которого необходимо для получения целостной картины мира о явлении лингвокреативности, об углублении и расширении научного представления о креативном потенциале языковой системы и лингвокреативных способностях элитарной-культурно языковой личности.

Лингвокреативность, или заложенный в языке потенциал его разнообразного использования, включая возможность создания посредством составляющих его языковых средств особых – высших форм интеллектуальной творческой деятельности – языковых игр является весомым аргументом в пользу высокой ценности национального языка, и наоборот, лингвокреативность, выражающаяся в форме языковой игры, отражает богатство внутренних ресурсов национального языка.

Исследователи языковой игры классифицируют ее приемы по-разному и на основе разных принципов. Можно выделить следующие авторские классификации приемов языковой игры:

1. Классификация В.З.Санникова. Автор исследует языковую игру преимущественно с точки зрения комического эффекта, используя примеры из художественных текстов и практически не включая примеры из разговорной речи. Классификация В.З.Санникова базируется на структурно-семантическом принципе и системности языковых единиц [125, с. 291].

2. Классификация Е.А.Земской, М.В.Кайгородовой и Н.И.Розановой. Исследователи классифицируют приемы языковой игры, исходя из принципа девиантности, отклонения от нормы и выделяют в качестве основных стилистические приемы [54, с. 210].

3. Классификация Ю.О.Коноваловой. Автор использует в качестве основы принцип выбора-построения. Ею выделяются такие приемы, которые обладают необычной формой; необычной формой и значением; основанные на стилистическом контрасте [79, с. 113].

На основании анализа определений языковой игры можно сделать вывод, что она представляет собой одновременно и специфическую деятельность, то есть **специфическое языковое поведение**, и определенный **способ реализации креативного потенциала языка**, и конкретный **продукт языкотворчества** (по И.В.Зыковой). В работе используется классификация видов языковой игры В.З.Санникова, основанная на традиционной уровневой модели языка. Данная модель позволяет разграничить языковую игру по уровням языковой системы и выделить ее фонетическую, морфологическую, словообразовательную, лексическую и синтаксическую разновидности. В этом контексте лингвокреативность может быть определена как актуализация творческого потенциала языковой системы, проявляющаяся в преобразовании ее единиц и моделей на разных уровнях.

Материалом для анализа приемов языковой игры послужили тексты авторов лирико-философской прозы XX–XXI веков. В отличие от чисто сюжетного или композиционного анализа, здесь внимание уделяется «тонкостям» лексического выбора, синтаксической организации, фигурам речи и их роли в формировании многоуровневого лирико-философского нарратива для выражения абстрактных философских идей и глубоких личных рефлексий исследуемых авторов.

Анализ языковых способов репрезентации лингвокреативности ЭКЯЛ в лирико-философской прозе XX–XXI веков выстраивается в следующей логике:

1. Анализ средств создания языковой игры на всех уровнях языковой системы: фонетическом, словообразовательном, лексико-фразеологическом, морфологическом, синтаксическом последовательно у каждого исследуемого автора.
2. Анализ количественного соотношения средств создания языковой игры на всех языковых уровнях у каждого из исследуемых авторов.

Фонетический уровень создания эффекта языковой игры

На фонетическом уровне лингвокреативные способности элитарной культурно-языковой личности реализуются такими средствами создания языковой игры, как: 1) аллитерация; 2) намеренное нарушение орфоэпических норм; 3) оноματοпея.

Приведем наиболее убедительные примеры последовательно у каждого автора.

1) *Аллитерация («фонетический прием повтора одинаковых или похожих согласных звуков, вид звукозаписи для создания звуковых ассоциаций, внутреннего ритма, рифмы, усиления эффекта воздействия на читателя»)* [125, с. 51].

А.П.Чудаков: *«Детство – шпаги, мушкетеры, «таинственные знаки», шпионы»* [172, с. 563]; *«25 лет назад меня никто не знал, тут – ползала знакомых, подходят, здороваются, но даже это почему-то было противно»* [172, с. 574] *«Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться... бороться. Дурная сторона нашей души и желает спокойствия»* [172, с. 593]; *«Целыми днями пишу. Чукча теперь не читатель, чукча – писатель. Все идет в дело! Все, что знаю. Странное чувство. Все, что выливалось только в застольные и кухонные разговоры, рассказы <...> – все, оказывается, можно перелить в чеканную маловысокохудожественную прозу»* [172, с. 606].

(Картотека примеров включает 18 единиц).

В.А.Солоухин: *«В свое время я возмущался (по-профессиональному, конечно) тем, что Семен Кирсанов, описывая раненого в кабине самолета летчика, употребил инструментовку строки на Р. «Рана кРовью маРлю кРасит». Свое возмущение я основывал на том, что кровь пропитывает марлю бесшумно и, значит, Р ни к чему. Позже я понял, что инструментовка этой строки на Р удачно передает прерывистое, как бы захлебывающееся кровью рычание мотора»* [171, с. 82-83]; *«Нам не песни петь, а перышком скрипеть... И наскрипел своим перышком великую песню»* [171, с. 343].

(Картотека примеров включает 3 единицы).

И.Е.Ракша: *«Любое исцеление сопряжено со страданием. Даже смертное страдание несет исцеление. (Его надо выстрадать.) Смертию смерть поправ»* [168, с. 63]; *«Но в любом случае творческая профессия очень трудна. И хотя это дар Божий, но потом труд, труд и опыт. Труд, труд и опыт. «Терпенье и труд – все перетрут»* [168, с. 90];

(Картотека примеров включает 15 единиц).

А.Алёхин: *«Тщеславная тщета ущучить тещу» – не правда ли, от скороговорки язык заворачивается ветчинной трубочкой?»* [167, с. 160]; *«Подзинькивают тарелки, постукивает барабанчик, обвивает, как лиана, фисгармония с ослепшим голосом»* [167, с. 160].

(Картотека примеров включает 4 единицы).

2) Намеренное нарушение орфоэпических норм (сознательное отклонение от установленных правил литературного произношения, включая постановку ударения, произношение отдельных звуков или сочетаний):

А.П.Чудаков: *«Какая-то странная свобода в голове – не связанность каким-то материалом, оглядкой, ссылками, цитатами... Про что ни начну – что-то помню, знаю: хучь про кочегаров, хучь про лошадей...»* [172, с. 603], в котором «хучь» – просторечная редукция «хоть» с характерным [хч].

Автор сознательно снижает регистр собственной речи: просторечие здесь не небрежность, а принципиальный жест, которым автор не отделяет себя от «вещного мира».

(Картотека примеров включает 1 единицу).

В.А.Солоухин: *«Как это говорят теперь – «мушкетёр», надо говорить – «мушкетир»... – Да, но произношение «мушкетёр» настолько укоренилось, что исправить тут, боюсь, ничего не удастся. – Как – что? Говорить «мушкетёр»* [171, с. 152-153].

Использование в диалоге столкновения нормы «мушкетер» (по аналогии с полотер, живоде́р) и узуса (мушкетир).

«Сейчас пошло веяние на новую транскрипцию некоторых английских слов. Может быть, эта транскрипция более точная, но очень уж противная... **Ватсон** – **Уатсон, Вильям – Уильям, викенд – уикэнд**» [171, с. 346].

Эффект игры реализуется на столкновении двух орфоэпических норм – привычной транскрипции и «точной» фонетической.

(Картотека примеров включает 2 единицы).

И.Е.Ракша: «Букву «р» он по-еврейски не выговаривал, и потому звучало очень смешно. Он знал это и шутку нарочно усиливал: «**Мы кга́-сные кавале-гисты, и для нас / Былинники ге-чистые ведут га-сказ**» [169, с. 149].

Автор намеренно усиливает речевое нарушение (картавость), тем самым репрезентируя комический эффект.

(Картотека примеров включает 12 единиц).

А.Алёхин: «**Who** их знает...» Правда, неприлично звучит?» [167, с. 343] английское who (произносится как русское «ху») в русской фразе создает нежелательную омофонию с обценным словом.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

3) Ономатопея («слово-звукоподражание, созданное на основе сходства с шумами и звуками окружающего мира») [60]:

А.П.Чудаков: «В сущности, у меня первый современный велосипед. Только **суршит по шоссе: шур-сур-мур...** » [172, с. 693].

«Суршит» – авторский неологизм от «шуршит» с перестановкой [ш-с] для имитации звука, для которого в языке нет точного обозначения.

«Думал, за темной листвой козодой «**скры-скры**» кричит. А это смерть моя костылем **скрипела**» [167, с. 354].

«Смерть моя костылем скрипела» – смерть получает физический атрибут (костыль) для имитации звука, для которого в языке нет точного обозначения.

(Картотека примеров включает 7 единиц).

В.А.Солоухин: примеров ономатопеи не выявлено.

И.Е.Ракша: примеров ономатопеи не выявлено.

А.Алёхин: *«Та-та-та-та» – марш из «Аиды»* [167, с. 16]; *«Дзинь-дзинь-тук-дзинь...»* [167, с. 160]; *«Если верить тому, что проскрипел в электричке репродуктор-заика, следующая остановка – «Пи-пи-пи цу-цу-цу». Нам сходить»* [167, с. 478].

Ономатопея используется для прямой имитации неречевых звуков.

(Картотека примеров включает 3 единицы).

Количественное соотношение средств создания языковой игры на фонетическом уровне у исследуемых авторов:

Всего в картотеке примеров представлено 66 единиц: в прозе А.П.Чудакова – 26 единиц, в прозе В.А.Солоухина – 5 единиц, 27 единиц в прозе И.Е.Ракши (15 – в прозе «Звезда на ладони», 7 – в прозе «Монолог без конца», 5 – в прозе «Разговор о будущем»), 8 – в прозе А.Алёхина. Данные представлены в Приложении 2 (Таблица 2.1).

Словообразовательный уровень создания эффекта языковой игры

На словообразовательном уровне лингвокреативные способности элитарной культурно-языковой личности реализуются такими средствами создания языковой игры, как: 1) переосмысление словообразовательной структуры существующих слов (переосмысление существительных, переосмысление прилагательных, «окачествление» относительных прилагательных, переосмысление глаголов); 2) создание новых слов (префиксация, суффиксация, префиксально-суффиксально-постфиксальный способ, разговорное усечение с суффиксом); 3) существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами; 4) авторский окказионализм (окказиональное существительное); 5) обратное словообразование; 6) контаминация («народная этимология»); 7) аббревиация; 8) словосложение; 9) расчленение (оживление внутренней формы, расчленение с дефисами); 10) от нарицательного имени – к имени собственному.

Приведем наиболее убедительные примеры последовательно у каждого автора.

1) **«Переосмысление словообразовательной структуры существующих слов»** [125, с. 146] (*шутливое «расчленение» слов с последующим переосмыслением, с целью создания комического, иронического или выразительного эффекта*):

- **переосмысление существительных** [125, с. 146]

А.П.Чудаков: *«Твердохлебов, хороший комментатор... про него рассказывали, что он не знает, сколько стоит батон хлеба»* [172, с. 671].

Твердохлебов – (фамилия профессора), который не знает цены хлеба.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

В.А.Солоухин: примеры переосмысления существительных не выявлены.

И.Е. Ракша: *«...язык – живой, что в нем постоянно «работают» такие трудяги, как суффиксы, приставки-префиксы и прочее»* [170, с. 273].

Метафорическое употребление разговорного слова «трудяги» (ср.: работяга») позволяет автору олицетворить словообразовательные единицы, представив их как активных деятелей языковой системы.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

А.Алёхин: *«Выучить язык, на котором «утренник» – это детский праздник, «дневник» – тетрадка для оценок, «вечерник» – студент высшего учебного заведения, а «ночник» – осветительный прибор, – невозможно!»* [167, с. 116] *«Элементарный лингвистический анализ доказывает, что винты и шурупы в России не местное изобретение, а привозное. Наши предки обнаружили их, разбирая чужеземные изделия, – иначе у нас была б не отвертка, а завертка».*

«Обыгрывание» многозначности суффикса –ник и антонимии приставок за-, от-.

(Картотека примеров включает 9 единиц).

- **переосмысление прилагательных** [125, с. 148]:

А.П.Чудаков: *«Вот еще один случай стопроцентного, геббельсовского вранья – сразу вспомнилось, как на приеме у патриарха, где мы сидели с ним вместе*

за «писательским» столом, я спровоцировал Радзинского на вопрос...» [172, с. 663].

В данном примере для образования оценочного прилагательного «геббельсовский» мотивирующей основой послужило имя собственное *Геббельс*, выступающее в нарицательном значении. По В.З.Санникову, такое образование несет в себе разоблачительную и дискредитирующую функцию.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

В.А.Солоухин: примеров не выявлено.

И.Е.Ракша: примеров не выявлено.

А.А.Лёхин: «*Самобытный дурак*» [167, с. 18] – оксюморон, буквализирующий слово «самобытность» как право глупца на собственное существование, не нуждающееся в оправдании;

«*Душевные муки болезненны, но полезненны*» [167, с. 342].

Эффект языковой игры достигается за счет намеренного нарушения орфографической нормы, создавая симметричную рифму –енны / –енны: автор заменяет нормативное написание «полезны» на окказинальное «полезненны», создавая графический и фонетический параллелизм с «болезненны». Такое орфографическое нарушение подчеркивает антитезу: душевная боль воспринимается как страдание, но одновременно осмысляется как благо, приносящее духовную пользу.

«*Характеристика: Трудолюбив. Добычлив*» [167, с. 102]

Антиномия смыслов, выражающаяся в авторской оценочности, положительной (*Трудолюбив*), отрицательной (*Добычлив*).

(Картотека примеров включает 4 единицы).

- «*окачествование*» *относительных прилагательных* [125, с. 148] (*относительные прилагательные выражают непосредственное качество, признак, поддающийся усилению или ослаблению, оценочному суждению*):

А.П.Чудаков: «...сижусь, пишу, как явствует из эпиграфа, роман (=хронику=мемуары=серию записей), боюсь, что его постигнет участь чеховского романа (он его писал в виде отдельных главков-рассказов, а потом

вообще бросил). *«Не справляюсь с композицией». Т.е. отдельные куски вроде и ничего, но как все это соединить?.. Трудно сочинять **высокохудожественную** прозу»* [172, с. 602].

Относительное прилагательное художественный не допускает степеней сравнения, однако А.П.Чудаков присоединяет к нему наречие высоко-, создавая качественное прилагательное, выражающее авторскую иронию.

(Картотека примеров включает 3 единицы).

В.А.Солоухин: примеров не выявлено.

И.Е.Ракша: *«...наша профессия **диогинова**. Просто надо сказать судьбе: «Отойди в сторону, я пишу»* [170, с. 18]. Притяжательное прилагательное «диогинова», образованное от имени собственного Диоген с помощью суффикса -ов, используется как краткая форма качественного прилагательного с юмористической коннотацией.

(Картотека примеров включает 4 единицы).

А.Алёхин: *«...а наш век я называю **железобетонным**. И правда, кругом железобетон: дома-соты, дома-монстры. Голые, серые, квадратные»* [168, с. 87].

В данном контексте прилагательное «железобетонный» реализует двойную семантику: прямое значение («сделанный из железобетона») поддерживается перечислением материальных объектов («дома-соты, дома-монстры»), однако метафорический перенос «превращает» относительное прилагательное в качественное, характеризующее не материал, а дух времени – стандартизацию. Это «окачествование», осложненное сохранением прямой семантической связи с контекстом.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

- **переосмысление глаголов** [125, с. 148]:

А.П.Чудаков: *«Ведь их [повестей] **настряпаны** кучи, причем зачастую весьма низкопробных»* [172, с. 564].

Разговорный глагол «настряпать» (приготовить наспех, небрежно) применен к литературным текстам. Буквальное прочтение внутренней формы слова создает сниженный образ «кухонного» производства прозы.

(Картотека примеров включает 6 единиц).

В.А.Солоухин: примеров не выявлено.

И.Е.Ракша: примеров не выявлено.

А.Алёхин: *«Здание обесточено и обесчеловечено»* [167, с. 492]. Особая глагольная форма – краткое страдательное причастие «обесчеловечено» (глагол обесчеловечить: обес- + человек +и(ть) построено по модели «обесточено» (глагол обесточить: обес- + ток +и(ть)). описывается как технический процесс, «обесчеловечено» – лишено жителей, нежилое здание. Мне кажется, этот комментарий нужно уточнить.

(Картотека примеров включает 5 единиц).

Переосмысление словообразовательной структуры существительных, прилагательных и глаголов сознательное «расчленение» слов, «окачествование» относительных прилагательных позволяют авторам «обнажать» внутреннюю форму слова, создавая комический эффект (юмор, ирония, самоирония, парадокс).

2) *Создание новых слов* путем:

- *«префиксации»* [125, с. 152] (*способ образования новых слов путем присоединения приставки к целому слову*):

А.П.Чудаков: не выявлено примеров.

В.А.Солоухин: не выявлено примеров.

И.Е.Ракша: *«А ребеночек-то один-разъединственный»* [169, с. 19] – приставка раз- + суф. -ственн(ый) создают гиперболическое усиление единственности; характерное народно-разговорное образование с усилительным значением. Здесь нужно более подробно объяснить:

Прилагательное *один-разъединственный* образовано способом сложения. При этом одно из производящих слов – *разъединственный* – окказионально. Оно образовано с помощью приставки раз- и суф. -ственн(ый), с помощью которых создает гиперболическое усиление единственности. В результате прилагательное *один-разъединственный* представляет собой характерное народно-разговорное образование с усилительным значением.

(Картотека примеров включает 4 единицы).

А.Алёхин: *«Заслуженный **бездеятель** культуры»* [167, с. 148] приставка без- создает антоним через отрицание основы -деятель. Подстановка антонима в официальную формулу.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

- **«суффиксации»** [125, с. 154] (*способ образования новых слов путем присоединения суффикса к целому слову*):

А.П.Чудаков: *«Ты спокойно пишешь: «пропускная бумага», а не «промокашка», «**глубенеть**» (даже у Даля нет, но слово образовано по правильной модели!)»* [172, с. 634].

«Глубенеть» – окказиональный глагол, образованный от прилагательного глубокий по продуктивной модели (ср. темнеть, краснеть).

(Картотека примеров включает 3 единицы).

В.А.Солоухин: *«... можно и нужно сознательно выбирать для себя чтение в зависимости от того, что пишешь и какой «витамин» более для данного случая **подходящ**»* [171, с. 7].

Краткая форма прилагательного «подходящ» используется вместо нормативного «подходит» или «подходящий». Подобные формы появляются у прилагательных, некогда бывших причастиями: *впечатляющ, захватывающ*. Создает интонацию деловитой точности.

*«Но вот писатели умерли. Через их кабинеты, через их гостиные и спальни проходят десятки и сотни тысяч людей. Бесцеремонно разглядывают, трогают, изловчатся посидеть на стуле, критически оценивают или равнодушно зевают. Ежедневно и ежегодно тянется через дома и квартиры великих людей **праздно-курортная развязно-туристская толпа**»* [171, с. 169].

Праздно-курортная и развязно-туристская – два окказиональных прилагательных, созданных путем сложения. Оба создают портрет «туриста-потребителя» через словообразовательную парность.

(Картотека примеров включает 9 единиц).

И.Е.Ракша: *«А жабу гордыни в себе надо душить, а не пестовать. Не **павлиниться** от того, как «гениально» ты слушаешь флейту»* [169, с. 67].

Окказионализм «павлиниться» образован суффиксально-постфиксальным способом (павлин + суфф. –и(ть) + постфикс -ся): «вести себя как павлин» = хвастаться. Так И.Е. Ракша называет порок, против которого направлена ее критика.

(Картотека примеров включает 19 единиц).

А.Алёхин: «– *А у нас тут зимучая зима...*» [167, с. 394] – в данном отрывке суффикс –уч(ий): прилагательное «зимучий» – образовано от существительного зима, поэтому окказионализм создан оригинально. Скорее, он выражает значение интенсивно проявляющегося признака, связанного с мотивирующим словом; «Окормление. И опоеение» [167, с. 416].

Окормление (церк. «духовное питание», «пастырское попечение») + опоеение – тот же суффикс о- + -ени(е) создает параллельное слово – духовное питание и алкогольное опоеение рифмуются как две стороны народной жизни.

(Картотека примеров включает 7 единиц).

- ***префиксально-суффиксально-постфиксального способа:***

А.П.Чудаков: «Уже в самом подробном своем варианте (ок. 90 стр.) это был почти конспект, во втором – 65 стр. – еще *уконспектился*, а нынешнем третьем – 50–53 – это вообще конспект конспекта» [172, с. 582] окказиональное образование от слова «конспект», посредством префиксально-суффиксально-постфиксального способа: у- + -и- + -ся: уконспектился, т.е. «сжался до предела, стал чистым конспектом». Ирония в том, что большая идея «предметного мира» урезана цензурными инстанциями до конспекта конспекта. Буквальное прочтение внутренней формы усиливает абсурдность ситуации.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

В прозе **В.А.Солоухина, И.Е.Ракши, А.Алёхина** не выявлено примеров.

- ***разговорного усечения с суффиксом (способ словообразования, при котором от производящей основы отсекается часть слова, при этом новое слово сохраняет значение исходного):***

И.Е.Ракша: *«Машинисткой же («пишмашей») работала собственная Орестова мама-старушка, одинокая и скромная»* [168, с. 202], в котором словоформа «пишмашей» (пишущая машинка – пишмаш + падежная флексия -ей) представляет советский профессиональный сленг.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

Описанные выше приемы используются И.Е.Ракшой как продуктивные механизмы создания авторских неологизмов, углубляющие авторскую мысль.

В прозе **А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, А.Алёхина** нами не выявлены примеры данного приема.

3) «Существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами» [125, с. 157]:

И.Е.Ракша: *«И теперь «сегоднячко» – это совсем не сегодня, а «времячко» – совсем не время»* [168, с. 213], где сегоднячко (сегодня + -чк-о), времячко (время + -чк-о) – деминутивизация неизменяемых и отвлеченных слов.

«Листья, листочки с венка Истории Человечества. И в этом ворохе... я разглядела мелкие-мелкие листики моей скромной судьбы» [170, с. 19].

Тройная градация: листья – листочки – листики с нарастающим уменьшительным суффиксом; каждый следующий шаг делает образ меньше, интимнее.

(Картотека примеров включает 29 единиц).

В прозе **А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, А.Алёхина** нами не выявлены существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

4) Авторский окказионализм (индивидуально-авторское новообразование, созданное в конкретном контексте для усиления выразительности, языковой игры, точной номинации явления):

- **окказиональное существительное:**

И.Е.Ракша: *«Разными «мудроведами» о том времени написаны диссертации. Все разложено по полочкам»* [168, с. 178].

Ироничное «мудроведами» (мудро + -вед + -ами) (ср. литературовед) автор эксплицирует скептицизм к академическому знанию.

«И ученые «веды», **«языкознатели»** это прекрасно «ведают». (Кстати, «ведьма», «ведунья», «ведомости» и пр.) Об этом диссертации пишут» [168, с. 43]: «языкознатели» (состоящее из «язык + знать + -тель»).

Авторский окказионализм, народная замена иноязычному «лингвисты» или нормативному «языковеды».

(Картотека примеров включает 14 единиц).

В прозе **А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, А.Алёхина** нами не выявлены примеры окказиональных существительных;

5) **«Обратное словообразование»** [125, с. 162] (*слово, ранее образованное от другого слова с помощью словообразовательных аффиксов, начинает восприниматься как производящее, а его производная форма – как результат дальнейшего словообразования*):

В.А.Солоухин: «Под влиянием все убыстряющегося, все более нервного, все более **бесшабашного** (а вернее бы сказать, **шабашного**) ритма жизни на нашей планете появилась тенденция, которую иногда называют лаконизмом: вместо того чтобы написать роман, писатель скороговоркой, рублеными, бескровными, бесцветными фразами пересказывает его содержание» [171, с. 41].

«Бесшабашный» – расчленяется на бес- + шабаш + -н-. Оживление внутренней формы: бес- воспринимается как «без шабаша (= конца, предела)», однако В.А.Солоухин предлагает вариант без приставки – «шабашный», то есть «конечный, завершённый».

(Картотека примеров включает 1 единица).

А.Алёхин: «– И он принял твое решение безропотно? – Да нет. **Ропотно...**» [167, с. 416].

Слово «ропотно» – антоним слова «безропотно» через отсечение приставки без-, которое немедленно понимается через отзеркаливание.

«Пришельцы и ушельцы» [167, с. 153].

Антоним создается по той же словообразовательной модели, что и исходное слово; для А.Алёхина это и умершие, и уехавшие эмигранты, и те, кто «ушел в себя».

(Картотека примеров включает 2 единицы).

В прозе **А.П.Чудакова**, **И.Е.Ракши** нами не выявлены примеры данного приема.

б) «Контаминация» [125, с. 164] (*«сплав» двух слов или частей слов*):

В прозе **А.П.Чудакова** и **В.А.Солоухина** нами не выявлены примеры данного приема.

И.Е.Ракша: *«Гена и из своего псевдонима Айги умудрялся создавать мое имя, приписывая в конце «рине». АйгИ-рине – так он иногда подписывал мне стихи»* [168, с. 159] Айги + Ирине, анаграмма-контаминация собственных имен.

«...в новой кооперативной квартирке – «хрущебе» (производное от слов – «хрущевка» и «трущоба»). Мы с Юрой жили в ней много лет» [168, с. 109].

Автор расшифровывает состав контаминации «хрущевка» + «трущоба» – металингвистическая рефлексия.

(Картотека примеров включает 11 единиц).

А.Алёхин: *«Вьюго-запад»* [167, с. 59] – «скорнение» (по В.З.Санникову) слов «вьюга» + «юго-запад» – контаминация через общий звуковой стык (юг-).

«Олигофренд» [167, с. 197] – «скорнение» [125, с. 164] через общий звуковой стык (-френ-/-френд).

«Слышно было, как за оградой зоопарка лев зарычал рычитативом» [167, с. 491] – «скорнение» через общий звук рыч-/реч- и др.

(Картотека примеров включает 8 единиц).

• *«народная этимология»* [125, с. 167] (*высказывание, устанавливающее этимологию слова (ошибочную), попытка установить соответствие между формой и содержанием, скорректировать внутреннюю форму слова*):

В.А.Солоухин: *«Каждое его выступление начиналось сообщением о том, что я родился в селе Алепине в семье «хлопской», то есть холопской. Буквально – крестьянской. Ну, знаю, знаю я, что действительно родился в крестьянской семье, но каждый раз, когда говорилось «хлопской», меня в глубине души передергивало»* [171, с. 371].

Народная этимология в родственных языках: *хлоп* (польск. крестьянин) звучит как *холоп* (рус. крепостной слуга). Расчленение: одно и то же слово в разных языках несет разный смысл и коннотацию.

(Картотека примеров включает 2 единицы).

И.Е.Ракша: *«Когда мы штевкили у балка, наклюнулся Лысач...» – Вот оно, попало «наше» словечко – «тасоваться», то есть собираться там, где тасуют и сдают карты. Современная же версия такой «сходки» звучит по-иному: «тусовка», «тусоваться» [168, с. 28]: тусовка / тусоваться равна тасовать (карты) – народная этимология через звуковое сходство и суффиксацию -овк-а. Автор прослеживает словообразовательную историю прямо в арготическом контексте.*

(Картотека примеров включает 2 единицы).

В прозе **А.П.Чудакова** и **А.Алёхина** нами не выявлены примеры народной этимологии.

7) «Аббревиация» [125, с. 167] (обыгрывание аббревиации для создания комического эффекта):

В прозе **А.П.Чудакова** и **В.А.Солоухина** нами не выявлены примеры аббревиационной игры.

И.Е.Ракша: *«...мы советскую власть шутя называли с конспиративным почтением: «Софья Владимировна». Со.В(ладимировна) – советская власть» [168, с. 196].*

Советская власть – Со.В. – Со.В(ладимировна) – Софья Владимировна обозначает псевдоним через квазиаббревиатуру.

(Картотека примеров включает 2 единицы).

А.Алёхин: *«Оказывается, Кун Цао не китаец, а Коммерческое училище нанотехнологий Центрального административного округа» [167, с. 352], в котором КУЦАО – это абсурд постсоветского «нанотехнологического» пафоса, преобразованный в псевдокитайское имя.*

«Переводчик беззвучно, как рыба, шевелил толстыми губами на ухо послу. / Майор Кеgebешкин» [167, с. 15].

Имя собственное – квазионим Кегебешкин: КГБ – кегебе (фонетическая транскрипция аббревиатуры) + суффикс –шк-ин. Авторство А.Алёхина подтверждается тем, что в лексикографических источниках и справочниках фамилия «Кегебешкин» не зафиксирована как реально существующая, в отличие от производных аббревиатур КГБ («кагебешник» или «кагебист»).

(Картотека примеров включает 2 единицы).

8) «Словосложение» [125, с. 169] (*новообразования от словосочетаний, в том числе развернутых*):

А.П.Чудаков: *«Я теперь тоже – пусть считается – писатель, создаю маловысокохудожественные тексты, а может средневысокохудожественные – неясно»*; [172, с. 602-603]; *«Все, что выливалось только в застольные и кухонные разговоры, рассказы Юре Попову (когда еще!), Жене и др. – все, оказывается, можно перелить в чеканную маловысокохудожественную прозу»* [172, с. 602-603].

Приводится серия окказиональных сложных прилагательных, образованных присоединением наречия (мало-, средне-) к прилагательному художественный. Норма не допускает градации у слова художественный, но А.П.Чудаков ее «создает».

(Картотека примеров включает 2 единицы).

В прозе **В.А.Солоухина** и **И.Е.Ракши** примеров не выявлено.

А.Алёхин: *«– А у нас тут все редколесье да криволюдье...»* [167, с. 148].

В данном отрывке словосложение «криволюдье» (кривой + люди + суффикс –j(e) составлено по продуктивной модели (ср. «редколесье», «многолюдье», «бездорожье»). «Криволюдье» рядом с «редколесьем» создает образ пространства, где природный и человеческий «рельеф» одинаково ущербны.

«Человековек» [167, с. 290] – это метафора всей прозы, так как А.Алёхин организует ее по годам (1968–2019): каждая миниатюра – мгновение человека в своем веке.

«Тяжеловлюбленный человек» [167, с. 46] (ср. «тяжелораненый», «тяжелобольной»), А.Алёхин последовательно смешивает высокое (любовь) и клиническое (медицинский диагноз).

«Еврозима. Снег не выпал. – А сыночек у них, ну, такой... евроребенок» [167, с. 419] (ср. «еврозна», «евроремонт», «евростандарт») – это и ирония над «европеизацией», и наблюдение за климатическим сдвигом. Слово диагностирует одновременно погоду и культуру.

(Картотека примеров включает 13 единиц).

9) **«Расчленение»** [125, с. 169] (**намеренный «разрыв» цельной лексической единицы с целью ее переосмысления или создания комического эффекта**) включает:

- **оживление внутренней формы (переключение между прямым (буквальным) и переносным значением высказывания, что вызывает интеллектуальный и юмористический отклик, обогащая выразительные возможности языка):**

В.А.Солоухин: *«Разве мы когда-нибудь вспоминали, что Толстой... все же не более чем толстый? Разве когда-нибудь мы задумывались, что фамилия нашего великого поэта происходит от будничной пушки, из которой палят?»* [171, с. 360] – расчленение великих фамилий через их буквальный смысл: Толстой = толстый, Пушкин = от пушка. Оживление внутренней формы: фамилия перестаёт быть просто именем и возвращается к нарицательному значению. Затем – переосмысление: имя Пушкин «не только веселое», оно вмещает все противоречия.

(Картотека примеров включает 14 единиц).

В прозе **А.П.Чудакова, И.Е.Ракши, А.Алёхина** нами не выявлены примеры.

- **расчленение с дефисами:**

И.Е.Ракша: *«А ближ-не-го. Как самого себя»* [168, с. 173], в котором автор расчленяет заповедь «ближнего» на морфемы через дефисы как разбирают смысл жизни по частям.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

В прозе **А.П.Чудакова, И.Е.Ракши, А.Алёхина** нами не выявлены примеры.

10) Наричательное имя – имя собственное (обыгрывание соотношения имен собственных и нарицательных как источник комического и языкового творчества):

- **«От нарицательного имени – к имени собственному»** [125, с. 175] (комический эффект создается благодаря «переходу» значения слова-прототипа во внутреннюю форму новообразования):

А.П.Чудаков: «Закончил 6-ю главу (из середины, были черновики) – **«Чебачинск, или город детства»** [172, с. 610]. Чебачинск – (вымышленный) окказиональный топоним, образованный по модели реальных сибирских названий на -инск (ср. Щучинск, Лесосибирск, Минусинск). Суффикс -инск указывает на провинциальный «малый» город. Слово содержит в основе «чебак» (вид рыбы) – отсылка к природному, «доиндустриальному» миру. По В.З.Санникову, это переход нарицательного в собственное с комическим / поэтическим эффектом. Чебачинск – сердце всего художественного мира Чудакова. Этот вымышленный город аккумулирует весь опыт «провинциальной полудеревенской жизни», которую А.П.Чудаков противопоставлял «примитивизму» столичного существования.

(Картотека примеров включает 1 единицу);

В прозе **В.А.Солоухина** и **И.Е.Ракши** примеров не выявлено.

А.Алёхин: **«Лейтенант К.Г.Бешкин»** [167, с. 201], от аббревиатуры КГБ. Модель: «аббревиатура + суффиксация + скрытое включение» – это образ системы, которая присутствует незримо, но обнаруживает себя при расшифровке имени.

«Рахат Лукумович, аудитор» [167, с. 142] – это постсоветский номенклатурно-криминальный симбиоз в имени-отчестве названия восточной сладости.

«Театральный критик Ахиллесов-Пятов» [167, с. 234]. Фразеологизм «Ахиллеса пята» превращено в двойную фамилию, это образ театральной (и литературной) критики, которая разоблачает себя через самоназвание.

«*Г. Ноголь, романист*» [167, с. 106] – это весь слой «около-великой» советской и постсоветской литературы, уместившийся в одно имя по модели «Гоголь + ноготь/нога» – контаминация великого имени с анатомической частью тела. Кроме того, автор нарочито поменял местами инициал Н(иколай) и первую букву фамилии Г(оголь).

«*Системный администратор Гаджетов*» [167, с. 425]. Номинация «Гаджетов» связана с названием «электронного устройства», превращая человека в «орудие труда».

«*Гюрза Васильевна, секретарь директора*» [167, с. 468] – гюрза (ядовитая змея) как женское имя + отчество – самая опасная фигура в корпоративной иерархии.

(Картотека примеров включает 40 единиц).

Количественное соотношение средств создания языковой игры на словообразовательном уровне у исследуемых авторов:

Всего в картотеке примеров представлено 224 единицы: в прозе А.П.Чудакова – 18 единиц, в прозе В.А.Солоухина – 26 единиц, 88 единиц в прозе И.Е.Ракши (35 – в прозе «Звезда на ладони», 29 – в прозе «Монолог без конца», 24 – в прозе «Разговор о будущем»), 92 – в прозе А.Алёхина. Данные представлены в Приложении 2 (Таблица 2.2).

Словообразовательный уровень является одним из наиболее продуктивных сфер реализации языковой игры в лирико-философской прозе XX–XXI веков. В отличие от фонетических приемов, воздействующих преимущественно на звуковое восприятие речи, словообразовательная игра связана с преобразованием структуры слова и актуализацией его внутренней формы. Именно на этом уровне особенно ярко проявляется лингвокреативная способность ЭКЯЛ, поскольку автор получает возможность не только создавать новые языковые единицы, но и переосмысливать уже существующие, обнаруживая в них дополнительные смысловые связи и ассоциации.

Проведенный анализ произведений А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, И.Е.Ракши и А.Алёхина показал, что наиболее распространенными способами

словообразовательной языковой игры являются оживление внутренней формы слова, народная этимология, создание окказиональных образований, контаминация, словосложение, использование различных типов говорящих имен и топонимов.

Количественный анализ показал, что словообразовательная языковая игра представлена у всех исследуемых авторов, однако степень ее продуктивности и набор доминирующих приемов существенно различаются. Наиболее разнообразный спектр словообразовательных преобразований наблюдается в прозе А.П.Чудакова и А.Алёхина. Для А.П.Чудакова характерно активное использование приемов оживления внутренней формы слова, окказионального словотворчества и переосмысления словообразовательной структуры языковых единиц. Для В.А.Солоухина наиболее типичны приемы актуализации внутренней формы слова и авторской этимологической рефлексии, посредством которых автор раскрывает культурно-исторический потенциал языка.

В прозе И.Е.Ракши доминируют случаи народной этимологизации, благодаря чему словообразовательная игра приобретает преимущественно эмоционально-мемориальный характер. В прозе А.Алёхина наиболее продуктивными оказываются говорящие фамилии и топонимы, контаминации и окказиональные образования, что свидетельствует о высокой степени авторской словотворческой активности.

Таким образом, уже на уровне распределения приемов обнаруживаются существенные различия авторских стратегий: А.П.Чудаков тяготеет к познавательно-рефлексивному словотворчеству, В.А.Солоухин – к этимологизации словообразования, И.Е.Ракша – к эмоционально окрашенным словообразовательным моделям, а А.Алёхин – к сатирическому словотворчеству и игровому переименованию действительности.

Лексико-фразеологический уровень создания эффекта языковой игры

На лексико-фразеологическом уровне лингвокреативные способности элитарной культурно-языковой личности реализуются такими средствами создания языковой игры, как: 1) обыгрывание компонентов значения слов (обыгрывание асертивной части значения, обыгрывание пресуппозиции); 2) лексические синонимы; 3) многозначность слов (полисемия); 4) антонимия; 5) омонимия; 6) паронимия (вокалический тип, консонантный тип); 7) обыгрывание устойчивых фраз (фразеологизмов).

Приведем наиболее убедительные примеры последовательно у каждого автора.

1) *«Обыгрывание компонентов значения слов»* [125, с. 184] (прием, при котором акцентируется внимание на отдельных смысловых элементах слова, их столкновении или противоречии в конкретном контексте) классифицируется на:

- *обыгрывание асертивной части значения (основная, утверждаемая часть значения ставится в неожиданный, парадоксальный контекст):*

А.П.Чудаков: «– Память у вас просто **чудовищная!** Целая энциклопедия вещей, людей, ситуаций эпохи» [172, с. 639].

Ассертивный компонент «чудовищного» (в контексте «ужасающего») переосмыслен как восторженное восклицание.

*«С тех пор как в моей душе (лет в 12) открылась **дверца** в литературу и науку – ее уже сможет закрыть только смерть»* [172, с. 649].

Обыгран асертивный компонент «дверца» как метафоры доступа: открытая дверца закрывается только смертью;

*«А там уже текст диктует свои законы – к голове тигра не приставишь **следочный хвост**»* [172, с. 655].

Пример обыгрывает асертивный компонент «законов жанра» через зоологический абсурд. Метафора несоответствия как закон творчества.

*«Посмотрим, как при такой **изоляции** пойдет наука. Вечер. Дали свет, заряжая мобильный, включился стационарный. Наука при полной **изоляции** шла хорошо»* [172, с. 699].

Обыгран ассертивный компонент «изоляции» как помехи: оказалось, что именно изоляция помогает науке.

(Картотека примеров включает 80 единиц).

В.А.Солоухин: *«Ко всему, что я описал в своих книгах, у меня притупляется интерес в жизни. **Шагреневая кожа**»* [171, с. 8].

Обыгрывается прецедентный образ «Шагреневой кожи» Бальзака: в оригинале кожа убывает по мере исполнения желаний, здесь – творчество «съедает» живой интерес к жизни.

*«У него ладный, хорошо работающий поэтический **аппарат**. Но ему нечего в этот **аппарат** запускать»* [171, с. 11].

Обыгрывается значение слова «аппарат»: технический смысл («механизм») создает образ поэзии как станка, устройства.

*«Когда слова не обеспечены определенным количеством искреннего чувства, наступает **инфляция слов**»* [171, с. 30].

Обыгрывается компонент значения слова «инфляция» – «несоответствие количества и ценности».

*«Не может быть отрицательной **традиции**. Понятие «**традиция**» несет в себе лишь положительную окраску»* [171, с. 65].

«Традиция» содержит оценочный компонент «проверенное временем, ценное», а «отрицательная традиция» разрушает его.

*«На одно **вакантное** место просят двадцать или тридцать слов. Степень единственности найденного слова есть единственная мера таланта»* [171, с. 72].

«Вакантное» – служебный термин переносится на позицию слова в прозе.

(Картотека примеров включает 80 единиц).

И.Е.Ракша: *«Я люблю это слово – **сочинять**... авторы умышленно извратили. Умалили понятие сочинительство. А в противоположность сочинению стали подсовывать документ»* [168, с. 87].

Автор разворачивает внутреннюю форму слова сочинять (творить, составлять из частей), противопоставляя его документу. Обыгрывается компонент «свободного творчества».

«Служить не надо, это то же, что прислуживать. Надо трудиться. А служить надо только Богу» [168, с. 155].

Слово служить разворачивается через два своих компонента: служить людям (унижаться, прислуживать) и служить Богу (высокое призвание). Противопоставление актуализирует скрытую семантику.

«...когда он – Художник, а его кисть – Слово. И в нем, в Слове, – и рисунок, и краски, и мысли» [170, с. 13].

«Слово» употреблено в двух семантических планах одновременно: 1) обычное лексическое значение («единица языка»); 2) метафорическое, сакральное («инструмент художника», «Логос»). Через отождествление с кистью живописца актуализируется редкий компонент значения – «орудие творения», восходящий к евангельскому «Вначале было Слово».

(Картотека примеров включает 20 единиц).

А.Алёхин: *«Так и ехал по жизни, как в поезде: спиной вперед»* [167, с. 21].

Активируется пространственный компонент значения слова «вперед»: в поезде «вперед» относительно направления движения – это «назад» относительно взгляда. Метафора жизни человека, не видящего будущего.

«Путешественник – человек, которому есть куда вернуться. А этот просто бродяга...» [167, с. 184].

Разграничиваются два типа странников через один семантический компонент – наличие/отсутствие дома.

(Картотека примеров включает 2 единицы).

- *обыгрывание пресуппозиции (комический эффект возникает, когда отрицается только ассерция (основное утверждение), но пресуппозиция остается в силе):*

А.П.Чудаков: *«Л., напротив, читает: «Твой роман мешает мне работать»* [172, с. 629].

Пресуппозиция снята: «хорошая книга равна нечто нейтральному для читателя»: роман физически мешает жить. Обыгрывается компонент «поглощения», а ирония заключается в высшей похвале, выраженной жалобой.

«До понедельника, т. е. к завтраму (как всегда у нас!) надо написать «нобелевскую речь» 2–3 стр.» [172, с. 632].

Пресуппозиция «нобелевская речь пишется тщательно» разрушена: ее надо написать к «завтрему». Кавычки вокруг «нобелевской речи» – самоирония.

«Почему я перестал в последнее время [хотеть] прожить лишние 5–10 лет сверх обычной нормы? Да потому, что исчез главный стимул, который был очень силен во мне всю молодость: любопытство к тому, что будет дальше, и надежда» [172, с. 667].

Пресуппозиция «жизнь равно объект любопытства» разрушена: «ясно: лучше не будет». Горькая ирония человека в последний год жизни.

(Картотека примеров включает 16 единиц).

В.А.Солоухин: *«Казалось бы, наиболее напрашивающаяся пара: **счастье – несчастье**. Но **счастье** – это всего лишь отсутствие **несчастья**»* [171, с. 99-100]

Пресуппозиция «счастье существует как самостоятельная реальность» разрушается.

*«Спрашивается: почему он не плакал, где ему делали больно, а заплакал, где ему сделали добро? **Такова сила добра**»* [171, с. 140].

«Сила добра» – парадоксально проявляется через слезу, а не через боль.

(Картотека примеров включает 73 единицы).

И.Е.Ракша: примеров не выявлено.

А.Алёхин: *«Это не **жизнь**, а просто **обмен веществ!**»* [167, с. 48].

Обыгрывается пресуппозиция «жизни» как наличия смысла, цели, духовного содержания. «Обмен веществ» – биологический термин, сводящий жизнь к физиологии. Ирония автора над существованием как чисто биологическим процессом).

*«Быть поэтом, банкиром, спортсменом – все нелепо. Пассажир – вот **призвание** для человека»* [167, с. 94].

Обыгрывается пресуппозиция слова «призвание» – предполагается активная роль, деятельность, служение. «Пассажир» – принципиально пассивная роль: тебя везут, ты не управляешь. Сочетание «призвание – пассажир» – оксюморон: призвание к пассивности. Самоирония автора над собственным наблюдательным, но не действенным существованием.

(Картотека примеров включает 25 единиц).

2) «Лексические синонимы» [125, с. 234] *(комический эффект производят сочетание в одном высказывании разнотильных синонимов, различия в употреблении членов синонимической пары, нагромождения синонимов, незнание синонима, который принят в литературном языке, градацию содержащихся в синонимах оценочных суждений, перифразирование):*

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: *«Иногда утешают, что после смерти превратимся в траву, цветок. Но это то же самое, если о ценности картины судить по стоимости холста как макулатуры: по две копейки за килограмм»* [171, с. 119].

«Ценность» (уникальность), «стоимость» (материальный эквивалент) применены к человеческой личности. Растворение в природе – не бессмертие, а уничтожение того, что составляет ценность человека.

(Картотека примеров включает 2 единицы).

И.Е.Ракша: *«Затеси, Камешки на ладони, Зарубки, Записки на манжетах, Этюды, Штрихи»* [168, с. 38].

Перечисление авторских названий лирико–философской прозы разных авторов создает синонимический ряд, который одновременно демонстрирует богатство традиции и подводит к собственным определениям прозы автора: *«золотые опилки», «лоскутное одеяло», «лавровые листья».*

(Картотека примеров включает 1 единицу).

А.Алёхин: *«Взгляд у него был оловянный, деревянный, стеклянный»* [167, с. 49].

Автором используются идеографические синонимы со значением «глупый, мертвый, бессмысленный» взгляд. Ирония выражается через обыгрывание примеров-исключений правописания –н-, -нн- в прилагательных.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

3) «Многозначность слов (полисемия)» [125, с. 237] (*наличие у слова нескольких значений, объединенных общим смыслом, образующих единую семантическую структуру*):

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: *«Этот человек – дрожжи. Он мне необходим. Но есть дрожжи в чистом виде, что не так – то легко»* [171, с. 31-32].

В данном контексте существительное «дрожжи» употребляется в метафорическом значении. Подобно тому, как дрожжи являются катализатором брожения, творческая личность выступает катализатором духовной и интеллектуальной активности окружающих. Однако метафора содержит и иронический компонент: «дрожжи в чистом виде» – это образ избыточной, «неразбавленной» энергии, которая, будучи полезной в малых дозах, в чрезмерной концентрации становится обременительной для окружающих.

«Конечно, можно назвать дворцом и здание театра, и универмага. Но все же это будет театр или универмаг, а не дворец» [171, с. 92].

«Дворец» – это здание определенного типа – сложное архитектурное сооружение.

«Есть произведения искусства, про которые говорят: «Они не имеют цены». Нужно ли понимать это буквально или это стилистическая фигура?» [171, с. 166].

«Не имеет цены»: фигурально (бесценно) – буквально (нельзя продать на уничтожение).

«Чего же ему не хватило? Ясно, чего – таланта. И вот, оказывается, какая малость этот талант. Близко, а не возьмешь» [171, с. 180-181].

«Малость» – нечто незначительное, недостижимое. Оксюморон «близко, а не возьмешь».

(Картотека примеров включает 14 единиц).

И.Е.Ракша: *«Русский язык – это же такой **праздник!** Обращаться с ним хочется бережно, как с невестой»* [168, с. 154].

Сравнение с невестой усиливает семантику бережности и одушевленности языка.

*«Без мудрого рассуждения нет добродетели. Во всем нужен **ум, ум и ум**»* [168, с. 72].

Троекратный повтор слова ум создает нарастающую экспрессию, одновременно обыгрывая полисемию: ум как интеллект, ум как благоразумие, ум как мудрость.

«Монтажная интеллигенция!» [168, с. 261].

«Монтажная» (рабочая специальность) + «интеллигенция» (культурный класс) – оксюморонное ироничное словосочетание.

(Картотека примеров включает 11 единиц).

А.Алёхин: *«До того православный, что хуже язычника»* [167, с. 343].

Многозначность лексемы «православие»: 1) исповедующий православие; 2) правильно, ортодоксально мыслящий (буквально: правильно славящий). «Хуже язычника» – словесный парадокс: крайняя религиозность оборачивается нарушением христианских норм поведения. Обыгрывается пресуппозиция «православности» как добродетели.

*«Который год она все **примеряла любовь**, не находя по фигуре и впору»* [167, с. 46].

«Примерять любовь» – метафора с активацией буквального значения «примерять платье». Компонент «подходить по размеру» переносится на чувство.

*«Пошли мне, Боже, желаний. А я их уж как-нибудь **утолю**»* [167, с. 105].

Многозначность «утолю»: утолить желания (удовлетворить) и утолить жажду (буквальное физическое действие). Молитва Богу о желаниях – переосмысление традиционной молитвы о духовном.

*«Утром он **ощутил феодальную раздробленность во всем теле**»* [167, с. 269].

Многозначность: «феодалная раздробленность» – исторический термин (распад единого государства на уделы). Примененный к телу после болезни, он активизирует буквальное значение «раздробленности» как боль во всем теле.

(Картотека примеров включает 16 единиц).

4) Антонимия (семантические отношения между лексическими единицами, имеющими противоположное значение в конкретном контексте, создавая комический эффект):

А.П.Чудаков: *«Обычная ситуация: начни одно – дела растут, как снежный ком. Кто хозяин? Понятно, я. А работник? Ить работник – это тоже я!»* [172, с. 629].

Каламбурное совмещение двух значений «работника» и «хозяина» в одном человеке.

(Картотека примеров включает 4 единицы).

В.А.Солоухин: *«Один поет, а другой хрипит. Один чеканит, другой мямлит. Одна строка как бы светится изнутри, другая тускла и даже грязна»* [171, с. 6].

Использование ряда контекстуальных антонимических пар с нарастающей экспрессией: «петь – хрипеть», «чеканить – мямлить», «светиться – быть тусклой, грязной». Прием создает ритмическое противопоставление высокого и низкого.

«Пришвин всегда достоверен. Паустовский более романтик. Он не заботится о достоверности» [171, с. 32].

«Романтик» – не похвала и не упрек, а указание на иной художественный метод.

«Красота соскоблена скребком подобно позолоте и собрана в горстки. На земле же остались щебень, бурьян, омертвевшие кирпичные здания» [171, с. 64] – в данном примере демонстрируется столкновение контекстуальной противоположности «красоты» и «позолоты» иконописи и ее разрушения («щебень», «бурьян», омертвевшие здания).

(Картотека примеров включает 4 единицы).

И.Е.Ракша: примеров не выявлено.

А.Алёхин: примеров не выявлено.

5) Омонимия [Санников: 2002]:

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: примеров не выявлено.

И.Е.Ракша: *«Жаркое» – «жарко́е» / «Курица» – «кури́тся»* [168, с. 86]

В данном примере И.Е.Ракша обыгрывает фонетическую неоднозначность русского языка на двух уровнях. Пара «жаркое – жарко́е» представляет собой омографы: одинаковое написание при разном ударении порождает семантическую двуплановость (блюдо – качество). Пара «курица – кури́тся» является омофонами: при беглом произнесении слова звучат сходно, но имеют разное написание и значение (птица – процесс выделения дыма). Языковая игра строится на столкновении буквального и переносного прочтений, создавая легкий комический эффект и одновременно рефлексия над фонетической и орфографической сложностью русского языка, что характерно для ироничной манеры автора.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

А.Алёхин: *«Судопроизводство» – это ведь не то же, что «судостроение»?»* [167, с. 201].

Омонимический компонент «судо-»: суд (юридический термин) vs судно (водный транспорт).

(Картотека примеров включает 1 единицу).

б) Паронимия. В.З.Санников использует данный термин, объединяя под ним *«любые слова, близкие по звучанию, которые в тексте используются для расширения стилистических задач, то есть в языковой игре»* [125, с. 292], и делит паронимы на две категории:

- *вокалический тип (согласные в сравниваемых словах совпадают, а гласные варьируются):*

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: примеров не выявлено.

И.Е.Ракша: примеров не выявлено.

А.Алёхин: *«В детстве в слове «Мосторг» мне слышалось: «восторг»* [167, с. 138].

Паронимическое сближение «Мосторг» (московский торг, магазин) и «восторг» – слова с общим корнем (–торг–), но разным значением. «Мос–» как приставка исчезает, и остается «восторг». Детское восприятие буквализует потенциальный смысл.

*«– Да он путает **императив с аперитивом**» [167, с. 274].*

Автором используются значения: «императив» (грамматический термин / философский термин Канта «категорический императив») и «аперитив» (алкогольный напиток перед едой).

(Картотека примеров включает 2 единицы).

- ***консонантный тип (гласные в сравниваемых словах совпадают, а согласные варьируются):***

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: примеров не выявлено.

И.Е.Ракша: *«Храм, хлам, срам (народное присловье)»* [168, с. 65].

Три паронима с переключением на негативную семантику, выстраиваются в паронимический ряд: храм (святость) – хлам (мусор) – срам (позор). Звуковое сближение усиливает смысловой контраст.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

А.Алёхин: *«Вспоминали о временах не то застоя, не то застолия»* [167, с. 222].

Паронимическая пара «застой» (политический термин) и «застолье» (пиршество, трапеза) имеют общую основу «застол– /застой».

«– Какая-то корпорация. Не то космическая, не то косметическая» [167, с. 280].

Автором используются прилагательные «космическая» и «косметическая» – слова, совпадающие по ритму и по первому слогу (косм–).

(Картотека примеров включает 7 единиц).

7) «Обыгрывание устойчивых фраз (фразеологизмов)» [125, с. 297]
(прием, при котором намеренно используются особенности устойчивых

выражений (пословиц, поговорок, фразеологизмов, для создания комического эффекта, оживления образа и выражения эмоций).

А.П.Чудаков: «... приходится временами **класть зубы на пустые полки нашего шкафа**» [172, с. 565].

Фразеологизм «класть зубы на полку» (голодать) буквализирован, а идиома и реальность совпадают буквально.

(Картотека примеров включает 2 единицы).

В.А.Солоухин: «*Крив, сложен, извилист путь к намеченной вершине. Иногда приходится идти как бы от вершины в противоположную сторону, петлять, двигаться, не видя самой вершины за другими скалами. Нельзя **терять высоту***» [171, с. 31].

Автор сравнивает путь альпинистов – буквальный технический запрет; в тексте – нравственный и творческий императив.

(Картотека примеров включает 16 единиц).

И.Е.Ракша: «*Нет ничего более постоянного, чем временного*» [168, с. 144].

Пословичное выражение строится на логическом парадоксе: оксюморон постоянное + временное. Подрывается семантика слова временное через семантику постоянного.

«... **как за двумя зайцами, все равно проиграешь**» [168, с. 154] перефразируется пословица «за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь» в усеченный вариант с акцентом на неизбежном проигрыше.

(Картотека примеров включает 28 единиц).

А.Алёхин: «Он было **взял себя в руки**, но выпустил из рук» [167, с. 200].

Фразеологизм «взять себя в руки» означает «собраться, успокоиться». Буквальное значение актуализируется: взял – и выпустил; «себя» как физический предмет, который можно уронить.

«Зимой почти ничего не писал: **держал голову под паром**» [167, с. 291].

Фразеологизм «держат под паром» (о поле: оставлять незасеянным для восстановления плодородия) актуализирует свое буквальное агрономическое значение, применяя его к голове.

«Мир входящему. И исходящему» [167, с. 72].

Автор переосмысливает евангельское «Мир входящему в дом сей». «Исходящему» добавлено по канцелярской модели «входящие / исходящие документы».

*«Готовясь к переходу в мир иной, не мешало б подучить **мертвые языки**, вроде древнегреческого. Там будет масса интересных собеседников»* [167, с. 114].

Переосмысливается устойчивое выражение «мертвые языки» (языки, вышедшие из живого употребления). Буквальное значение «мертвый» реанимируется: на том свете они окажутся живыми.

«Дважды не войти в одну и ту же любовь» [167, с. 83].

Переосмысливается изречение Гераклита «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку». «Река» заменена на «любовь» – оба понятия объединяет семантика течения, невозможности остановить, непрерывного изменения.

(Картотека примеров включает 20 единиц).

Количественное соотношение средств создания языковой игры на лексико-фразеологическом уровне у исследуемых авторов:

Всего в картотеке примеров представлено 427 единиц: в прозе А.П.Чудакова – 102 единицы, в прозе В.А.Солоухина – 189 единиц, 62 единицы в прозе И.Е.Ракши (41 – в прозе «Звезда на ладони», 11 – в прозе «Монолог без конца», 10 – в прозе «Разговор о будущем»), 74 – в прозе А.Алёхина. Данные представлены в Приложении 2 (Таблица 2.3).

Сопоставительный анализ лексических средств языковой игры в лирико-философской прозе А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, И.Е.Ракши и А.Алёхина позволяет выявить как общие закономерности функционирования данного языкового уровня, так и индивидуально-авторские особенности его реализации. Несмотря на различия в организации текстов, времени создания прозы и мировоззренческих установках авторов, во всех исследуемых текстах лексическая языковая игра выступает одним из важнейших механизмов репрезентации авторской картины мира и реализации ключевых идей прозы.

Сопоставительный анализ средств языковой игры позволяет выявить как общие закономерности, так и индивидуальные различия. Доминирующим приемом у всех четырех авторов является обыгрывание компонентов значения слова, однако его доля варьируется: у А.П.Чудакова (96 единиц), у В.А.Солоухина (153 единицы), тогда как у И.Е.Ракши и А.Алёхина она составляет 20 единиц и 27 единиц соответственно. У В.А.Солоухина дополнительную роль играет многозначность (14 единиц), обыгрывание фразеологизмов (16 единиц), что соответствует стремлению автора к философскому осмыслению искусства и культуры. У И.Е.Ракши абсолютное большинство составляют трансформированные фразеологизмы и устойчивые обороты (28 единиц), среди которых выделяются переосмысленные библейские высказывания, связывающие духовную традицию с повседневностью. У А.Алёхина, напротив, доминирующим дополнительным приемом становятся паронимические сближения (9 единиц) и обыгрывание устойчивых фраз (20 единиц), что служит основой для комизма и каламбуров.

Проведенный анализ языкового материала позволяет заключить, что языковая игра возникает как результат намеренного изменения формы языковых знаков, сопровождающегося нарушением баланса между формой и значением. Именно это «столкновение» несовместимых семантических областей порождает новые ассоциации и повышает интерпретационный потенциал высказывания. Благодаря языковой игре элитарная культурно-языковая личность устанавливает связи между разнородными областями знания, «играя» многозначностью слов и интертекстуальными отсылками.

Морфологический уровень создания эффекта языковой игры

На морфологическом уровне лингвкреативные способности элитарной культурно-языковой личности реализуются такими средствами создания языковой игры, как: 1) статус словоформы; 2) формальные способы выражения морфологических значений (обыгрывание иноязычных основ; обыгрывание архаичных аффиксов; расширение парадигмы; неполнота парадигмы); 3)

семантика морфологических форм и категорий (категория рода, категория лица, категория числа, категория залога, категория вида, категория одушевленности).

Приведем наиболее убедительные примеры последовательно у каждого автора.

1) **«Статус словоформы»** [125, с. 63] (*словоформа воспринимается как наименьшая текстовая единица, при нарушении которой подчеркивается непроницаемость словоформы, аномальность опущения основы слова, аномальность расчленения или усечения словоформы*):

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: примеров не выявлено.

И.Е.Ракша: *«Где уж нам уж выйти замуж. Я уж так уж вам уж дам уж»* [168, с. 241].

Четырехкратное «уж» (наречие) + «замуж» (за + муж) + «дам» – каламбурная цепочка. По В.З.Санникову, омонимия форм: «уж» – наречие и «уж» – часть лексемы «замуж» – неразличимы фонетически. Морфологически разные единицы создают фонетическое единообразие. Народный языковой юмор строится на омофонии частицы и слога слова.

(Картотека примеров включает 6 единиц).

А.Алёхин: *«Был Сад. Но первую букву украл Змий...»* [167, с. 301].

«Сад» – ад (при изъятии с –). По В.З.Санникову, расчленение словоформы / каламбурная загадка: усечение начальной буквы порождает новое слово с противоположной семантикой.

«– Вы хотели бы сменить пол? – Нет, потолок» [167, с. 498].

«Пол» – омонимы: 1) гендер; 2) напольное покрытие. По В.З.Санникову, омонимия морфологических форм (одинаковая словоформа при разных значениях). Ответ «потолок» переключает с гендерного значения на архитектурное (пол – потолок как пространственные антонимы). Морфологическая игра строится на полисемии при неизменной форме слова.

«– Ты ко мне безразличен. – Я различен! Различен!» [167, с. 371].

«Безразличен» расчленяется: без- (отрицательная приставка) + «различен» (самостоятельное краткое прилагательное). По В.З.Санникову, расчленение словоформы: слово делится на значимые части с переосмыслением. «Различен» = «отличаюсь, разный» – защита от обвинения в равнодушии через морфологический анализ собственного слова.

(Картотека примеров включает 6 единиц).

2) *«Формальные способы выражения морфологических значений»* [125, с. 68] (*строение слов, формы и категории становятся материалом для намеренного, часто комического; нарушения привычных норм*) посредством следующих приемов:

- *«Обыгрывание иноязычных основ»* [125, с. 68] (*комический эффект производит приписывание иноязычным словам морфологических свойств русских слов, в частности способности изменяться по надежам, невежественное осмысление иностранных имен собственных*):

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: *«Но все же переделывание несколько лет спустя написанного, изданного, дошедшего до читателя неравноценно ли тому, как если бы время от времени ретушировать и переретушировать фотографию по мере того, как внешность оригинала изменяется под воздействием событий и времени?»* [171, с. 173].

«Переретушировать» – пере– + «ретушировать» (фр. основа). По В.З.Санникову, обыгрывание иноязычной основы через русский итеративный префикс пере–. Морфологически форма нормативна, семантически создает образ бесконечной косметической правки. В.А.Солоухин иронизирует над литературным конформизмом: бесконечное изменение текста под меняющуюся внешность оригинала – метафора угодничества.

«Хорошему, тонкому скрипичному мастеру один приятель во время выпивки советовал: – Слушай, сделай ты фортепяну. Она большая, сколько денег сразу заработаешь. – Не хочу делать фортепяны! – восклицал мастер» [171, с. 12].

«Фортепьяно» – несклоняемое существительное ср. рода – получает в просторечной речи персонажа флексии ж.р. («фортепьяну», «фортепьяны») по образцу русских слов на –а. По В.З.Санникову, обыгрывание иноязычной основы через включение в русскую падежную парадигму. Комический эффект просторечной формы работает как речевой портрет и одновременно снижает «большой жанр» до бытового предмета.

(Картотека примеров включает 5 единиц).

И.Е.Ракша: *«Файнзильбер (чистое серебро)»* [168, с. 214].

«Файнзильбер» – немецкая фамилия (fein + Silber = чистое серебро), этимология которой тематизируется. По В.З.Санникову, обыгрывание иноязычной основы: иноязычная фамилия раскрывает внутреннюю форму в русском тексте. Немецкий профессор несет имя драгоценного металла – принцип «говорящих имен» применен к реальному человеку.

(Картотека примеров включает 5 единиц).

А.Алёхин: *«Олигофренд»* [167, с. 197].

«Олигофренд» – контаминация «олигофрен» (медицинский термин: умственная отсталость) и англ. friend (друг). Финал –д имитирует русское словоокончание, создавая псевдорусское слово. По В.З.Санникову, обыгрывание иноязычных основ: межъязыковая омофония «–fren» / friend используется для создания нового слова. Дружба с интеллектуально ограниченным человеком получает «медицинское» название.

(Картотека примеров включает 2 единицы).

- **«Обыгрывание архаичных аффиксов»** [125, с. 69] *(языковая игра проявляется в использовании архаичных (древнерусских и старославянских) или чужих (чаще всего латинских) морфологических элементов):*

А.П.Чудаков: *«Сдержанно и сухо. А злобную фразу в адрес чиновников, кою даже репетировал перед зеркалом, вырезали. О свободе – вальяжности побольше – скован. Почему? Внутренне свободен, не волнуюсь (еще не хватало). Не артист-с!»* [172, с. 660– 661].

Частица «-с», маркировавшая в XIX веке угодливость низшего перед высшим, здесь употребляется с прямо противоположным смыслом: автор говорит о себе с иронической самоуничижительностью, констатируя собственную неспособность к публичной игре на камеру. Архаичный аффикс создает комический эффект «остранения»: серьезная ситуация снижается до шутливой реплики в духе гоголевских персонажей.

«Но – к понедельнику, т. е. к завтраму (как всегда у нас!) надо написать «нобелевскую речь» 2–3 стр., которая пойдет в № 3» [172, с. 632].

Окказионализм «к завтраму» создает комический эффект: автор иронизирует над редакционной спешкой, требующей сдать «нобелевскую речь» к следующему дню.

(Картотека примеров включает 2 единицы).

В.А.Солоухин: примеров не выявлено.

И.Е.Ракша: *«Хужей не стала»* [168, с. 252].

«Хужей» – диалектная форма сравнительной степени с суффиксом –ей вместо нормативного «хуже». По В.З.Санникову, намеренная морфологическая ошибка как речевой портрет: суффикс –ей – характеризует диалектную речь персонажа. Диалектный суффикс –ей – не признак невежества, а знак принадлежности к живой народной речи.

«В работе отшоркаются» [168, с. 317].

«Отшоркаться» – от просторечного «шоркать» (тереть, скрести) с приставкой от–. По В.З.Санникову, намеренная морфологическая ошибка как речевой портрет: «отшоркаются» = сотрутся.

*«Вера без дела мертва **есть**»* [168, с. 66].

«Мертва есть» – краткая форма прилагательного + архаичная связка «есть» (3 л. ед. ч. наст. вр. от «быть»). По В.З.Санникову, обыгрывание архаичных аффиксов: связка «есть» в современном русском языке нулевая, ее восстановление из новозаветного текста придает высказыванию догматическую категоричность. Краткая форма «мертва» в предикативной позиции также архаична – усиливает афористический тон.

(Картотека примеров включает 10 единиц).

А.Алёхин: *«Петел спят. Петр оторопел»* [167, с. 245].

«Петел» – церковнославянская форма именительного падежа ед. ч. от «петух» (3-е склонение на согласный). По В.З.Санникову, обыгрывание архаичных аффиксов: церковнославянская парадигма (петел, петла, петлу...) вводится в современный текст, создавая евангельскую аллюзию (трижды пропел петух = Петр отрекся). Омофония «петел – Петр» строится на сближении церковнославянской формы и имени апостола.

«Положишь, бывало, белорыбицу на белохлебицу...» [167, с. 170] – «белохлебица» – окказиональное существительное по устаревшей модели «белорыбица» (белая рыба): бел(ый) + хлеб + -иц(а). По В.З.Санникову, обыгрывание архаичных аффиксов: суффикс -иц- (ж. р., именной, архаичный). Параллелизм «белорыбица – белохлебица» воссоздает архаично-народный стилистический регистр, возвращая образ прежнего быта.

(Картотека примеров включает 4 единицы).

- **«Расширение парадигмы»** [125, с. 71] (*языковая игра построена на образовании от слова той или иной грамматической категории (надежда, степени сравнения и пр.), ему не свойственной*):

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: *«Моя трагедия – почерк. Напишешь новую книгу – 200–300 страниц, а разобрать никто, кроме меня, не может. Приходится все написанное передиктовывать машинистке. Пока лежит непередиктованное, думаешь с боязнью: ну как умрешь, так никто и не прочитает никогда, что я тут написал»* [171, с. 133].

«Передиктовывать» – пере– + «диктовать» (иностранная основа) + итеративный суффикс –ыва–. «Непередиктованное» – причастие от того же глагола с отрицательной приставкой не–. По В.З.Санникову, расширение парадигмы за счет иностранной основы: русские морфемы пере–, –ыва–, не– наращиваются на заимствованный глагол.

(Картотека примеров включает 5 единиц).

И.Е.Ракша: *«Мы нынче **настоговали** много»* [168, с. 249].

«Настоговали» – от «стоговать» (укладывать сено в стог) с приставкой на– (значение: достичь большого количества). По В.З.Санникову, расширение парадигмы: приставка на– + специализированный глагол образует итоговую форму. Нормативный эквивалент – «убрали много сена».

*«Так вот, я связываю наше будущее... не с американизацией или советизацией, не с политизацией или милитаризацией, не с демократизацией или феминизацией. Почему-то нам уж очень рьяно Запад навязывает все эти «**измы**» и «**зации**»* [168, с. 217–218].

В данном примере реализуется прием субстантивации словообразовательных формантов: суффиксы «-изм» и «-ациj-» (в графическом облики «-зация») осмысляются как самостоятельные имена существительные во множественном числе, обозначающие целые классы явлений (социальные, политические процессы). Такой прием позволяет автору критически дистанцироваться от навязываемых «измов» и «заций», представив их как тиражируемые смысловые штампы.

(Картотека примеров включает 8 единиц).

А.Алёхин: *«У нас с ним был союз **разномышленников**»* [167, с. 228].

«Разномышленников» – антоним к «единомышленники»: едино– , разно– , та же основа – мысл– и суффикс – еник. По В.З.Санникову, расширение парадигмы через заполнение системно пустой ячейки. «Союз разномышленников» – оксюморон: союз тех, кто думает по-разному.

*«Правописание, **левописание...**»* [167, с. 392].

«Левописание» – антоним к «правописание»: право– , лево– , та же вторая основа – писание. По В.З.Санникову, расширение парадигмы: системно возможный, но нереализованный антоним. «Правописание» имеет компонент право– (правильность / направление). «Левописание» заполняет зеркальную ячейку. Демонстрирует продуктивность словосложения и его абсурдные пределы: морфологическая логика порождает бессмысленное слово.

*«Если б не музыка, жизнь была бы совсем **тощицей**»* [167, с. 258].

«Тощица» – окказиональное существительное от слова «тоска» с суффиксом – ищ– /– а (ср.: скуотища). По В.З.Санникову, расширение парадигмы: существительное «тоска» + суффикс отвлеченного существительного с усилительной семой, выходя за пределы нормативной парадигмы. «Тощица» – слово, в котором суффикс – ищ– создает физически ощутимый образ пустоты.

«В глаголах совершенного вида и правда что-то безысходное. Двухлетняя внучка их недолюбливает» [167, с. 423].

По В.З.Санникову, семантика категории вида: совершенный вид несет значение завершенности, предела, исчерпанности. А.Алёхин прямо говорит о том, что грамматика несет в себе экзистенциальное содержание. Двухлетняя внучка, «недолюбливающая» совершенный вид, – это инстинктивная мудрость: ребенок чувствует, что «сделал», «закончил», «ушел» – это слова, закрывающие возможности. Несовершенный вид – грамматика длящейся жизни, совершенный – грамматика ее завершения.

(Картотека примеров включает 22 единицы).

- **«Неполнота парадигмы»** [125, с. 73] (*отсутствие того или иного члена парадигмы: отсутствие множественного или единственного числа существительных, отсутствие надежных форм, «странность» форм глагола, дефектность парадигмы и пр.*):

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: *«Золото одно, а не-золота много. Свинец – не-золото, глина – не-золото, медь – не-золото»* [171, с. 368].

«Не-золото» – модель: отрицательное существительное «не-« + имя существительное (ср. «не-человек», «не-слово»). По В.З.Санникову, расширение парадигмы и обыгрывание пустой клетки: система «золото – ?» заполняется окказиональным антонимом.

(Картотека примеров включает 2 единицы).

И.Е.Ракша: *«Вы ее очень не слухайте»* [168, с. 247].

«Слухайте» – просторечная / диалектная форма от «слушайте» с заменой -ш- на -х-. По В.З.Санникову, намеренная морфологическая ошибка как речевой

портрет: нестандартное чередование ш/х в основе маркирует диалектную речь деревенской хозяйки.

(Картотека примеров включает 4 единицы).

А.Алёхин: «— Там у них вертолет по небу *ездит*» [167, с. 327].

«Ездит» – просторечная форма 3 л. ед. ч. наст. вр. от «ездить»: смешение парадигм разных классов глаголов (– иет вместо – ит). По В.З.Санникову, намеренная морфологическая ошибка как речевой портрет персонажа. Нестандартное личное окончание маркирует деревенский / просторечный регистр говорящего. А.Алёхин использует морфологическую аномалию как точный социальный ярлык. «Вертолет ездит» – двойная аномалия: и глагол не тот (ездить, а не летать), и форма нестандартная.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

3) «Семантика морфологических форм и категорий» [125, с. 76] (*обыгрывание, «необычное» использование морфологических форм*):

- **«Категория рода»** [125, с. 76] (*обыгрывание «родовых несуразностей»*):

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: «В самом деле, ни мужчина ни женщина в отдельности не могут воспроизвести себе подобного и были бы обречены на немедленное вымирание. Следовательно, *ни тот ни другая* не могут считаться полноценной биологической категорией» [171, с. 51].

«Тот» (м.р.) и «другая» (ж.р.) в единой конструкции «ни тот ни другая» намеренно разведены по роду. По В.З.Санникову, обыгрывание семантики категории рода: рассогласование передает идею неполноты: мужчина и женщина порознь – неполные биологические единицы.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

И.Е.Ракша: примеров не выявлено.

А.Алёхин: «В графе «род занятий» написал: «Торгую *овощью*» [167, с. 38].

«Овощью» – тв. пад. ед.ч. от «овощ» с флексией III склонения (– ю) вместо нормативного «овощами» (мн. ч.). По В.З.Санникову, намеренная

морфологическая ошибка как речевой портрет: просторечная категория рода (ж.р.) и нестандартная флексия выдают необразованность автора анкеты.

(Картотека примеров включает 3 единицы).

- **«Категория лица»** [125, с. 77] (*обыгрыванию подвергаются морфологические формы категории лица не в их основных, а в «несобственных» значениях*):

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: *«Все можно. Нельзя только одно – терять высоту Каждый шаг должен приподнимать **тебя** над предыдущим и тогда, если даже **ты** идешь как бы и не к вершине, все равно **ты** становишься выше, то есть ближе к цели. Итак, нельзя терять высоту!»* [171, с. 31].

В данном контексте форма 2-го лица единственного числа («ты», «тебя») употреблена в обобщенно-личном значении: обращение адресовано не конкретному собеседнику, а любому человеку, который стремится к нравственному или творческому совершенствованию. Этот прием создает эффект прямого наставления, превращая общий закон в личную инструкцию.

(Картотека примеров включает 2 единицы).

И.Е.Ракша: примеров не выявлено.

А.Алёхин: примеров не выявлено.

- **«Категория числа»** [125, с. 81] (*употребление множественного числа существительных вместо единственного, и наоборот; смешанное употребление единственного и множественного числа; существительное в единственном числе служит для обозначения собирательного образа, «вы и ты», «они вместо он»*):

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: *«Народ (если не путать его с населением той или иной страны) есть единый общественный, исторический, духовный организм»* [171, с. 393].

В.А.Солоухин проводит концептуальное разграничение: «народ» осмысляется как единый духовный организм, обладающий внутренним единством и не допускающий множественного числа в значении «духовной общности»; «население» же — это механическая сумма индивидов, исчислимая категория, допускающая множественное число и лишенная аксиологического содержания. Таким образом, грамматическая категория числа становится инструментом философской дифференциации.

(Картотека примеров включает 2 единицы).

И.Е.Ракша: *«И его худой нищий друг Исаак Левитан (**Чеховы** звали его шутя «Тесак») жил у него в мезонине»* [169, с. 123].

Форма «Чеховы» (мн. ч.): номинация «Чеховы» «растворяет» великого писателя в семейном коллективе, снижает пафос великого писателя до домашней, бытовой близости.

*«И мне не оправдание то, что и **Гоголи**, и **Толстые** (не говоря уж о Достоевском) были порой безграмотны»* [170, с. 198].

Формы «Гоголи», «Толстые» переводят великих писателей из разряда уникальных личностей в категорию «посредственных», рядовых литературных «работников».

*«Все эти **Воланды**, **Азazelлы** с клыками, из зеркала выходящие, все эти полеты Марго на метле и прочее»* [170, с. 54].

Форма множественного числа уникальных имен собственных («Воланды», «Азazelлы») переводят уникальных, мистических демонов из разряда «великих», единственных в своем роде потусторонних сил в категорию «банальных» литературных «штампов».

(Картотека примеров включает 3 единицы).

А.Алёхин: *«У нас что ни дождь, так хождение **по водам**...»* [167, с. 15].

«По водам» — форма дат. пад. мн ч. из евангельского текста (Мф. 14:25). По В.З.Санникову, семантика категории числа: форма мн. ч. несет стилистическую коннотацию торжественности, архаики.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

- **«Категория залога»** [125, с. 87] (*грамматическая категория глагола, которая выражает отношение действия к субъекту и объекту, позволяющая гибко выстроить смысловые акценты в высказывании*):

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: примеров не выявлено.

И.Е.Ракша: *«Все, что получилось, что нашлось-родилось, – все Бог послал. Я лишь поймала»* [169, с. 152].

Безличная форма «нашлось-родилось» (ср. «родилось» от непереходного в значении «возникло само») полностью устраняет автора как деятеля: творчество представлено как дар свыше.

«И вот написалось кое-что сегодня ночью, от бессонницы. Просто так» [170, с. 80].

Безличная форма «написалось» устраняет автора как деятеля (текст возник сам, «от бессонницы»).

(Картотека примеров включает 8 единиц).

А.Алёхин: примеров не выявлено.

- **«Категория вида»** [125, с. 89] (*грамматическая категория, которая выражает способ протекания действия, его внутреннюю структуру и отношение к пределу – это способ «схватить» суть действия*):

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: примеров не выявлено.

И.Е.Ракша: *«И дитя на глазах тает»* [168, с. 9].

«Тает» – несов. вид, передает длящийся, наблюдаемый процесс. По В.З.Санникову, семантика категории вида: несовершенный вид вместо ожидаемого «растаял» (сов.) усиливает трагизм – угасание не случилось единойжды, оно происходит на глазах прямо сейчас и продолжается.

(Картотека примеров включает 6 единицы).

А.Алёхин: примеров не выявлено.

- **Категория одушевленности (предполагает, что автор сознательно меняет «привычный статус» объекта, чтобы добиться комического эффекта и привлечь внимание):**

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: *«И вот часто видишь, как посредственность или даже бездарность подделывается под талант. Есть грибы, которые издали очень похожи на белые, например, валуй. <...>. Получается так: смотришь – белый, подбегаешь – валуй. Со злости ударишь его ногой. Очень часто обманывают валуи, подделываясь под грибной талант»* [171, с. 113-114].

«Подделываясь» – деепричастие с семой намеренного, сознательного действия, приписанное валуям (неодушевленные). По В.З.Санникову, обыгрывание категории одушевленности: неодушевленный субъект получает предикат со значением умысла и воли.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

И.Е.Ракша: *«Снег еще упрямо держался. И все цеплялся белыми пальцами за землю-матушку»* [168, с. 297].

«Цеплялся белыми пальцами» – возвратный глагол с семой намеренного удержания + анатомический термин. По В.З.Санникову, семантика категории одушевленности: снег получает «пальцы» и способность «цепляться» – признаки живого сопротивляющегося существа.

«Лошадь всю жизнь была при отаре и знала цену каждому скотнику» [168, с. 302].

Лошадь Ласточка – субъект с предикатом «знала цену» (оценочное суждение). По В.З.Санникову, семантика категории одушевленности: предикат с семой рациональной оценки приписывается животному. «Знать цену» – идиома о человеческом умении оценить другого – применена к лошади.

(Картотека примеров включает 2 единицы).

А.Алёхин: *«Думал, за темной листвой козодой «скры-скры» кричит. А это смерть моя костылем скрипела»* [167, с. 354].

«Смерть моя костылем скрипела» – смерть получает физический атрибут (костыль) и телесное действие (скрипела). По В.З.Санникову, семантика категории одушевленности: абстрактное понятие (смерть) становится субъектом с предикатом, требующим живого и телесного деятеля.

«Явился ноябрь, как скупщик краденого, и обобрал деревья» [167, с. 230].

«Явился» и «обобрал» – глаголы с семой целенаправленного, агентивного действия, примененные к «ноябрю» (абстрактное/временное понятие). По В.З.Санникову, семантика категории одушевленности: абстрактный субъект получает предикаты, семантически требующие живого деятеля с умыслом.

«... автомобили, тычась лакированными мордами, идут на нерест в боковые улицы, а троллейбусы бодаются рогами на перекрестках» [167, с. 26].

«Тычась мордами», «идут на нерест», «бодаются рогами» – цепочка глаголов и именных конструкций с семой поведения животных/рыб, примененных к транспорту. По В.З.Санникову, семантика категории одушевленности через зооморфизм: «морды», «рога», «нерест» – «буквальная зоологическая лексика».

«Подсолнухи опустили головы, точно всю ночь высматривали солнце по ту сторону земли, да так и уснули» [167, с. 305].

«Опустили головы», «высматривали», «уснули» – глаголы с семой целенаправленного поведения и физиологии живого существа, примененные к растениям. По В.З.Санникову, семантика категории одушевленности: растения получают зрение, усталость, сон.

(Картотека примеров включает 18 единиц).

Количественное соотношение средств создания языковой игры на морфологическом уровне у исследуемых авторов:

Всего в картотеке примеров представлено 128 единиц: в прозе А.П.Чудакова – 2 единицы, в прозе В.А.Солоухина – 18 единиц, 51 единица в прозе И.Е.Ракши (37 – в прозе «Звезда на ладони», 7 – в прозе «Монолог без конца», 7 – в прозе «Разговор о будущем»), 57 – в прозе А.Алёхина. Данные представлены в Приложении 2 (Таблица 2.4).

Анализ средств языковой игры на морфологическом уровне показал, что языковая игра на данном уровне представлена у всех указанных авторов, однако с различной частотностью: наиболее активно – в прозе И.Е.Ракши и А.Алёхина. В.А.Солоухин использует морфологические приемы периферийно, а А.П.Чудаков демонстрирует принципиально иной тип взаимодействия с морфологическим уровнем языка, так как выявленные два примера морфологической игры резко количественно контрастируют с материалом остальных авторов. Однако количественный минимум является значимой характеристикой авторской рефлексии и отражает установку на документальность, интеллектуальную точность и достоверность.

У В.А.Солоухина лидируют расширение парадигмы и обыгрывание иноязычных основ, тогда как категории лица, числа, рода и одушевленности используются значительно реже. Значительное место занимают также философские противопоставления, основанные на морфологических категориях числа. Морфологическая игра у В.А.Солоухина носит прежде всего интеллектуальный характер и используется как инструмент философского анализа действительности.

У И.Е.Ракши распределение приемов выглядит иначе. Наиболее частотны здесь архаичные морфологические формы, категории лица и вида, а также различные случаи осмысления иноязычных слов и их внутренней формы. Частотное преобладание этих приемов показывает, что для И.Е.Ракши особенно важны вопросы духовной традиции, культурной памяти и нравственного наставничества. Морфология становится способом соединения современного человека с религиозным и культурным прошлым.

У А.Алёхина наиболее продуктивной группой являются различные виды расширения морфологической парадигмы. Автор систематически создает новые грамматические формы, заполняет потенциальные лакуны языковой системы и переносит существующие модели на нетипичный материал. Вторую по частотности группу образует обыгрывание категорий одушевленности, рода и лица. Особенно характерно для А.Алёхина намеренное стирание границы между

живым и неживым миром. Высокая частотность именно этих приемов свидетельствует о том, что автор воспринимает мир как единое живое пространство, где вещи, природные явления и люди существуют на равных правах.

Таким образом, количественный анализ показывает, что частотность морфологических средств напрямую связана с типом художественного мышления ЭКЯЛ. Для А.П.Чудакова – принципиальная сдержанность и почти полный отказ от морфологического эксперимента; для В.А.Солоухина – философское осмысление мира через грамматические категории; для И.Е.Ракши – обращение к историческим и духовным ресурсам морфологии; для А.Алёхина характерна максимальная морфологическая активность и постоянное моделирование новых грамматических возможностей языка.

Синтаксический уровень создания эффекта языковой игры

На синтаксическом уровне лингвокреативные способности элитарной культурно-языковой личности реализуются такими средствами создания языковой игры, как: 1) обыгрывание некоторых синтаксических явлений (парцелляция, автонимные употребления, ложная связь между событиями, прямая и косвенная речь, синтаксические контаминации); 2) синтаксическая омонимия; 3) синтаксическая сочетаемость компонентов предложения; 4) сравнительные конструкции, включающие метафору; 6) анафорическое отношение [Санников: 2002].

Приведем наиболее убедительные примеры последовательно у каждого автора.

1) *«Обыгрывание некоторых синтаксических явлений»* [125, с. 95], в частности:

- *«Парцелляция»* [125, с. 96] *(расчленение единой синтаксической структуры предложения на несколько интонационно-смысловых речевых единиц (фраз).*

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: примеров не выявлено.

И.Е.Ракша: *«Сперва раскрутиться надо. Собрать рукописи, издать. Потом сбыт наладить. Это вам не прежние времена, когда сразу и договор был, и гонорар. Да еще потиражные. И авторские экземпляры в подарок. Нынче все по-другому»* [168, с. 99].

Мысль парцеллирована на короткие фразы – без сложного синтаксиса. Сочинительная конструкция «и договор был, и гонорар. Да еще потиражные...» создает нарастающий список утраченных благ.

«Есть люди активные (не пустозвоны) – они делатели. Есть пассивные – созерцатели, или мыслители. Гораздо реже бывает и то и другое одновременно» [170, с. 111].

Три парцеллированных высказывания нарастают по длине и смысловой нагруженности. Каждое добавляет новый член классификации. Парцелляция создает эффект постепенного открытия, характерный для лирико-философской прозы.

«Он другой. Избранный. Сибиряк настоящий, крепкий орешек» [169, с. 180].

Три парцеллированных предложения нарастают по смысловой насыщенности. Каждая отдельная фраза весомее, чем если бы они были соединены в одно предложение: эмоциональное «досказывание» или уточнение.

(Картотека примеров включает 7 единиц).

А.Алёхин: *«Ребенок со всем миром на «ты». Даже со слоном»* [167, с. 74].

Фраза «даже со слоном» – парцеллированное уточнение. Нарастание через «даже» создает акцент на масштабе детской открытости.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

- **Автонимные употребления.** В.З.Санников определяет автонимное употребление как *«использование языковой единицы (слова, словосочетания, предложения) не в ее обычной номинативной функции (для обозначения внеязыкового объекта), а для обозначения самой себя, то есть как языкового знака, как единицы языка»* [125, с. 96].

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: *«Краеугольный камень». «Злачное место». «Корень зла». «Кто не работает, тот не ест». «Злоба дня». «Хлеб насущный». «Камень преткновения». «Соль земли». <...>» [171, с. 309-310].*

В данном фрагменте В.А.Солоухин приводит перечень устойчивых фразеологических выражений библейского происхождения («краеугольный камень», «злачное место», «корень зла», «хлеб насущный», «соль земли» и др.), которые прочно вошли в русский литературный язык и активно используются в речи носителей. Однако в данном контексте автор не использует эти выражения в их обычной функции – для описания внеязыковых ситуаций. Напротив, он называет их, перечисляет как готовые языковые единицы, как объекты культурно-лингвистического наблюдения. Фразеологизмы выступают не как средства выражения мысли, а как предметы рефлексии, как факты языка и культурной памяти, требующие осмысления. Перечень выполняет кумулятивную функцию: автор показывает масштаб библейского влияния на русский язык, представляя его как свод устойчивых формул, которые носитель языка использует, часто не задумываясь об их происхождении. Автонимное употребление здесь является инструментом металингвистической рефлексии: язык становится объектом анализа, а не только средством коммуникации. При этом важно подчеркнуть, что данные выражения не являются прямыми цитатами из Библии в строгом смысле – это фразеологизированные библеизмы, которые в языке трансформировались, приобрели новые семантические оттенки и употребляются в самых разных контекстах, часто утратив прямую связь с сакральным источником.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

И.Е.Ракша: *«Мои (и наши) марадня тут (как говорила моя бабушка) – просто «ересь». (Похоже, это от слова – «ересь»))» [168, с. 161].*

Просторечное слово «ересь» вводится в автонимном употреблении с кавычками и тут же получает этимологическое толкование в скобках. Каламбурное сближение «ересь» / «ересь» – народная этимология как языковая игра.

«Нет слова «вылазят». Есть глагол «вылезают», «вылезает». Откуда? Из дыры, из автобуса, из окна. Что делают? Вылезают. Но никогда не «вылазят» [170, с. 44].

Автонимное использование глагольных форм («вылазят», «вылезают») выступают одновременно как слова-объекты и как примеры. Риторические вопросы «Откуда? Что делают?» имитируют синтаксический разбор, превращая грамматику в живую речь.

(Картотека примеров включает 6 единиц).

А.Алёхин: примеров не выявлено.

- *«Ложная связь между событиями» [125, с. 97] (автор намеренно устанавливает связь между событиями, которые в реальности не связаны между собой: такая связь подается как причинно-следственная, но на деле оказывается надуманной, что создает комический эффект).*

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: примеров не выявлено.

И.Е.Ракша: *«...операцию сделала... на суставе ноги у бедра. Так что теперь ноги у меня «железные»... надо будет справку предъявлять. «Баба-яга – костяная нога» [169, с. 50].*

Медицинский факт (эндопротез) соединен через ложную причинно-следственную цепочку с фольклорным образом «костяной ноги». Автор иронически снижает боль через сказочный прецедент.

(Картотека примеров включает 3 единицы).

А.Алёхин: *«С тех пор как люди изобрели очки, приходится вспоминать, куда ты их засунул» [167, с. 7].*

Синтаксический механизм приема состоит в том, что союзы и конструкции каузального или временного типа – «с тех пор как», «так что», «оттого что», «если... то» – создают иллюзию причинно-следственной зависимости там, где ее нет. Придаточное времени «с тех пор как» имитирует причинно-следственную связь: изобретение очков якобы породило проблему их поиска.

«Если опасешься потопы, на ночь ставь ботинки на стол» [167, с. 53].

Условное придаточное «если... то» устанавливает связь между страхом потопа и действием (ботинки на стол).

«Развелось столько умных, что обыкновенная глупость выглядит проявлением своеобразия» [167, с. 8].

Конструкция «столько... что» создает причинно-следственную зависимость: избыток умных людей порождает «ценность» глупости.

(Картотека примеров включает 15 единиц).

• **«Прямая и косвенная речь»** [125, с. 106] *(рассматриваются как два основных способа передачи чужой речи: их намеренное смешение порождает яркий комический эффект и каламбур).*

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: *«– Но я пишу сейчас повесть (или роман). – Это займет у вас два дня. Нужно восемь страничек на машинке. – Но я пишу повесть. – Вот именно, все равно пишете. В повести небось будет четыреста страниц, так что вам стоит написать лишние восемь...»* [171, с. 11-12]

Парцеллированный диалог без авторских ремарок воспроизводит ощущение писательской дилеммы. Жестокая логика редактора («все равно пишете» – миражное дополнение) вскрывает невидимое различие между редакцией и писателем.

«– Я хотел стать таким же, как вы. Что мне нужно делать, чтобы стать Шекспиром? – Я хотел стать богом, а стал только Шекспиром. Кем же будешь ты, если хочешь стать всего лишь мной?» [171, с. 66-67].

Прямая речь представлена в форме парадоксального диалога. Во фразе «хотел стать богом, а стал только Шекспиром» союз «а» выступает как знак недостижения. Риторический вопрос в конце («кем же будешь») усиливает парадокс.

(Картотека примеров включает 7 единиц).

И.Е.Ракша: *«Хотела в корне изменить свою жизнь... Что-то вот так. Думала: «Ерунда». Что это за тоска такая грызет? Что за такая дурацкая ностальгия подступает к сердцу? Сиди тут, в раю, и не рыпайся!»* [168, с. 154].

Прямая речь внутреннего монолога прерывается риторическими вопросами и приказами себе («Сиди, не рыпайся!») в отрывке грубая разговорная лексика («не рыпайся», «грызет») контрастирует со словом «рай».

«Одна простодушная деревенская женщина, будучи у нас в гостях и увидев меня целый день за пишущей машинкой, спросила: «А вы как, Ирина, пишете? Из книг или же из себя?» С тех пор у нас с моим Юрой так и пошло в семье смешное нарицательное: «Это у тебя откуда?.. Из книг или из себя?» [168, с. 196].

Синтаксическая антитеза, ставшая семейным крылатым выражением. Автонимное употребление вопроса в кавычках – превращение случайной реплики в устойчивую формулу.

«Дипломатичные люди всегда успешнее эгоистичных... А вот я уж – вовсе, вовсе не дипломат. Хотя, впрочем, и не эгоист. (Так мне кажется)» [168, с. 73].

Прямая речь переходит в несобственно-прямую с оговоркой в скобках, которая разрушает категоричность утверждения. «Вовсе, вовсе» – экспрессивный повтор, затем «так мне кажется» снимает уверенность.

«Очень обрадовалась, узнав, что Христос сказал: «Ко Мне никогда не поздно. В шесть пришел – хорошо, в девять часов – приму, и в одиннадцать – не опоздал». Может, и я не опоздала?..» [168, с. 164].

Цитата из Евангелие оформляется как прямая речь Христа. Авторский вопрос «Может, и я не опоздала?..» – переключение из цитаты в несобственно-прямую речь с сомнением.

(Картотека примеров включает 17 единиц).

А.Алёхин: *«... Иногда о нем осведомлялись на английском. В очередной такой раз она рявкнула в трубку: «I don't understand!», на что последовало на чистом русском: – Чего?..» [167, с. 9].*

Возникает смешение прямой и косвенной речи, когда синтаксические коды разных речевых регистров – иностранного и родного языка, официального и разговорного, высокого и просторечного – совмещаются в едином диалогическом пространстве. А.Алёхин фиксирует этот разрыв с иронией наблюдателя, для

которого языковое несоответствие – симптом культурного и социального состояния.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

- **«Синтаксические контаминации»** [125, с. 106] *(в одном высказывании «смешиваются» части двух и более устойчивых выражений (фразем), в результате которой образуется новая, окказиональная структура).*

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: примеров не выявлено.

И.Е.Ракша: *«Ой, я, кажется, что-то заговорила и заблудилась. Пошла не в ту сторону. А ближе «к телу» надо, к теме... Так вот...»* [168, с. 39].

Авторский самоперебив, комментарий «к телу» – контаминация клише «ближе к теме» и пословицы «своя рубашка ближе к телу».

(Картотека примеров включает 4 единицы).

А.Алёхин: *«Записки сумасшедшего охотника». «Медный всадник без головы». «Хожение по мукам за три моря»* [167, с. 30].

Каждое «заглавие» – контаминация двух классических названий. Форма заглавия (именная группа) сохранена, содержание – гибрид.

«Из всех искусств для нас важнейшим является – кулинарное» [167, с. 99].

Контаминация цитаты В.И.Ленина: «Из всех искусств... важнейшим... является кино». Контаминация с сохранением структуры политического лозунга.

«Человек создан для счастья, как рыба для полета» [167, с. 99].

Контаминация пословицы «Человек создан для счастья, как птица для полета»: замена «птица – рыба».

(Картотека примеров включает 13 единиц).

2) **«Синтаксическая омонимия»** [125, с. 107] *(возникает, когда одна и та же конструкция (словосочетание, предложение) допускает несколько разных синтаксических трактовок – конструкция «маскируется» под одну интерпретацию, с расширением контекста раскрывается иная трактовка).*

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: примеров не выявлено.

И.Е.Ракша: *«Собственно, на что герой Родион хочет право иметь? Топориком тяпнуть по голове старушку процентщицу?.. А если не тяпнет, то что? Тогда он «тварь дрожащая» или вошь ползучая?»* [170, с. 22].

Риторический вопрос «на что право иметь?» синтаксически допускает два прочтения: право на поступок или право на статус. Омонимия управления вскрывает логическую нелепость постановки вопроса Ф.М.Достоевского – авторский полемический прием.

(Картотека примеров включает 1 единицу).

А.Алёхин: *«– Ну а работаешь-то где? – В почтовом ящике. – А-а, газеты разносишь...»* [167, с. 13].

Одна и та же конструкция допускает два принципиально различных разбора, причем первоначальное прочтение оказывается ложным – «маска сбрасывается» в момент дополнительного контекстного сигнала. «Почтовый ящик» – эвфемизм для секретного предприятия и буквальное хранилище писем. Синтаксически «в почтовом ящике» – обстоятельство места, одинаково пригодное для обоих значений.

«Такая завидная парочка, ну просто счет-фактура. У него в банке – счет, при ней – фактура...» [167, с. 149].

«Счет-фактура» – разложение на «счет» (банковский) и «фактура» (внешность) создает двойную омонимию. Конструкция кажется устойчивым термином, затем маска сбрасывается. Подобный пример: *«Гармоничная писательская пара: у нее – формы, у него – содержание»* [167, с. 427].

(Картотека примеров включает 6 единиц).

3) «Синтаксическая сочетаемость компонентов предложения» [125, с. 117] *(нарушение традиционной сочетаемости компонентов не всегда ошибка, а инструмент для создания комического эффекта).*

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: примеров не выявлено.

И.Е.Ракша: примеров не выявлено

А.Алёхин: *«В коридоре висел телефон-заика, не выговаривавший половину слогов»* [167, с. 77].

Телефону приписано речевое расстройство человека («заика»). Предикаты речевых нарушений («заика», «не выговаривать») несочетаемы с субъектом-техникой.

«Мореотступники у бассейна» [167, с. 189].

«Отступники» сочетается с обозначениями веры/идеологии, но не с природными явлениями. Это нарушение конвенционального ограничения.

«Голубь выпустил красное шасси и уцепился за подоконник» [167, с. 52].

«Выпустил шасси» – авиационный термин, применяемый к самолетам. Перенос на голубя нарушает синтаксическую сочетаемость: предикат «выпустить шасси» несовместим с субъектом «голубь».

(Картотека примеров включает 8 единиц).

4) «Сравнительные конструкции, включающие метафору» [125, с. 124] *(конструкции, в которых метафора выступает как сокращенная, «свернутая» форма сравнения: метафора «сжимает» сравнение отождествляя два явления на основе общего признака).*

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: *«Активный, живой писатель перенасыщен впечатлениями жизни **точно так же**, как бывает в химии перенасыщенный раствор какой-нибудь соли. Рождение замысла **подобно** процессу кристаллизации, когда растворенное ровным образом, невидимое вещество начинает на глазах формироваться в строгую и стройную систему кристаллов»* [171, с. 83-84].

Предполагает развернутое сравнение: писатель = перенасыщенный раствор; замысел = кристаллизация. Синтаксическая параллель («точно так же») вводит сравнение союзами; также как, подобно. Замысел не изобретается, а кристаллизуется из накопленного.

(Картотека примеров включает 12 единиц).

И.Е.Ракша: *«Вот и я выпускаю свои книги – **как** рядовых солдатиков на передовую – не за награды, а за Россию»* [168, с. 95].

Развернутая предикативная метафора включает сравнение книг и солдатиков. Уточнение «рядовых» снижает пафос (уменьшительный суффикс). Конструкция «не за..., а за...» – противительное сочинение, задающее ценностную иерархию.

(Картотека примеров включает 10 единиц).

А.Алёхин: примеров не выявлено.

5) *«Анафорическое отношение»* [125, с. 138] (*особый вид отношений между словами или словосочетаниями, непосредственно (синтаксически) не связанными между собой: «в смысл одного выражения входит отсылка к другому»*).

А.П.Чудаков: примеры отсутствуют.

В.А.Солоухин: *«Я начал подозревать, что меня разыгрывают... Мы пошли в кабинет главного редактора... Главный редактор задумался и, к моему ужасу, сказал: – Все хорошо. Непонятно только – кто они... Таким образом, эта загадка до сих пор мной не разгадана»* [171, с. 78-79].

«Эта загадка» появляется лишь в финале, а антецедент (причина загадки – непонятный вопрос «кто они») читатель должен угадать сам.

(Картотека примеров включает 3 единицы).

И.Е.Ракша: *«– Что в человеке главное? – В человеке главное – УМ. – А что главное для ума? – Главное для ума – отношение к Богу и к Его творению – человеку»* [168, с. 81].

Каждый ответ подхватывает ключевое слово предыдущего вопроса («главное» – «ум» – «главное для ума»).

«А пока... А Пока стрелки на циферблате показывают только без пяти девять. (Час кончины незабвенного дедушки)» [168, с. 46].

Время «без пяти девять» вводится без пояснения, скобочная ремарка раскрывает антецедент – «час кончины дедушки». Анафорическое отношение строится на том, что читатель должен угадать связь между остановившимися часами и смертью близкого.

(Картотека примеров включает 7 единиц).

А.Алёхин: *«В кусте над прудом с рыбками покачалась на ветке птичка и улетела, зверски зачирикав. «Улетел», – поправила моя глазастая жена, различающая на лету воробья от воробьихи. Но чирикала она все-таки по-бабьи»* [167, с. 241].

«Она» – местоимение с двусмысленным антецедентом: воробьиха или жена. Читатель сначала приписывает «чирикала» жене, потом понимает, что это о воробьихе.

(Картотека примеров включает 3 единицы).

Количественное соотношение средств создания языковой игры на синтаксическом уровне у исследуемых авторов:

Всего в картотеке примеров представлено 125 единиц: в прозе А.П.Чудакова – 0 единиц, в прозе В.А.Солоухина – 23 единицы, 55 единиц в прозе И.Е.Ракши (45 – в прозе «Звезда на ладони», 5 – в прозе «Монолог без конца», 5 – в прозе «Разговор о будущем»), 47 – в прозе А.Алёхина. Данные представлены в Приложении 2 (Таблица 2.5).

Сопоставительный анализ синтаксических средств языковой игры в лирико-философской прозе А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, И.Е.Ракши и А.Алёхина показывает, что синтаксический уровень является одним из продуктивных способов реализации лингвокреативного потенциала художественного текста. В отличие от фонетического, лексико-фразеологического или словообразовательного уровней, синтаксическая языковая игра затрагивает не отдельные языковые единицы, а способы организации высказывания, моделируя особенности мышления ЭКЯЛ, восприятия действительности и построения индивидуально-авторской языковой картины мира. Именно на синтаксическом уровне наиболее отчетливо проявляются лингвокреативные особенности каждого автора, поскольку выбор определенных конструкций связан с характером авторской рефлексии, способами концептуализации опыта и механизмами художественного познания действительности. Проведенный анализ показывает, что при общей установке на игровое использование синтаксических ресурсов языка каждый из исследуемых авторов формирует собственную систему доминирующих

приемов. В результате синтаксическая языковая игра становится не просто средством выразительности, а важнейшим инструментом создания индивидуально-авторской модели мира.

Количественный анализ выявляет существенные различия в частотности синтаксических средств языковой игры у исследуемых авторов. Наиболее частотными приемами в прозе И.Е.Ракши и В.А.Солоухина являются различные формы синтаксической фрагментации: парцелляция, синтаксически незавершенные высказывания и разнообразные формы нарушения линейного развертывания мысли. Значительную группу составляют сравнительные конструкции, анафорические отношения, сочинительные конструкции и синтаксическая компрессия.

Для В.А.Солоухина наиболее частотными оказываются сравнительные конструкции, развернутые метафоры, афористические модели и различные формы синтаксической компрессии. Высокая частотность подобных конструкций свидетельствует о том, что синтаксическая игра В.А.Солоухина тесно связана с интеллектуальным анализом действительности и стремлением объяснить сложные явления через наглядные конкретные аналогии.

Для И.Е.Ракши наиболее характерны конструкции, связанные с передачей живой речи и внутреннего диалога: прямая речь, риторические вопросы, парцелляция, внутренние монологи и различные формы диалогизации.

Наиболее своеобразную систему синтаксической игры демонстрирует А.Алёхин. Абсолютное количественное превосходство здесь принадлежит сравнительным конструкциям, что существенно превышает показатели остальных авторов. Вторую по частотности группу составляют «ложные» причинно-следственные связи, далее следуют синтаксические контаминации, случаи синтаксической омонимии, нарушения сочетаемости и различные формы языкового парадокса. Высокая частотность подобных конструкций свидетельствует о том, что основой художественного мышления А.Алёхина становится постоянное обнаружение неожиданных связей между предметами, явлениями и культурными кодами.

Анализ 970 единиц языковой игры (из них: 148 единиц рассмотрены в прозе А.П.Чудакова, 261 единица – в прозе В.А.Солоухина, 283 единицы – в прозе И.Е.Ракши (в прозе «Звезда на ладони» – 173 единицы, «Монолог без конца» – 59 единиц, «Разговор о будущем» – 51 единица) и 278 единиц в прозе Алексея Алёхина) показал, что ключевой характеристикой лингвокреативности ЭКЯЛ является высокий уровень индивидуальной метаязыковой рефлексии. Языковая игра варьируется от нормативного использования языка до его намеренного нарушения, что зависит от авторского замысла и от специфики дискурса.

Наиболее частотными приемами ЭКЯЛ выступают: на фонетическом уровне – аллитерация и ономотопея; на морфологическом уровне – расширение парадигмы и обыгрывание грамматических категорий; на словообразовательном уровне – контаминация и имена собственные; на лексико-фразеологическом – обыгрывание компонентов значения и паронимические сближения; на синтаксическом – ложные причинно-следственные связи и парцелляция. При этом у каждого автора формируется индивидуальная система приемов: у А.П.Чудакова доминирует лексическая игра, у В.А.Солоухина – лексическая и синтаксическая, у И.Е.Ракши – морфологическая и синтаксическая, А.Алёхина – синтаксическая игра.

Таким образом, языковая игра манифестирует лингвокреативный механизм воплощения ЭКЯЛ и выступает одним из главных ее параметров в лирико-философском субдискурсе.

3.3. Экспликация лингвокреативности ЭКЯЛ: феномен прецедентности

В современной отечественной лингвистике прецедентным феноменам посвящено значительное количество научных работ. К прецедентным феноменам

Ю.Н.Караулов относит «готовые, интеллектуально-эмоциональные блоки, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, хорошо известные в обществе и постоянно используемые в коммуникации» [68, с. 113], помимо вышесказанного, «1) имеющие «сверхличностный характер», т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, 2) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Там же, с. 216]. В.Н.Телия рассматривает прецедент как «стереотипный образно-ассоциативный комплекс», имевший место в прошлом и являющийся значимым для определенного лингвокультурного сообщества и регулярно актуализирующийся в процессе коммуникации [146]. В.В.Красных понимает прецедентность как когнитивное явление, к которому относят феномены «хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»); актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, обращение к которым возобновляется в речи того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [81, с. 170]. Ю.Н.Караулов выделил основные характеристики прецедентного текста, среди которых «хрестоматийность и общеизвестность; эмоциональная и познавательная ценность; реинтерпретируемость, проявляющаяся в их многократной интерпретации в различного рода текстах и дискурсах, что в итоге ведет к тому, что такие тексты становятся «фактом культуры» [70, с. 107].

«Прецедентный текст» по А.А.Евтюгиной – это «минимальный культурный знак, выполняющий специализированную прагматическую функцию, регулирующую отношения данного письменного текста к отсутствующему тексту, культурную память о котором хранит прецедент, попавший в новую текстовую среду» [47, с. 4]. По Г.Г.Слышкину: «характеризующаяся цельность и связность последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы» [134, с. 36-40]. Категорию прецедентности можно характеризовать как намеренную стратегию автора, ориентированную на

произведения, прочно вошедшие в культурное наследие и способные вступить с читателем в «диалог», пробудить его память.

Среди отечественных исследователей существуют различные методы дифференциации категорий «интертекстуальность» и «прецедентность». По В.В.Красных категория «интертекстуальность» в отличие от категории «прецедентность» «анализирует художественный текст, объект внимания концепции прецедентности – тексты, порождаемые в процессе непосредственной коммуникации» [82, с. 137-138]. Г.Г.Слышкин и М.А.Ефремова отмечают, что «прецедентность» – это «наличие в тексте элементов предшествующих текстов» [132, с. 7]. По Д.Б.Гудкову, И.В.Захаренко, В.В.Красных, Д.В.Багаеву, «прецедентные феномены» есть «единицы, которые «знакомы большинству лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» [39, с. 102]. Д.Б.Гудков выделяет следующие признаки прецедентности: «комплекс прецедентных феноменов фиксирует и закрепляет ценностные установки лингвокультурного сообщества, регулирующие деятельность его членов, в том числе вербальную»; «национально детерминированные представления, стоящие за прецедентными феноменами, обладают ярко выраженной аксиологичностью, за ними закреплена определенная оценка по шкале «хорошо» / «плохо» [40, с. 58].

«Данные исследователи рассматривают круг прецедентных феноменов, куда входят *прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя и прецедентная ситуация*» [120]. Среди основных отличительных признаков прецедентных феноменов исследователи отмечают выполнение ими «роли эталона культуры», функционирование как «свернутой метафоры» и «как символа какого-либо феномена или ситуации» [81, с. 172].

Прецедентные имена теряют свои изначальные функции имен собственных (выделение и номинацию), поэтому Ю.Б.Пикулева предлагает объединить их в рамках термина *прецедентный культурный знак*, «отражающий семиотическую (символическую) природу означаемого, соотношенность с национально-культурными фоновыми знаниями и активное включение в

современный коммуникативный процесс» [111, с. 6]. Л.И.Гришаева относит прецедентные имена к «культурным скрепам», подчеркивая их функцию транслирования культурной информации [38, с. 18]. Прецедентные имена – это важная составляющая национальной картины мира. Они способствуют оценке действительности народным сознанием, «формированию и развитию национальной картины мира, приобщению к национальной культуре и национальным традициям в рамках глобальной цивилизации и с учетом общечеловеческих ценностей» [107, с. 207]. Прецедентные феномены являются основными (ядерными) элементами когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний всех говорящих на данном языке [Багаева, Гудков, Захаренко, Красных: 1997].

Изучение особенностей воспроизводимости прецедентных феноменов в художественном дискурсе указывает на целесообразность ее рассмотрения в рамках теории лингвокреативности. Наибольший интерес для нашей работы представляет исследование лингвокреативности с точки зрения ее манифестации в субдискурсе [Демьянков: 2009; Зыкова: 2020; Киосе: 2019; Соколова: 2020; Фещенко: 2020] художественного дискурса – лирико-философской прозе XX–XXI веков.

Вслед за И.В.Зыковой, в работе разграничивается универсальная и дискурсивно обусловленная лингвокреативность. Под универсальной лингвокреативностью И.В.Зыкова понимает «случаи намеренного (прагматически ориентированного) нарушения литературной (языковой) нормы, универсальные средства выразительности (т.е. характерные для любого дискурса) и специфические случаи интерференции языковых, межъязыковых и межсемиотических элементов (лингвокреативность-1)», а под дискурсивной лингвокреативностью – «случаи намеренного (прагматически ориентированного) нарушения дискурсивной нормы, дискурсивно обусловленные (т.е. характерные для субдискурса) как средства выразительности, так и случаи интерференции языковых, межъязыковых и межсемиотических элементов (лингвокреативность-2)» [58, с. 29]. В отличие от универсальных проявлений лингвокреативности

(например, разговорного словотворчества), анализируемые в данной главе языковые явления обладают отчетливой дискурсивной маркированностью: они не только создают экспрессивный эффект, но и выполняют смыслообразующую функцию в рамках лирико-философского субдискурса, реализуя синтез эмоционально-чувственного и интеллектуально-рефлексивного познания мира.

С опорой на подходы, разработанные в отмеченных выше работах, обратимся к изучению специфики (креативной) воспроизводимости прецедентных феноменов в русской лирико-философской прозе XX–XXI веков. Это изучение актуально по целому ряду причин, основными среди которых являются чрезвычайно сложный и всеобъемлющий характер пространства художественного дискурса, создающего особые условия для функционирования прецедентных феноменов, и специфическая природа прецедентных феноменов, позволяющая относить их к наиболее «культуроносным» (в терминологии В.Н.Телия) знакам языковой системы.

Рассмотрение креативного использования прецедентных феноменов в тексте лирико-философской прозы XX–XXI веков состоит из следующих этапов:

1) систематизация прецедентных феноменов в соответствии с классификацией В.В.Красных – *прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя и прецедентная ситуация* [82];

2) реконструкция культурного источника прецедентных феноменов как основания его креативного функционирования в лирико-философской прозе XX–XXI веков, с целью выявления специфики активности такого вводимого нами параметра лингвокреативности, как «прецедентный феномен», в его сопряжении с активностью других параметров, репрезентирующих группы близких, но не идентичных ему языковых явлений (языковая игра и афористика).

3) количественное соотношение прецедентных феноменов в тексте исследуемых авторов.

Прецедентное имя представляет собой имя собственное, которое обладает характеристиками любого другого прецедентного феномена и становится уже не

именем собственным, а культурным символом, символом определенного качества, характера, ситуации:

1) *Прецедентное имя связано с индивидуальным именем героя русского литературного произведения.*

А.П.Чудаков: неоднократно автор дает отсылку к роману в стихах «Евгений Онегин» А.С.Пушкина [172, с. 566, 601, 659, 663, 664, 665, 666, 667, 670, 673, 674, 678, 681, 689, 698] и др.

В.А.Солоухин: тексты прозы данного автора насыщены именами героев русской литературы (есть примеры, где автор использует 23 прецедентных имени в одном предложении) [см. Приложение 4].

И.Е.Ракша: «...Евгений Онегин и Татьяна, Печорин и Обломов, Чичиков и Ноздрев, Базаров и Соня Мармеладова, Хаджи-Мурат и Анна Каренина...» [171, с. 60]; «богоподобного князя Мышкина», герой романа Ф.М.Достоевского «Идиот» [170, с. 33]; «Все эти Воланды, Азазеллы с клыками, из зеркала выходящие, все эти полеты Марго на метле и прочее» («Мастер и Маргарита» М.А.Булгакова) [170, с. 54]; «гоголевского Плюшкина», персонаж романа-поэмы Н.В.Гоголя «Мертвые души» [170, с. 211]; «Элочка-людоедка», героиня сатирического романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев», имевшая скудный словарный запас [170, с. 214, 274].

А.Алёхин: «Акакий Акакиевич», герой повести «Шинель» Н.В.Гоголя [167, с. 149, 366, 478]; [169, с. 152], «Муму из Тургенева» [167, с. 196]; «Чичиков», персонаж поэмы Н.В.Гоголя «Мертвые души» [167, с. 259, 384]; [169, с. 235].

Исследуемые авторы обращаются к прецедентным именам, опираясь на классический канон (от Гоголя до знаковых личностей XX века) как оценочным маркерам.

2) *Прецедентное имя связано с именем реально существовавшего человека, чья жизнь или действия являются важными, известными для представителей лингвокультуры России (писатели, композиторы и т.д.):*

А.П.Чудаков: упоминает В.П.Катаева [172, с. 567, 683, 684]; А.П.Чехова [172, с. 567, 568, 573-574, 575, 582, 585, 587, 589, 597, 606, 612, 614, 625, 641, 649,

662, 671, 689, 670]; *Виктора Астафьева* [172, с. 608]; *В.В.Розанова* [172, с. 572] и др. Автор делает прямые отсылки к творчеству писателей лирико-философской прозы: *«Зачем я делаю эти записи? Вот и другие делают – «Мгновенья», «Затеси», «Камешки на ладони», а потом вся страна смеется над этими мгновеньями»* [172, с. 594], *«Виньетки»* [172, с. 647, 664], рассуждая о том, что *«...не воспользовался уроками классики в одном смысле: в смелости. Убрал целую большую главу, <...> которая «выбивалась» по типу (что-то розановское, что-то похоже на Олешу)»* [172, с. 647].

В.А.Солоухин: *«Литературное наследие Гоголя ... делится на две сферы ... это «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Тарас Бульба», другая сфера – это «Мертвые души», «Ревизор», «Женитьба», «Нос», «Шинель», «Записки сумасшедшего»* [171, с. 430];

И.Е.Ракша: **композиторы:** *«А.Е.Варламов, П.И.Чайковский, С.В.Рахманинов»* [168, с. 23], **политические деятели:** *«...Сталин, Маленков, Хрущев, Брежнев, Черненко, Андропов, Горбачев, Ельцин, Путин, Медведев, Путин...»* [168, с. 123], **исследователей различных областей:** *«...словаре великого Владимира Даля, книгах Константина Ушинского, Сергея Ожегова, Петра Ершова, Сергея Аксакова...»* [168, с. 224] и др.; **писателей:** *М.А.Светлов, В.М.Шукишин, Ф.М.Достоевский, М.Горький, А.П.Чехов, М.А.Булгаков и др.;* **поэтов:** *Е.А.Евтушенко, М.И.Алигер, Б.А.Ахмадулина, М.И.Цветаева, Н.А.Некрасов, С.А.Есенин, А.А.Блок, А.С.Пушкин, Гомер и др.*

А.Алёхин: упоминает таких русских творческих личностей, как И.С.Тургенев, Н.А.Некрасов, К.И.Чуковский, также автор приводит единичный пример в лице *П.И.Чайковского* [169, с. 141, 362, 444].

Использование прецедентных имен демонстрирует резкие количественные, тематические контрасты: от единичных случаев употребления прецедентных имен у А.Алёхина, значительного количества имен литературных деятелей у А.П.Чудакова до широкого спектра имен русской «культуры» (включая политику, науку, литературу, живопись и т.д.) у И.Е.Ракши.

3) *Прецедентное имя связано с индивидуальными именами, принадлежащими представителям другой лингвокультуры.*

А.П.Чудаков: единичный пример выявлен в тексте исследуемого автора «несмотря на болезнь (тяжелый бронхит, впервые в жизни) был на панихиде по Юрке Лейко. Сказал, что нас было трое: он был *Амос*. Всем понятно, что это значит. Он был человек долга, человек чести, человек спокойной и холодной храбрости» [172, с. 628].

В.А.Солоухин: например, «*Шерлок Холмс, доктор Ватсон Леонардо да Винчи, Моцарта, Аристотеля, Архимеда и др.*» [171, с. 346].

И.Е.Ракша: «*Заразился Бодлером и Ницше, Рембо и Эдгаром По, Ибсеном и Метерлинком*» [169, с. 278].

А.Алёхин: упоминает таких зарубежных творческих личностей, как Жюль Верн, Гете, Шекспир, Гомер, Данте Алигьери др.

Прецедентные имена, репрезентирующие иную лингвокультуру, используются авторами крайне избирательно. А.П.Чудаков и А.Алёхин обращаются к ним эпизодически (для емкой характеристики личных качеств), а В.А.Солоухин и И.Е.Ракша демонстрируют обширный интеллектуальный фон (упомяная литературных героев и реальные исторические фигуры зарубежной литературы).

4) *Прецедентное имя связано с названиями произведений одного рода искусства, функционирующих в другом.*

А.П.Чудаков: «*Робинзон Крузо*» (Даниэль Дефо) [172, с. 624].

В.А.Солоухин: примеров не выявлено.

И.Е.Ракша: автор делает прямые отсылки к творчеству авторов лирико-философской прозы: «*В.А.Солоухин – «Камешки на ладони», В.Астафьев – «Затеси», М.А.Булгаков – «Записки на манжетах», А.Демичев, В.И.Мельник – «Зарубки» и «Зарубки на память», В.В.Розанов – «Опавшие листья»*» [169, с. 95]; «*Юрий Бондарев (из его коротких «Записок»)*» [168, с. 12]; «*Этюды», «Штрихи»*» [168, с. 38]; «*Записки очевидца*» [169, с. 90], рассуждая о том, что «*такие записки были у многих писателей*» [169, с. 95]. Периодически

автор в отрицательном ключе упоминает о «заморском *«Поттере? И всех прочих «Властелинов колец»?* (Джоан Роулинг, Джон Рональд Руэл Толкин) [170, с. 57]; *«Маугли»* (Редьярд Киплинг) [168, с. 135]; *«Человек-невидимка»* (Герберт Уэллс, Давид Вейс) [167, с. 157].

А.Алёхин: *«Живу, как в 90-м сонете Шекспира: со мной весь мир в раздоре»* [167, с. 137].

А.П.Чудаков и А.Алёхин обращаются к анализируемым прецедентным именам эпизодически, опираясь на классику, тогда как В.А.Солоухин и И.Е. Ракша активно включают в текст названия современных художественных и кинопроизведений, т.е. демонстрирует процесс пополнения прецедентного фонда за счет включения новых литературных явлений.

Отметим, что преобладание русских прецедентных имен (над зарубежными прецедентными именами) в лирико-философской прозе несет нагрузку как лирического (эмоционально-оценочного), так и философского (онтологического) плана.

(Анализ картотеки примеров А.П.Чудакова включает – 122 единицы прецедентного имени, В.А.Солоухина – 60 единиц, И.Е.Ракши – 182 единицы, А.Алёхина – 166 единиц).

Согласно Д.Б.Гудкову, **прецедентная ситуация** представляет собой «эталонную», «идеальную» ситуацию, связанную с определенными коннотациями [40, с. 107]. Она вводится в текст посредством прецедентных высказываний, имен, которые теряют свой изначальный смысл, становясь словами-символами:

1) Источниками прецедентных ситуаций являются библейские тексты.

А.П.Чудаков: автор лишь однократно упоминает прецедентные ситуации из *«Ветхого Завета»* [172, с. 566].

В.А.Солоухин: автором приводятся 88 библейских выражений. Приведем лишь фрагмент: *«... «Краеугольный камень». «Злачное место». «Корень зла». «Кто не работает, тот не ест». «Злоба дня». «Хлеб насущный». «Камень преткновения». «Соль земли». «Блудный сын» ...»* [171, с. 309-310], или *«Сильна,*

как смерть, любовь, страшна ревность, стрелы ее – стрелы огненные» [171, с. 434].

И.Е.Ракша: «...все в руках Божьих. Может, и мне Господь, пожалев пишущую работягу, плюнет в глаза, как плюнул библейскому слепцу, который тотчас прозрел. Просить надо, просить. И молиться, почаще молиться. Ведь в Писании сказано: «Стучите, и отверзется вам» [169, с. 55].

А.Алёхин: тексты изобилуют примерами прецедентных ситуаций, в которых автор неоднократно отсылает читателя к «Книге Бытия»: «Садовый шланг хотя и не читал **Книги Бытия**, все норовит свернуться змеей под яблоней» [167, с. 354]; эпизодам: «Судя по бездонному котловану, вырытому под фундамент на огражденном пустыре, там затеяли **постройку Вавилонской башни...**» [167, с. 270]; «Он был похож на плавучую **Вавилонскую башню**» [167, с. 379]; а также первым людям на Земле, сотворенных Богом: «– Мам, а **Еву с Адамом** из рая выгнали за то, что немывые яблоки ели?» [167, с. 10]; «Навстречу ему шли юные **Адам и Ева**, по очереди кусая яблоко. Сверху на них поглядывал Господь, сидя на своем надувном облачке» [167, с. 186]; «Никакой это был не Змей в Саду, это все **Евины** выдумки. Просто там свернутый шланг лежал под яблоней» [167, с. 355]. В этом случае смысл актуализируется в сознании воспринимающего благодаря персоналиям.

Анализ картотеки примеров показал, что в тексте прозы А.П.Чудакова – прецедентные ситуации представлены минимально, тогда как текст В.А.Солоухина отличается их предельной концентрацией, формируя духовно-нравственный библейский подтекст. И.Е.Ракша использует прецедентные ситуации в качестве средств для экзистенциальных размышлений, А.Алёхин обращается преимущественно в ироническом ключе, адаптируя их к современным бытовым реалиям.

2) Источниками прецедентных ситуаций являются реальные исторические факты.

А.П.Чудаков: отсылает читателя к задумке одной из трагедий А.С.Пушкина: «Сальери не убивал Моцарта – зачем ему было это делать <...> Это Пушкин

виноват!» [172, с. 657], в качестве сравнения автором приведены следующие прецедентные ситуации: *«(Да, ничего не поможет! Никакие аргументы. В русском сознании он всегда останется убийцей музыкального гения человечества, как война 1812 г. – как ее дал Толстой, а Пугачевский бунт – Пушкин в «Капитанской дочке»* [172, с. 657].

В.А.Солоухин: примеров не выявлено.

И.Е.Ракша: примеров не выявлено.

А.Алёхин: примеров не выявлено.

Прецедентные ситуации, основанные на реальных исторических фактах, представлены исключительно в прозе А.П.Чудакова, для сопоставления исторической реальности и ее художественного видения.

3) Источниками прецедентных ситуаций являются вымышленные исторические факты, вошедшие в культуру и сознание носителей языка:

А.П.Чудаков: примеров не выявлено.

В.А.Солоухин: в тексте прозы «Камешки на ладони» нами замечены лишь единичные примеры прецедентных ситуаций: *«Был период, когда некоторые молодые поэты как бы нарочито и наперебой старались попасть в немилость и под огонь критики. Это стало уже не очень опасно, однако приносило популярность. Рассказывают, что Анна Ахматова однажды воскликнула про этих поэтов: – Боже мой, очередь на Голгофу!»* [171, с. 229] – отсылка к холму, где был распят Иисус Христос, согласно Новому Завету.

И.Е.Ракша: в качестве сравнения автором приведены следующие прецедентные ситуации: *«Истина вроде проста, как яблоко, упавшее на голову Ньютона»* [169, с. 309].

А.Алёхин: *«... Ньютону свалилось яблоко...»* [167, с. 132]; *«Всякое яблоко, падая, напоминает Ньютона»* [167, с. 354]. Автор также приводит примеры из древнегреческой мифологии: *«Это уж не царь ли Гордий выдумал узелковое письмо?»* [167, с. 392].

Данные прецедентные ситуации, опирающиеся на вошедшие в культуру легенды и мифы служат автором в качестве инструмента для создания аллегорий и проведения культурных параллелей.

(Анализ картотеки примеров А.П.Чудакова включает – 1 единицу прецедентной ситуации, В.А.Солоухина – примеров не выявлено, И.Е.Ракши – 5 единиц, А.Алёхина – 11 единиц).

Прецедентное высказывание представляет измененная для определенного случая, трансформированная цитата. А.Е.Супрун выделяет «точные, неточные (искаженные) цитаты, намек на текст через характерную ситуацию, которая погружает читателя во время и пространство, отличное от хронотопа первичного текста, употребление имени автора, персонажа или названия произведения» [142]. Под цитатой понимается «включение в текст чужого текста в неизменном виде, под квазичитатой – включение в текст чужого текста в трансформированном виде» [51, с. 157]. Трансформации могут быть усеченными или содержать сознательно измененную единицу. Оба вида трансформации меняют смысл высказывания, и при этом в сознании говорящего остается традиционная модель.

В рамках анализа выделяются следующие типы *прецедентных высказываний*:

1) устойчивые прецедентные высказывания, не подвергающиеся изменению, выступающие как цитата.

А.П.Чудаков: указывает автора приведенной цитаты: «*Моя жизнь состоит из одного монотонного труда, который разнообразится самим же трудом*» (Бальзак)» [172, с. 568], «*Но лучше бы Мандельштам не писал «Мы живем, под собою не чуя страны»*» [172, с. 650], «*Все думали не об истине, а единственно о пользе*» (Карамзин)» [172, с. 651], «*Культура – система табу*» (Леви-Стросс)» [172, с. 651], «*...слова Розанова о Лермонтове – «вечно печальная дуэль»...*» [172, с. 658], «*Злобы побольше*», как говаривал Салтыков-Щедрин» [172, с. 660-661]. Автором цитируются отрывки из писем классиков: «*письмо к А.А.Толстой 17–21 окт. 1857 г.*» [172, с. 593]; стоки письма А.П.Чехова И.А.Бунину [172, с. 606]; высказывание Тютчева «Из письма»: «*Когда*

испытываешь <...> сознание хрупкости и непрочности всего в жизни, то существование, помимо духовного роста, является лишь бессмысленным кошмаром» [172, с. 625].

В.А.Солоухин: использует выражение: *«А тяги нет...»* [171, с. 28, 59, 223]. Автор приводит фразеологизм *«...это (что-либо) далеко друг от друга, как небо и земля»* [171, с. 421], а также фразу из научно-фантастического романа, название которого автор упоминает: *«На пальце у Джона я заметил перстень из натурального дуба. Я подумал, что при его скромном положении не следовало бы выставлять напоказ такие драгоценности»* [171, с. 425]. В.А.Солоухин цитирует Марка Аврелия из книги *«Наедине с собой»* [171, с. 435].

И.Е.Ракша: приводит библейские цитаты: *«воздаст каждому по делам его»* [169, с. 159], *«Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя»* [170, с. 196], *«Вера без дела – мертва есть»* [168, с. 51], *«Духовное родство выше родства плотского»* [168, с. 62], *«Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»* [168, с. 219], *«Стучите, и отверзется вам»* [169, с. 55], *«Владычествуйте, управляйте, но делайте землю прекрасней»* [169, с. 331], *«Не убий, не укради, не сотвори себе кумиров. На чужое не зарься, чти отца и мать свою. – говорила она как молитву. – Не изменяй, не лги»*, [168, с. 10], тексты из «Евангелие»: *«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»* [168, с. 65], *«Любите друг друга, как Я возлюбил вас. Мойте ноги друг другу, как Я мыл вам»* [168, с. 65], *«Кто последует за Мной, не будет ходить во тьме»* [168, с. 53], *«Живи днем сегодняшним»* [168, с. 90]. И.Е.Ракша цитирует выражения не только писателей-классиков, но и императоров, политиков, художников, ученых: *«То, что сегодня кажется невероятным, завтра может оказаться неизбежным»* (В.В.Путин) [169, с. 148], *«Политика – это искусство возможного»* (С.Лавров) [169, с. 325], *«У каждого в жизни должно быть свое «ПОЛЕ КУЛИКОВО»* (Юрий Ракша) [169, с. 315], *«Судьба тех, кто ушел, зависит от тех, кто остался»* (Юрий Ракша) [170, с. 80], *«Упрощайте любую информацию, какую только можете. Но не более того»* (А.Эйнштейн) [170, с. 49]. И.Е.Ракша цитирует А.П.Чехова: *«Искусство писать – это искусство сокращать. Краткость сестра*

таланта» [170, с. 46]; преподобного Амвросия Оптинского: *«Где просто – там ангелов со сто, а где мудрено – там ни одного»* [169, с. 271, 326], [170, с. 78], [168, с. 71], Ницше *«Искусство нам дано, чтобы не умереть от истины»* [169, с. 263], Сенеку *«Беден не тот, у кого мало, а тот, кто хочет все большего»* [170, с. 80], Гераклита, Гиппократы, Аристотеля и др. В текстах всех указанных произведений И.Е.Ракша неоднократно приводит цитату строки А.А.Ахматовой: *«Все души милых / На далеких звездах. / И хорошо, что некого терять»* [170, с. 80].

А.Алёхин: нами отмечен лишь единичный случай использования устойчивого прецедентного высказывания, не подвергнувшегося изменению, выступающего как цитата: *«Как утверждает Брэм, «любовь крокодилов своеобразна»* [167, с. 57].

Рассматриваемые устойчивые прецедентные высказывания демонстрируют существенную дифференциацию в текстах исследуемых авторов: в тексте прозы А.Алёхина они присутствуют минимально; в тексте прозы А.П.Чудакова отличаются академической точностью цитирования с обязательным указанием источника; в тексте прозы И.Е.Ракши представлен широкий и тематически разнообразный прецедентный фон (объединяющий библейские тексты, высказывания политических деятелей, философов, ученых и др.).

(Анализ картотеки примеров А.П.Чудакова включает – 18 единиц прецедентных высказываний, В.А.Солоухина – 9 единиц, И.Е.Ракши – 192 единицы, А.Алёхина – 1 единица).

2) измененные прецедентные высказывания, узнаваемые, несмотря на их преобразование. В текстах лирико-философской прозы А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, И.Е.Ракши и А.Алёхина примеров не выявлено.

Прецедентный текст как прецедентный феномен – это текст, известный определенной языковой личности (по Ю.Н.Караулову). По Д.Б.Гудкову: это «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [39, с. 106]. Прецедентный текст – это определенный элитарный текстовый шаблон национальной культуры, подлежащий

анализу и изучению личностью на этапе его социализации в рамках национально-лингвокультурного пространства и который постоянно используется в нем.

В текстах лирико-философской прозы **А.П.Чудакова**, **В.А.Солоухина**, **И.Е.Ракши** и **А.Алёхина** примеров прецедентных текстов не выявлено.

Анализ картотеки примеров А.П.Чудакова начитывает 141 единицу прецедентных феноменов, из них *прецедентное имя* – 122 единицы; *прецедентная ситуация* – 1 единица; *прецедентное высказывание* – 18 единиц; *прецедентный текст* – 0 единиц. Анализ картотеки примеров В.А.Солоухина начитывает 69 единиц прецедентных феноменов, из них *прецедентное имя* – 60 единиц; *прецедентная ситуация* – 0 единиц; *прецедентное высказывание* – 9 единиц; *прецедентный текст* – 0 единиц. Анализ картотеки примеров И.Е.Ракши начитывает 379 единиц (включая «Монолог без конца» – 143 единиц прецедентных феноменов (из них *прецедентное имя* – 74 единицы; *прецедентная ситуация* – 2 единицы; *прецедентное высказывание* – 67 единиц; *прецедентный текст* – 0 единиц); «Разговор о будущем» – 145 единиц (из них *прецедентное имя* – 66 единиц; *прецедентная ситуация* – 1 единица; *прецедентное высказывание* – 78 единиц; *прецедентный текст* – 0 единиц); «Звезда на ладони» – 91 единица (из них *прецедентное имя* – 42 единицы; *прецедентная ситуация* – 2 единицы; *прецедентное высказывание* – 47 единиц; *прецедентный текст* – 0 единиц), из них *прецедентное имя* – 182 единицы; *прецедентная ситуация* – 5 единиц; *прецедентное высказывание* – 192 единицы; *прецедентный текст* – 0 единиц. Картотека примеров Алексея Алёхина начитывает 178 единиц прецедентных феноменов, из них *прецедентное имя* – 166 единиц; *прецедентная ситуация* – 11 единиц; *прецедентное высказывание* – 1 единица; *прецедентный текст* – 0 единиц. Данные представлены в Приложении 3 (Таблица 3).

В ходе проведенного исследования были проанализированы наиболее актуальные направления изучения категории прецедентности и прецедентных феноменов, к числу которых относится их изучение с позиции лингвокреативности.

Изучение введенного в наше исследование лингвокреативного параметра «прецедентный феномен» выявило специфику его активизации в лирико-философских текстах. Согласно полученным данным, эта специфика определяется:

- 1) автономностью прецедентных феноменов от близких языковых явлений интертекстуальности в реализации креативного потенциала элитарной культурно-языковой личности в лирико-философской прозе XX–XXI веков;
- 2) использованием определенного типа прецедентных феноменов (прецедентного имени, прецедентного высказывания, прецедентной ситуации) у каждой из ЭКЯЛ;
- 3) отнесенностью к конкретному источнику – наибольшее количество используемых в лирико-философской прозе XX–XXI веков прецедентных феноменов относятся к сфере искусства, философии, религии;
- 4) креативные модификации прецедентных феноменов, репрезентирующих эффект языковой игры, иронии, комизма.

Таким образом, анализ выделенных нами прецедентных феноменов позволяет отнести лирико-философскую прозу А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, И.Е.Ракши и А.Алёхина к элитарному типу речевой культуры, которая «основана на широком охвате сознанием говорящего (пишущего) разнообразных прецедентных текстов, имеющих непреходящее общекультурное значение» [90, с. 191], так как они владеют достижениями зарубежной и национальной традиции, знаниями артефактов материальной культуры, шедевров искусства и литературы, научных, музыкальных, архитектурных шедевров и т.д., т.е. прослеживается неограниченная и глубокая активная область интертекста» [120].

3.4. Авторская афористика как репрезентация лингвокреативности в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков

Лингвистическая креативность представляет собой нетривиальный подход элитарной культурно-языковой личности к использованию уже существующих языковых единиц. Пространство языкового креатива обнаруживается в разных видах лингвокреативной деятельности, проявляющейся как в способности к реализации креативной идеи в прагматических целях (применение креативной языковой игры), так и в создании «прецедентов новизны». Это дает основание для выделения лингвистики креатива как области изучения разных форм (параметров) проявления вербальной креативности. Параметром лингвокреативности элитарной культурно-языковой личности помимо вышеперечисленного можно считать *афористичность*, заключающуюся в создании новых лаконичных, образных и структурно завершенных высказываний, переосмысляющих содержание языковых знаков. Способность к продуцированию афористики демонстрирует способность элитарной культурно-языковой личности модифицировать фразеологию, использовать языковую игру, метафоры для создания новых культурно значимых смыслов, при этом фиксируются и культурные концепты, делая языковую креативность признаком ментальности субъекта творческой деятельности. Лингвокреативный потенциал элитарной культурно-языковой личности заключается в способности не только продуцировать новые афоризмы, но и в указании на источник, когда «маркируются вариации или корректировки прецедентного текста» [151, с. 86-87]. Репрезентация «прецедентных» афоризмов осуществляется посредством цитат, эпитафий и метатекста. Афоризм обладает такими признаками, как наличие слов-концептов, информативная плотность, обобщенность, претензия на истинность, законченность» [1, с. 132].

«Проблема афористики, ее определения, как отдельной семантической единицы, рассматривалась, начиная с XIX века, и остается актуальной до

настоящего времени. Отечественные и зарубежные исследователи неоднозначно определяют термин «афоризм». «Парадоксальным беллетристом» английской афористики считается Б.Шоу, чьи ироничные и мудрые суждения основаны на принципах парадоксальности, жесткого влияния научного познания на духовную сферу и сферу искусства. Отсюда следует определение афоризма как индивидуального креативного высказывания автора, отражающего его философское, нравственное, интеллектуальное и эстетическое мировоззрение, критикующее традиционные устои и законы общества, и производящее «ошеломляющий» эффект.

В отечественной общелингвистической справочной литературе термин «афоризм» либо толкуется неоднозначно, либо отсутствует. Его нет ни в одном из четырех версий «Лингвистического энциклопедического словаря» (1990, 1998, 2000, 2002), нет в большинстве словарей лингвистических терминов, например, О.С.Ахмановой (1966, 1969 / 2004), Т.В.Жеребило (2005, 2010, 2016), В.Д.Старичонка (2008)» [72, с. 390-391].

В «Кратком словаре лингвистических терминов» (1995) Н.В.Васильевой, В.А.Виноградова, А.М.Шахнаровича афоризм определяется, как «краткое, отточенное по форме изречение, содержащее обобщенную и законченную мысль» [176, с. 17]. В «Полном словаре лингвистических терминов» Т.В.Матвеевой (2010) дается следующее определение афоризма: «устойчивое выражение, кратко, обобщенно, в отточенной форме выражающее умную мысль» [181, с. 31].

Словарная статья «афоризм» включена в лингвистические энциклопедии (например, русского языка, белорусского языка, украинского языка и др.). Однако в энциклопедических лингвистических источниках понятие «афоризм» толкуется неоднозначно.

В энциклопедии «Русский язык» Ю.Н.Караулова (1997) указывается, что понятие «афоризм» – это «устойчивое изречение, содержащее обобщенную и законченную мысль о каком-либо явлении действительности и выраженное в лаконичной (часто парадоксальной) форме» [183, с. 42]. Однако исследователь акцентирует внимание на том, что афоризм «не имеет общепринятого

определения» [183, с. 42]. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» А.Н.Николюкина (2001) афоризм определяется как «обобщенная мысль, выраженная в лаконичной, художественно заостренной форме (обычно с помощью антитезы, гиперболы, параллелизма и пр.)» [180, с. 64].

По нашему мнению, наиболее плодотворно изучение афоризма с лингвофилософских позиций, поскольку центральным смысловым содержанием афористики являются отношения «человек – мир», что включает онтологический, гносеологический, аксиологический и антропоцентрический аспекты. Как правило, авторские афоризмы содержат глубокий философский смысл, поскольку афоризм по определению представляет собой форму мудрой мысли, а мудрость невозможна без размышления, сомнения, вопрошания, задумчивости – тех психологических состояний, которые являются условиями философствования. В противоположность философской, «бытийной» афористике, насыщенной осмыслением «вечных» ценностей, существует и афористика обыденного сознания, которая возникает в результате наивного философствования, представляющего собой, по мнению С.В.Борисова, «спонтанный процесс интеллектуальной деятельности, не выходящий за границы обыденно-практического знания и опирающийся на мифологическое сознание» [18]. Наивная картина мира в афористике означает, что знание, зафиксированное в ней, бывает объективно, но чаще оно обусловлено системой мнений, жизненным опытом, субъективной интуитивной картиной мира автора.

Особенностью афоризма в художественном творчестве является то, что философская мысль облечена в индивидуально-авторскую образную форму, заключена в метафорическую оболочку, демонстрирует творческий характер литературной деятельности, поэтому справедливо мнение И.Шевелева о том, что афоризм – это «либо философия на грани искусства, либо искусство на грани философии» [163, с. 89].

Таким образом, *афоризм – это высказывание, концептуальное по содержанию, образное по художественной форме, отражающее способ речемыслительной деятельности автора, авторского сознания отличающихся*

парадоксальностью, антитетичностью, субъективностью восприятия общепринятых истин.

Художественный текст благодаря реализуемым в нем афоризмам становится национально маркированным, усиливается его прецедентность, возрастает степень точности и емкости передачи авторской мысли. Между афоризмами и прецедентными высказываниями и текстами существуют значимые коррелятивные связи, которые разворачиваются в сфере создания основы для функционирования аллюзий и реминисценций, обращения к фоновым знаниям и осуществления принципа «языковой экономии». Границы излагаемой мысли благодаря афоризмам расширяются: их использование в художественном тексте позволяет наделить частные суждения универсальным смыслом, ввести глубокий философский подтекст, сделать важные обобщения, передать иронию и/или самоиронию языковой личности. Функционирование афоризмов в художественном тексте способствует фиксированию данного текста в координатах конкретной лингвокультуры, развитию или активизации ассоциативных связей в лингвокогнитивной деятельности той или иной культурно-языковой личности, позволяя наделить ее признаком элитарности, проявляющуюся в эрудированности, культурной маркированности. В этой связи также необходимо подчеркнуть, что введение афоризма в художественный текст происходит из целостного объема фоновых знаний элитарной культурно-языковой личности, актуализируемого впоследствии при создании художественного текста.

Афористика обладает большим потенциалом, связанным с реализацией авторских интенций. Потребность в выражении имплицитного смысла объясняется закономерностями отдельной семантической единицы особенностями лингвокреативного мышления элитарной культурно-языковой личности, продуцирующей афристику. позволяя выявить практически безграничные возможности изображения действительности в неожиданном ракурсе, открывающие новые пути освоения картины мира элитарной культурно-языковой личности через особенности его индивидуального стиля.

Афоризмы, выделенные нами в лирико-философской прозе XX–XXI веков отличаются максимально кратким и одновременно исчерпывающим определением понятия, явления, ситуации, фиксирующих накопленный личный жизненный опыт, многообразный народный опыт, меткие наблюдения «бытия и быта» человека, философские размышления о литературе и искусстве, о прошлом и будущем творческой личности, страны, мира. Задача авторов лирико-философской прозы – А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, И.Е.Ракши, А.Алёхина – состоит в том, чтобы донести до читателя не только универсальный смысл бытия человека в мире, но и собственную точку зрения на те или иные явления действительности, в том числе обиходно-бытового характера. Данная авторская задача реализуется через содержательно-смысловые характеристики афоризма.

Согласно проведенным наблюдениям, афоризмы лирико-философской прозы исследуемых авторов содержательно и тематически противопоставлены на уровне антитезы концептов «бытие» – «быт», то есть афоризмов «бытийной» проблематики («вечные», философские онтологические истины и ценности) и «бытовой». «Бытийные» темы охватывают, главным образом, сферу «вечных культурных ценностей»: 1) литературы (проза, поэзия, классическая (русская) литература, современная литература, зарубежная литература); 2) искусства (музыка, живопись, архитектура); 3) «бытия» мира и человека (мир души и духа писателя и человечества)» [72, с. 391-392]. «Бытовая» проблематика отражает реалии повседневной жизни человека: дом, образ жизни «простого» человека, обиходные житейские истины, жизненный опыт или, по выражению В.А.Солоухина, *«житейская каша»* [171, с. 278]), или *«аксиомы бытовухи»* (по мнению И.Е.Ракши) [169, с. 310]).

Анализ языковых средств, способных реализовать эффект антитетичности языковой картины мира исследуемых авторов на уровне продуцирования афористики, позволяет констатировать, что к основным средствам можно отнести: 1) лексическую антонимию (общезыковую и индивидуально-авторскую); 2) активное использование синтаксических конструкций с противительными союзами *а, но, зато, однако, напротив, в то время как и др.*;

- 3) сочетание отрицательной частицы *не* с союзами (*не потому...а потому*) или с различными разрядами местоимений (*это не..., это то; это не..., но и; на тех, кто...на тех, кто не; не...это и есть; одни...а другие, но и то, и другое*);
- 4) использование фигуры синтаксического параллелизма, как правило, в сочетании с анафорой.

Кроме того, важно подчеркнуть, что языковые средства выражения антитетичности языковой картины мира ЭКЯЛ в анализируемых примерах семантически прозрачны, легко декодируются читателем и способствуют созданию эффекта контраста, усилению эмоционального напряжения, укрепления аргументации.

Приведем примеры антитетичности языковой картины мира исследуемых авторов, где антитетичность «бытийных» и «бытовых» афоризмов является наиболее показательной:

А.П.Чудаков: *«Люди делятся на две категории: **одни** хотят жить здесь и сейчас, с максимальным телесным и душевным комфортом; **другие** – в памяти потомков, своих книгах, стихах, мелодиях, и ради этого готовы на любые лишения здесь и сейчас»* [172, с. 645].

В.А.Солоухин: *«**Народ** – это не механическое соединение миллионов человек...**Народ** – это то, что он создал за свою многовековую историю и что, в свою очередь, создало и сцементировало его сложной системой исторических и нравственных идеалов»* [171, с. 39]; *«Ландшафт во всей его сложности и совокупности – это не просто лицо Земли, лицо страны, но и лицо данного общества»* [171, с. 230]; *«Все люди делятся на две категории: на тех, кто сначала съедает лучшие кусочки, оставляя худшее на конец, и на тех, кто сначала съедает худшее»* [171, с. 292]; *«Ферзь силен не потому, что ему дано больше других, а потому, что другим дано меньше»* [171, с. 307].

И.Е.Ракша: *«Краткость не сестра таланта. Краткость – это и есть талант»* [169, с. 221]; *«Талант – это мера. Гений – это безмерность. Но и то, и другое от Бога»* [169, с. 221]; *«Дружба – вещь ценная, как хрустальная ваза, но не вечная и очень хрупкая»* [168, с. 52]; *«Есть проза написанная, а есть проза–*

рожденная» [170, с. 135]; *«Корни успеха в популизме, в шелесте. А корни величия в глубине»* [170, с. 205]; *«Космополит говорит, где хорошо, там и Родина. Патриот говорит, где Родина. там и хорошо»* [170, с. 104]; *«Когда некто неспособен достичь высот в реализме, он начинает тешить себя в авангарде. В разных перформансах и прочих ненормальных «изысках»* [170, с. 142]; *«Преступная безнаказанность порождает преступную же вседозволенность»* [168, с. 47].

А.Алёхин: *«За столом надо, чтобы еде было тесно, а гостям – просторно»* [167, с. 136]; *«Умный усаживается в самом красивом уголке сада. А мудрый – чуть в стороне: чтобы любоваться этой красотой»* [167, с. 164]; *«Молодость – это когда хочется объять необъятное. Старость – это когда необъятное уже начинает обнимать тебя»* [167, с. 230]. *«Разница между собаками и кошками та, что первые почитают всех людей мудрецами, а вторые – недоумками»* [167, с. 280]; *«Создатель ведь и людей поделил на хищных и травоядных»* [167, с. 336]; *«У дальнозорких расплывшиеся за линзами глаза кажутся внимательными и даже добродушными. А у близоруких – маленькими и злыми»* [167, с. 406].

Далее представим количественный анализ афористики, отражающей противопоставления «бытие» – «быт» в речевой репрезентации ЭКЯЛ исследуемых авторов.

Собранная картотека примеров афоризмов А.П.Чудакова в приложении «Из дневников, записных книжек, писем» составляет 16 единиц, из них 12 единиц относятся к «бытийной» группе – «вечных культурных ценностей, 4 единицы – к «бытовой» группе, то есть к концепции «повседневного мира человека».

Картотека примеров афоризмов В.А.Солоухина в прозе «Камешки на ладонях» составляет 54 единицы, из них 39 единицы относятся к первой «бытийной» группе – «вечных культурных ценностей, 15 единиц – к «бытовой» группе, то есть к концепции «повседневного мира человека».

Собранная картотека примеров афоризмов И.Е.Ракши в прозе «Монолог без конца» (2021 г.) составляет 181 единицу, из них 138 единиц относятся к первой

«бытийной» группе – «вечных культурных ценностей, 43 единицы – к «бытовой» группе, то есть к концепции «повседневного мира человека». В прозе «Разговор о будущем» (2021 г.) картотека афоризмов составляет 91 единицу, из них 78 единиц относятся к первой группе, 13 единиц – ко второй группе, в прозе «Звезда на ладони» (2023 г.) 70 афоризмов, из них 53 единицы относят к первой группе, 17 единиц – ко второй группе. Всего картотека примеров из трех текстов И.Е.Ракши составляет 342 единицы афоризмов.

Картотека примеров афоризмов Алексея Алёхина в прозе «Варенье из падалицы» (2021 г.) составляет 105 единиц, из них 76 единиц относятся к первой «бытийной» группе – «вечных культурных ценностей, 29 единиц – к «бытовой» группе, то есть к концепции «повседневного мира человека» (см. Приложение 4 (Таблица 4).

Таким образом, большинство афоризмов из собранной картотеки примеров, по нашему мнению, представляют собой примеры «вечных» философских истин и ценностей, облеченных в художественно-образную афористическую форму, противопоставленных оригинальным афоризмам «бытовой» тематики.

Некоторые из афоризмов, несмотря на объемность, представляют ценность как репрезентирующие речевую способность ЭКЯЛ к продуцированию оригинальной индивидуально-авторской образности: использования окказионализмов, контекстуальной антонимии, оригинальных авторских метафор, сравнений, гиперболичности восприятия, которые в силу своей смысловой прозрачности легко декодируются читателем. Приведем примеры:

В.А.Солоухин: *«Каждое слово без исключения может **звенеть**, будучи поставленным на свое место. Слова одни и те же, но в одном случае из них получается **фарфор, бронза, медь**, а в другом случае – **сырая клеклая глина**. Один **поет**, а другой **хрипит**. Один **чеканит**, другой **мямлит**. Одна строка как бы **светится изнутри**, другая **тускла и даже грязна**. Одна похожа на **драгоценный камень**, другая – на **комоч замазки**»* [171, с. 6].

И.Е.Ракша: *«Искусство – это всегда **преодоление**, всегда **боль**. Это **чувственность**. Порою до слез. Все остальное, иное – это не искусство. Это либо*

информация, журналистика, либо **красивости**, либо **щенячьи восторги**» [169, с. 254]; «**Любовь** – это обязательно и всегда **страдание**. Любовь и обнаруживают, и определяют именно по **страданию**, по **состраданию**. Нет страдания – значит, нет и любви. Чем любовь сильнее, тем страдание бывает сильнее, больнее» [168, с. 84].

А.Алёхин: «Хорошая погода как **Царство Божие** – она внутри нас» [167, с. 80]; «Господь создал чашечку чая с лимоном. И увидел, что это хорошо» [167, с. 207]; «**Смерть** – это такой знак прерывания. **Вроде точки**» [167, с. 274]; «В саду всегда имеешь дело с **вечностью**. То, что выполол, снова зарастет, то, что сажал, засохнет. И сад останется **прежним садом**» [167, с. 384]; «Коты бывают **зверовидные** и **ангеловидные**. Но сущность у них одна» [167, с. 482]. «Душевные муки **болезненны**, но **полезненны**» [167, с. 342].

С точки зрения архитектоники авторские афоризмы в лирико-философском субдискурсе чаще всего представлены на уровне использования словесного парадокса, который способен эксплицировать интеллектуальную и эстетическую тонкость ЭКЯЛ.

Парадокс – это «формально-логическое противоречие, которое возникает в содержательном множестве теорий и формальной логике при сохранении логической правильности рассуждений» [186, с. 411-412], причем, как правило, парадокс выражает «мнение, рассуждение, резко расходящееся с общепринятым, противоречащее (иногда только на первый взгляд) здравому смыслу» [177, с. 209]. Именно понятие здравого смысла является ключевым для понимания природы парадокса как явления и как литературного приема.

В «Литературной энциклопедии» парадокс – это «выражение, в котором вывод не совпадает с посылкой и не вытекает из нее, а, наоборот, ей противоречит, давая неожиданное и необычное ее истолкование» [73]. В «Большом энциклопедическом словаре» парадокс – это «неожиданное, непривычное, расходящееся с традицией утверждение, рассуждение или вывод» [175]. В современной лингвистике парадокс часто рассматривают как разновидность оксюморона, с помощью которого создается иронический, комический эффект,

являющийся экспрессивной основой шутки, анекдота, загадки. Именно на уровне словесного парадокса создается эффект языковой игры автора и читателя, которую способна эксплицировать ЭКЯЛ.

Как показывают количественные данные собранной картотеки примеров, в прозе А.П.Чудакова лишь 2 единицы являются афоризмами, построенными на использовании словесного парадокса; в прозе «Камешки на ладони» В.А.Солоухина – 24 единицы; в прозе И.Е.Ракши «Монолог без конца» – 15 единиц, «Разговор о будущем» – 2 единицы, «Звезда на ладони» – 4 единицы афоризмов-парадоксов. Приведем примеры продуцирования афоризмов-парадоксов у исследуемых авторов:

А.П.Чудаков: *«Мир становится все абсурднее и хаотичнее, но писатель не должен рабски это отражать, а в душе своей держать идею сдерживающей гармонии, чтобы все не рассыпалось уж совсем на куски»* [172, с. 655]. *«Разговор об искренности (всерьез) может возникнуть только между людьми, которые постоянно лгут»* [171, с. 80]; *«Он имеет право писать плохо, потому что он пишет очень много. Ты пишешь мало – и тебе плохо писать нельзя»* [171, с. 41].

И.Е.Ракша: *«Человек – это тот, кто может все. И в то же время не может ничего. Без Бога»* [169, с. 36]; *«Нет ни одной народной мудрости, с которой бы не поспорила другая народная мудрость»* [169, с. 321]; *«Судьба того, кто ушел, зависит от того, кто остался»* [169, с. 329]; *«Атеизм – это тоже вера. Правда, слепая и тупиковая»* [169, с. 332]; *«Наша земная жизнь, даренная Богом, временна. И дана нам для жизни вечной»* [168, с. 87].

В прозе **А.Алёхина** афоризмы-парадоксы не обнаружены.

Близкой по смыслу к словесному парадоксу считается художественная структура «остранения». «Остранение» – некая аномальность, алогизм, строящийся на сознательном нарушении автором естественных логических связей в пределах языковой или текстовой единицы. Прием остранения способен создавать различные эффекты языковой игры, в основе которых лежит алогизм – разрушение естественного представления о предмете, смещающее пропорции и

выражающее *абсурдное восприятие* с точки зрения обыденного сознания» [71, с. 1263-1264].

В смысловой структуре отдельных афоризмов авторами намеренно репрезентируется нарушение причинно-следственных связей, посредством фигуры «остранение»:

В.А.Солоухин: *«Лучше всего исполнять какую-либо должность можно тогда, когда не боишься ее потерять»* [171, с. 25]; *«Лебедю для того, чтобы казаться величественным, незачем быть величиной с носорога или слона»* [171, с. 91]; *«Важнее, что сказано, а не как. «Что» можно проглотить целиком, а «как» – нельзя»* [171, с. 63]; *«Писатель не может считать себя плохим писателем и одновременно писать»* [171, с. 313].

И.Е.Ракша: *«В мире все прочно и накрепко скроено, слито, взаимосвязано, и нарушитель всего – человек-грешник»* [168, с. 73];

А.Алёхин: *«Чем больше места занимает в человеке желудок, тем меньше – душа»* [167, с. 129]; *«Старость подарила мне чудесные очки: все кругом выглядят моложе. Кроме отражения в зеркале»* [167, с. 316]; *«До старости все чему-то учишься. То новому Windows'у, то правилам парковки, то обращению с микроволновкой. Пока не придет время учиться умирать»* [167, с. 341]; *«Чтобы тишина сделалась выпуклой, необходимо тиканье стенных часов»* [167, с. 482]. *«Это у взрослых указательный палец. А у детей – вопросительный»* [167, с. 377].

В прозе А.П.Чудакова лишь 1 единица является афоризмом, построенным на использовании приема «остранение»; в прозе «Камешки на ладони» В.А.Солоухина – 4 единицы; в прозе И.Е.Ракши «Монолог без конца» – 0 единиц, «Разговор о будущем» – 1 единицы, «Звезда на ладони» – 2 единицы; в прозе А.Алёхина – 4 единицы.

Отдельно необходимо проанализировать примеры авторских афоризмов, представленных по структуре одним предложением, демонстрирующими высокую креативную способность ЭЖЯЛ продуцировать максимальную смысловую нагрузку минимальным количеством слов. При этом лаконизм выражения обогащается эффектом языковой игры с коннотациями иронии, юмора, комизма,

легко считываемой прецедентности, параномазии. В результате лаконичные, но информативные по содержанию афоризмы не только отличаются концептуальной цельностью и содержательной завершенностью, но и быстро запоминаются. Среди всех исследуемых авторов к такой структурной форме творчески тяготеют И.Е.Ракша и А.Алёхин. Приведем немногочисленные примеры:

А.П.Чудаков: *«Гордыня – всегда ржавчина и яд»* [172, с. 569].

И.Е.Ракша: *«Не бывает напрасным прекрасное, все прекрасное не напрасно»* [169, с. 36]; *«Никто и ничто не может заставить любить, а ненавидеть – может»* [169, с. 320]; *«Равнодушие равняется бездушию»* [170, с. 151]. *«Нельзя быть на трапезе и у **Бога**, и **беса** одновременно»* [168, с. 91].

А.Алёхин: *«Золотая середина – это масло между хлебом и икрой»* [167, с. 31]; *«Гармоничная писательская пара: у нее – формы, у него – содержание»* [167, с. 427]. *«Если солнце напекло тебе **правую щеку** – **подставь левую**»* [167, с. 189]; *«Бывают **душевные** девушки, а бывают **телесные**»* [167, с. 198]; *«И прожили душа в душу – **от Мендельсона до Шопена**»* [167, с. 201]; *«Влюбленные вечно путают **душу с телом**»* [167, с. 214]; *«**Титаник** – это же несостоявшийся **Ковчег**»* [167, с. 273, 416]; *«**Это у взрослых указательный палец. А у детей – вопросительный**»* [167, с. 377].

Таким образом, афористика лирико-философской прозы XX–XXI веков представляет собой яркие и глубокие образно-речевые изречения, метко характеризующие жизненные явления и ситуации, поражающие тонкостью ума и художественным совершенством, отточенностью формы.

Афоризмы лирико-философской прозы XX–XXI веков – емкие, точные, меткие – характеризуются своеобразным синтезом «осмысления и чувствования» окружающего мира.

Таким образом, на основе проведенного исследования был выделен такой параметр лингвокреативности как афористичность, свидетельствующая о высоких творческих потенциях элитарной культурно-языковой личности и отличающаяся оригинальной индивидуально-авторской эстетикой (образностью, парадоксальностью, экспрессией). ЭКЯЛ способна продуцировать как

философскую («бытийную») проблематику, так и прагматико-обиходную («бытовую»). Именно антитеза концептов «бытия» и «быта» становится языковой основой лирико-философских интенций творческих личностей XX–XXI веков.

Выводы по главе 3

1. Лингвокреативность выступает ключевым механизмом текстообразования в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков. Она представляет собой инструмент анализа концептуальных культурно обусловленных оснований языковой системы, позволяющий исследовать способы формирования и функционирования языковых подсистем в дискурсивной практике ЭЖЯЛ.

2. Элитарная культурно-языковая личность способна к лингвокреативной деятельности: продуцированию афористики, языковой игры, прецедентности на основе реализации главной смысловой константы – лингвокультурного концепта «бытие». Способы репрезентации лингвокреативности являются значимыми показателями в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков, демонстрируя высокую степень культурной маркированности и эрудированности творческих личностей.

3. Языковая игра, классифицированная по традиционной уровневой модели языка (фонетическая, морфологическая, словообразовательная, лексико-фразеологическая, синтаксическая), становится способом реализации креативных возможностей ЭЖЯЛ, приемом выражения скрытого подтекста и средством демонстрации возможностей языковой системы.

4. Сопоставительный анализ языковой игры как параметра лингвокреативности в прозе А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, И.Е.Ракши, А.Алёхина

выявил типологически сходные, но индивидуально реализованные стратегии: А.П.Чудаков тяготеет к познавательно-рефлексивному словотворчеству; В.А.Солоухин – к этимологическому осмыслению языка; И.Е.Ракша – к эмоционально окрашенным словообразовательным моделям; А.Алёхин – к ироничному словотворчеству.

5. Анализ параметра «прецедентный феномен» выявил автономность от интертекстуальности. Прецедентные имена, прецедентные высказывания и прецедентные ситуации отнесены преимущественно к сфере искусства, философии и религии. Креативные модификации прецедентных феноменов, репрезентирующие эффекты языковой игры и иронии, позволяют отнести А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, И.Е.Ракши, А.Алёхина к элитарному типу речевой культуры, основанному на широком охвате национального и зарубежного культурного наследия.

6. Афористичность как параметр лингвокреативности свидетельствует о высоких творческих потенциях ЭКЯЛ и отличается оригинальной индивидуально-авторской эстетикой (образностью, парадоксальностью, антонимией, экспрессией). Языковой основой афористики выступает антитеза концептов «бытие» – «быт». Противопоставление «вечных» философских истин и «бытовых» аксиом становится лирико-философской интенцией исследуемых авторов, реализуемой через лексическую антонимию, противительные союзы и синтаксический параллелизм.

7. Выявленные проявления лингвокреативности являются дискурсивно обусловленными, поскольку они не могут быть поняты вне контекста лирико-философской прозы; выполняют смыслообразующую, а не только эстетическую функцию; связаны с реализацией базового лингвокультурного концепта «бытие» в его диалектике «бытийного» и «бытового».

8. Количественно-качественный анализ репрезентации лингвокультурного концепта «бытие» ЭКЯЛ в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков показал значительное увеличение единиц языковой игры, прецедентных феноменов и афоризмов первой четверти XXI века

(13 223 единиц) по сравнению с 1912–1930 гг. (3781 единица), что свидетельствует о расширении тематического охвата прозы, увеличении культурной глубины и многослойности текстов, а также становлении лирико-философской прозы как важной литературной практики, отражающей изменения в интеллектуальных течениях эпохи.

9. Проза «потока сознания» В.В.Розанова («Уединенное», «Опавшие листья») послужила отправной точкой в формировании субдискурса – лирико-философской прозы XX–XXI веков. Данный субдискурс заложил традиции синтеза «бытийного» и «бытового» нарративных уровней, которые были творчески переосмыслены и реализованы через призму лингвокреативности в творчестве авторов XX–XXI веков (А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, И.Е.Ракши и А.Алёхина).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное диссертационное исследование позволило достичь поставленной цели – репрезентировать ЭКЯЛ с позиций концептуального и лингвокультурологического методов и разработать алгоритм ее комплексного анализа в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков. Решение обозначенных задач обеспечило получение следующих основных результатов:

1. Систематизирована теоретико-методологическая база исследования на основе уточнения базовых терминов (языковая личность, элитарная языковая личность, культурно-языковая личность; художественный дискурс, субдискурс; концепт, лингвокультурный концепт) и введения в научный оборот нового уточненного термина «элитарная культурно-языковая личность» (ЭКЯЛ) – *это субъект речевой деятельности, обладающий системным историко-культурным сознанием и развитыми лингвокреативными способностями, который на основе взаимодействия национальных культурно-языковых кодов способен к свободному дискурсивному переключению и продуцированию оригинальных «культураносных» текстов.*

2. Русская лирико-философская проза XX–XXI веков определена как «особый вид художественного дискурса – субдискурс, характеризующийся синергетическим единством экстралингвистических (лирико-философская и культурологическая деятельность творческой личности) и лингвистических (языкотворческие потенции ЭКЯЛ) факторов текстообразования». Ключевыми дискурсивными признаками данного субдискурса выступают: фрагментарность структуры, жанровая неопределенность, ассоциативность, продуцирование лирико-философских нарративов, базирующихся на экспрессивизации, лингвокреативности, рефлексивности авторского «я». Литературной традицией, точкой отсчета формирования и развития данного нарративного типа, является новаторская проза «потока сознания» В.В.Розанова («Уединенное», «Опавшие

листья»)), репрезентирующая образ лирической сверхчуткой к миру языковой личности, отвечающей характеристикам ЭКЯЛ.

3. Разработан алгоритм анализа элитарной культурно-языковой личности в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков: культурно-языковая личность – лингвокультурный концепт «бытие» – лингвокреативность элитарной культурно-языковой личности. Каждый этап опирается на результаты предыдущего, что обеспечивает логическую связность анализа и соответствует междисциплинарному характеру исследования, интегрирующего методы семантико-стилистического, дискурсивного, концептуального и лингвокультурологического анализа.

4. Выявлены и описаны языковые способы репрезентации лингвокультурного концепта «бытие» через параметры лингвокреативности ЭКЯЛ – языковую игру, прецедентные феномены, индивидуально-авторскую афористику. в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков. Лингвокультурный концепт «бытие» в русской лирико-философской прозе – не абстрактная философская категория, а живой синтез мысли и переживания, в котором интеллектуальное осмысление неразрывно с эмоционально-чувственным переживанием. Ядро концепта задает универсальное поле онтологических вопросов о сущности «бытия», тогда как периферия, формируемая уникальным балансом между философской рефлексией и лирическим переживанием, становится главным ценностным компонентом индивидуально-авторской картины мира. Именно в периферии совмещаются в русле единого художественного целого различные нарративные уровни репрезентации бытия: от научно-философского («бытийного») до лирического, частно-житейского, социально-обиходного («бытового»). Подобное лирико-философское переживание и осмысление мира возможно исключительно на уровне носителей элитарной речевой культуры.

Количественно-качественное сопоставление способов реализации лингвокультурного концепта «бытие» на основе анализа лингвокреативности в репрезентации ЭКЯЛ А.П.Чудакова, В.А.Солоухина, И.Е.Ракши, А.Алёхина показал, что лингвокультурный концепт «бытие» вербализуется в языке рядом

родственных лексем, образующих ядро («бытийность», мир, реальность, оппозиции «жизнь» – «смерть», восприятие времени и пространства как глобальных категорий мира) и периферию концепта: «быт» («вещный мир»), творческий мир автора, душа, искусство, демонстрируя эволюцию в контексте индивидуального и коллективного сознания (от научно-философской фиксации А.П.Чудакова и лирико-созерцательного единства с природой В.А.Солоухина – к нравственно-этической и духовно-религиозной рефлексии И.Е.Ракши и иронично-философскому срезу А.Алёхина).

Анализ репрезентативной выборки (970 единиц языковой игры, 767 – прецедентных феноменов, 517 – авторских афоризмов) показал, что у каждого автора формируется индивидуальная система лингвокреативных приемов: у А.П.Чудакова доминирует лексическая игра с познавательно-рефлексивной семантикой, у В.А.Солоухина – лексическая и словообразовательная с этимологической рефлексией, у И.Е.Ракши – морфологическая и словообразовательная с эмоционально-оценочной окраской, у А.Алёхина – синтаксическая с ироничным переименованием действительности.

Количественно-качественный анализ трех временных периодов (1912–1930 гг., 1940–1980 гг., первой четверти XXI века) выявил значительное увеличение единиц языковой игры, прецедентных феноменов и афоризмов в XX–XXI веках (13 223 единицы) по сравнению с 1912–1930 гг. (3781 единица), что свидетельствует о расширении тематического охвата, увеличении культурной глубины и многослойности текстов, а также становлении лирико-философской прозы как важной литературной практики, отражающей изменения в культурных и интеллектуальных течениях XX–XXI веков.

Результаты проведенного исследования позволяют определить дальнейшие научные перспективы: используемый в настоящей диссертации алгоритм анализа элитарной культурно-языковой личности позволяет расширить объект исследования за счет изучения проблемы ЭКЯЛ для лингвокультурологического анализа других субдискурсов художественного дискурса, определить, какой из параметров элитарной культурно-языковой личности – индивидуальный или

коллективный – принимается как исходный или наиболее значимый, а также выработать и/или совершенствовать алгоритм их комплексного изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1) Авдеева, А. С. Афоризм: понятие, лингвистический статус, структурно-содержательная специфика / А. С. Авдеева, Т.Е. Водоватова. // Вестник Международного института рынка. – 2017. – № 2. – С. 127–134.
- 2) Апресян, Ю. Д. Избранные труды : Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
- 3) Арефьева, А. М. Элитарная языковая личность : история вопроса / А. М. Арефьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – № 6 ; То же // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elitarnaya-yazykovaya-lichnost-istoriya-voprosa> (дата обращения: 21.01.2025).
- 4) Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сборник статей / И. В. Арнольд. – Москва : ЛЕНАНД, 2016. – 448 с.
- 5) Аскольдов-Алексеев, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов-Алексеев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – Москва : Academia, 2007. – С. 276–379.
- 6) Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста. Основные теории, принципы и аспекты анализа / Л. Г. Бабенко. – Москва : Академический Проспект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. – 464 с.
- 7) Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 103 с.
- 8) Базилевич, В. Б. Языковая игра как форма проявления лингвистической креативности / В. Б. Базилевич // Филологические науки. Вопросы теории и практики : электронный журнал. – 2015. – № 8 (50) : в 3 ч. –

Ч. III. – С. 20–22. – URL: <https://www.gramota.net/article/phil20151703/fulltext> (дата обращения: 21.01.2025).

9) Богин, Г. И. Концепция языковой личности : специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореф. дисс. ... д-р. филол. наук / Георгий Исаевич Богин. – Москва, 1982. – 36 с.

10) Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : специальность 10.02.19. «Теория языка»: дисс. ... д-р. филол. наук : / Георгий Исаевич Богин. – Ленинград, 1984. – 354 с.

11) Богин, Г. И. Противоречия в процессе формирования речевой способности / Г. И. Богин. – Калинин : Калининский ун-т, 1977. – 84 с.

12) Богин, Г. И. Современная лингводидактика / Г. И. Богин. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.

13) Богин, Г. И. Типология понимания текста / Г. И. Богин. – Калинин : КГУ, 1986. – 87 с.

14) Бодуэн де Куртэне, И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. / И. А. Бодуэн де Куртэне. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1969. – 391 с.

15) Болдырев, Н. Н. Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. – С. 25-36.

16) Болдырев, Н. Н. Концептуальные основы языка / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. IV: Концептуализация мира в языке. – Москва : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 25–77.

17) Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. – Москва : КомКнига, 2006. – 288 с.

18) Борисов, С. В. Наивное философствование как познавательная деятельность / С. В. Борисов // Известия Волгоградского государственного

педагогического университета. Сер.: Социально-экономические науки и искусство. – 2008. – № 8 (32). – С. 4–7.

19) Бутакова, Е. С. Лингвистическая креативность в томской эргономии / Е. С. Бутакова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 3 (131). – С. 146–152.

20) Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Москва : Прогресс, 1989. – 310 с.

21) Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языка / А. Вежбицкая. – Москва: Языки русской школы, 1999. – 780 с.

22) Вендина, Т. И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания / Т. И. Вендина // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 45.

23) Виноградов, В. В. О языке художественной прозы. Избранные труды / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1980. – 360 с.

24) Витгенштейн, Л. С. Философские исследования / Л. С. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике : сборник статей. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 79–128.

25) Воркачев, С. Г. Культурный концепт и значение / С. Г. Воркачев // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер.: Гуманитарные науки. – Т. 17. – Вып. 2. – С. 268–276.

26) Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

27) Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – Москва : Гнозис, 2004. – 236 с.

28) Воркачев, С. Г. Этносемантика паремии: сопоставительный анализ метафоризированных показателей безразличия в русском и испанском языках / С. Г. Воркачев // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград ; Архангельск : Перемена, 1996. – С. 16–25.

29) Воробьев, В. В. Языковая личность и национальная идея / В. В. Воробьев // Народное образование. – 1998. – № 5. – С. 29.

- 30) Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва : Наука, 1981. – 139 с.
- 31) Гачев, Г. Д. Ментальности народов мира / Г. Д. Гачев. – Москва : Алгоритм ЭКСМО. – 2008. – 541 с.
- 32) Генералова, Л. М. Когнитивный анализ как метод изучения языковых явлений / Л. М. Генералова, Л. Н. Ребрина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 3. – С. 19–26.
- 33) Голубева, И. В. Человек в науке. К вопросу о речевом портрете ученого / И. В. Голубева, О. Л. Морозова // Наука о языке и Человек в науке : сб. науч. трудов Всероссийской науч. конф. Т. I. – Таганрог : Изд-во ТГПИ, 2010. – С. 142–147.
- 34) Гольдин, В. Е. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина // Вопросы стилистики : межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 25. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – С. 9–19.
- 35) Гольдин, В. Е. Речевая культура / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина // Русский язык. Энциклопедия / гл. редактор Ю. Н. Караулов. – Москва : Дрофа, 1998. – С. 412–414.
- 36) Гридина, Т. А. Метафоры детской речи как феномен лингвокреативного мышления и поэтической одаренности / Т. А. Гридина // Лингвистика креатива – 4 : коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург : ФГБОУ ВПО Урал. гос. пед. ун-т, 2018. – С. 11–39.
- 37) Гридина, Т. А. Языковая игра : стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 214 с.
- 38) Гришаева, Л. И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) // Феномен прецедентности и преемственности культур / под. общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – 18 с.

- 39) Гудков, Д. Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д. Б. Гудков // Вестник Московского университета. Сер.: 9, Филология. – 1997. – № 4. – С. 106–118.
- 40) Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1999. – 152 с.
- 41) Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков – Москва : ИТДГК Гнозис, 2003. – 288 с.
- 42) Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 1984. – С. 324.
- 43) Демьянков, В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста / В. З. Демьянков // Тетради новых терминов / сост. канд. филол. наук В. З. Демьянков. – Москва : [б. и.], 1982. – 289 с.
- 44) Демьянков, В. З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория / В. З. Демьянков // Язык и структуры представления знаний. – Москва : Изд-во ИНИОН РАН, 1992. – С. 39–77.
- 45) Демьянков, В. З. Система морфологической интерпретации текста / В. З. Демьянков // Семинар проекта «Диалог». – Тарту : ТГУ, 1982. – С. 23–26.
- 46) Дорофеев, Ю. В. Антропоцентризм в лингвистике и предмет когнитивной грамматики / Ю. В. Дорофеев // Актуальные проблемы современной когнитивной лингвистики : мат. XV Междунар. лингвистической конф. «Язык и мир». – Симферополь : Таврический национальный ун-т им. В. И. Вернадского. – 2008. – С. 302–309.
- 47) Евтюгина, А. А. Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого : (к проблеме идиостиля) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис ... канд. филол. наук / Алла Александровна Евтюгина ; Гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 1995. – 17 с.
- 48) Заботкина, В. И. Когнитивные основы лингвистической креативности / В. И. Заботкина // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVIII. Языки, культуры, модальности: Интеграция методов когнитивных исследований

языка / гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. – Тамбов : Издательский дом Державинский, 2019. – С. 208–216.

49) Заботкина, В. И. Креативность в лексиконе; взаимодействие когниции и коммуникации / В. И. Заботкина // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. Вып. 2. – Москва : КДУ : Университетская книга, 2018. – С. 22–25.

50) Зализняк, А. А. Языковая картина мира / А. А. Зализняк // Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. – URL: <http://www.krugosvet.ru/node/41681> (дата обращения: 03.07.2025).

51) Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца 20 столетия. (1985–1995). – Москва : Языки русской культуры, 1996. – С. 90–161.

52) Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – Москва : Просвещение, 1973. – 304 с.

53) Земская, Е. А. Язык в движении : к 70-летию Л. П. Крысина : [сборник статей] / [редкол. : отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук [и др.]. – Москва : Языки славянской культуры, 2007. – 663 с.

54) Земская, Е. А. Языковая игра / Е. А. Земская, М. В. Кайгородова, Н. И. Розанова // Русская разговорная речь : Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – Москва : Наука, 1983. – С. 172–214.

55) Зернецкий, П. В. Четырехмерное пространство речевой деятельности / П. В. Зернецкий. // Язык, дискурс и личность : межвуз. сб. науч. тр. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1990. – С. 60–68.

56) Зыкова, И. В. Лингвокреативность с позиции лингвокультурологии: теория, метод, анализ / И. В. Зыкова // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. серии В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : МАКС Пресс, 2016. – Вып. 53. – С. 136–151.

57) Зыкова, И. В. Метаязык лингвокультурологии : КОНСТАНТЫ и ВАРИАНТЫ / И. В. Зыкова. – Москва : Гнозис, 2017. – 752 с.

58) Зыкова, И. В. Методологические векторы изучения лингвистической креативности в кинодискурсе / И. В. Зыкова // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2020. – № 2 ; То же // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-vektory-izucheniya-lingvisticheskoy-kreativnosti-v-kinodiskurse> (дата обращения: 18.01.2026).

59) Иванчук, И. А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дисс. ... д-р. филол. наук / Ирина Анатольевна Иванчук ; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2005. – 65 с.

60) Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – 3-е изд. – Москва : Флинта, Наука, 2013. – 294 с.

61) Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. – Москва : Гнозис, 2005. – С. 334.

62) Ирисханова, О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... д-р. филол. наук / Ольга Камалудиновна Ирисханова ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – Москва, 2004. – 332 с.

63) Ирисханова, О. К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических исследований / О. К. Ирисханова // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке : сб. науч. тр. – Москва : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С.158–171.

64) Карасик, В. И. Аспекты языковой личности / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации : межвузовский сборник научных трудов. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2003. – С. 96–106.

65) Карасик, В. И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 1999. – 195 с.

66) Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

67) Караулов Ю. Н. «Четыре кита» современной лингвистики, или О предпосылках «включения» языковой личности в объект науки о языке (от содержания науки к ее истории) / Ю. Н. Караулов // Соотношение частнонаучных методов и методологии в филологической науке : сб. науч. тр. – Москва : ЦС филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1986. – С. 33–52.

68) Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. стереотип. – Москва : ЛЕНАНД, 2024. – 264 с.

69) Караулов, Ю. Н. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Большая российская энциклопедия : Дрофа, 1997. – 703 с.

70) Караулов, Ю. Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание. Содержание и функционирование : XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации : сб. статей под ред. Н. В. Уфимцевой. – Москва : Институт языкознания РАН, 2000. – С. 107–109.

71) Карташова, Е. П. Афористика новаторской прозы В. В. Розанова / Е. П. Карташова // Розановская энциклопедия / сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 2420 с.

72) Карташова, Е. П. Афористичность авторского сознания в жанре «лирико-философской миниатюры» (В. В. Розанов и В. А. Солоухин) / Е. П. Карташова, Т. В. Рыбакова // Вестник Марийского государственного университета. – 2024. – Т. 18. – № 3. – С. 388–395.

73) Карташова, Е. П. Стилистика прозы Розанова / Е. П. Карташова. – Москва : МПУ, 2001. – 373 с.

74) Картер, Е. В. Социальная стратификация языка в речевой репрезентации элитарной языковой личности (на материале современной русской

прозы) : специальность 10.02.01 «Русский язык».: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Елена Валериевна Картер ; Череповец. гос. ун-т. – Череповец, 2007. – 22 с.

75) Клушина, Н. И. Медиастилистика : монография / Н. И. Клушина. – 2-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2019. – 184 с.

76) Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореф. дис. ... д-р. филол. наук / Мария Львовна Ковшова ; Ин-т языкознания РАН. – Москва, 2009. – 48 с.

77) Кожина, М. Н. Диалогичность письменной научной речи как проявление социальной сущности языка / М. Н. Кожина // Методика и лингвистика. – Москва : Наука, 1981. – С. 187–214.

78) Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – Москва : Наука, 1984. – 175 с.

79) Коновалова, О. Ю. Языковая игра в современной русской разговорной речи : монография / О. Ю. Коновалова. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2008. – 196 с.

80) Кочеткова, Т. В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) / Т. В. Кочеткова // Вопросы стилистики. – 1996. – № 26. – С. 14–24.

81) Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – Москва : ИТДГК Гнозис, 2003. – 375 с.

82) Красных, В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных // Вестник Московского университета. Сер.: 9, Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–87.

83) Красных, В. В. Некоторые базовые понятия психолингвокультурологии (в развитие идей В. Н. Телия) / В. В. Красных // Язык. Сознание. Коммуникация : сборник статей / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. – Москва : МАКС Пресс, 2014. – Вып. 50. – С. 167–175.

84) Красных, В. В. Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст) : специальность 10.02.19 «Теория

языка» : автореф. дисс. ... д-р. филол. наук / Виктория Владимировна Красных ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1999. – 72 с.

85) Крысин, Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № I. – С. 90–106.

86) Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.

87) Кубрякова, Е. С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира / Е. С. Кубрякова // Филология и культура: материалы IV Междунар. науч. конф., Тамбов, 2003 г. – Тамбов : изд-во ТГУ, 2003. – С. 32–34.

88) Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века. – Москва : Изд. центр РГГУ, 1995. – С. 144–238.

89) Кудлаева, А. Н. Типы текстов в структуре дискурса : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... канд. филол. наук / Алла Николаевна Кудлаева ; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2006. – 329 с.

90) Кузьмина, Н. А. Интертекст : тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации / Н. А. Кузьмина. – Москва : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2011. – 272 с.

91) Курьянович, А. В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX–XXI вв.) : специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореф. дис. ...д-р. филол. наук / Анна Владимировна Курьянович ; Нац. исслед. Том. гос. ун-т. – Томск, 2013. – 40 с.

92) Леонтович, О. А. Введение в межкультурную коммуникацию / О. А. Леонтович. – Москва : Гнозис, 2007. – 366 с.

93) Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – Москва : Смысл, Лань, 2003. – 288 с.

- 94) Леонтьев, А. А. Речевая деятельность / А. А. Леонтьев // Хрестоматия по психологии. – Москва : Просвещение, 1977. – С. 223–228.
- 95) Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – Москва : Просвещение, 1969. – 214 с.
- 96) Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Очерки по философии художественного творчества. – Санкт-Петербург : Блиц, 1999. – С. 147–165.
- 97) Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург, 2000. – 704 с.
- 98) Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. / сост. Р. Г. Григорьева ; пред. С. М. Даниэля. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. – 544 с.
- 99) Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты : Науч. тр. Центроконцепта / Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; [Сост. О. П. Скидан]. Вып. I. – Архангельск : Изд-во Помор. гос. ун-та, 1997. – С. 11–35.
- 100) Малинкина, Е. В. Лирико-философское начало в малом литературном жанре как детерминанта культуры / Е. В. Малинкина // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2021. – №2 (30). – С. 97–106.
- 101) Манерко, Л. А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах / Л. А. Манерко // Вестник Московского университета. Сер.: 22, Теория перевода. – 2013. – № 1. – С. 100–118.
- 102) Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – 3-е изд., испр. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2007. – 296 с.
- 103) Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Москва : ТеатраСистема, 2005. – С. 69.
- 104) Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2007. – 208 с.

105) Маслова, В.А. *Homo lingualis* в культуре / В. А. Маслова. – Москва : Гнозис, 2007. – 320 с.

106) Нахимова, Е. А. Прецедентное имя Буратино в современных СМИ / Е. А. Нахимова // Известия Уральского государственного университета. Сер.: 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2007. – № 52. – С. 105–112.

107) Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2007. – 207 с.

108) Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод : сб. науч. тр. – Москва : Московский государственный лингвистический университет, 1996. – С. 112–116.

109) Ничипорович, Е. А. Индивидуальное языковое сознание и национальная лингвоконцептосфера: метафоры креативного взаимодействия / Е. А. Ничипорович // Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук: Материалы конференции. – Москва ; Калуга : ИП Кошелев А. Б. (Издательство «Эйдос»), 2008. – С. 192–201.

110) Норман, Б. Ю. О креативной функции языка (на материале славянских языков) / Б. Ю. Норман // Словяноведение. – 1997. – № 4. – С. 26–33.

111) Пикулева, Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат дис. ... канд. филол. наук / Юлия Борисовна Пикулева : Ур. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.

112) Попова, З. Д. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Культура общения и ее формирование. – 2001. – Вып. 8. – С. 34–56.

113) Постовалова, В. И. Философия и богословие творчества как концептуальное основание лингвокреативности в современном гуманитарном познании / В. И. Постовалова // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сборник научных статей к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / отв. ред. И. В. Зыкова, В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2020. – С. 130–141.

114) Потебня, А. А. Полное собрание трудов: мысль и язык / А. А. Потебня. – Москва : Лабиринт, 1999. – 300 с.

115) Почепцов, О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О. Г. Почепцов // Вопросы Языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110–122.

116) Пузырев, А. В. Общество, язык, текст и языковая личность в аспекте субстратного подхода к языку / А. В. Пузырев // Общество, язык, личность. – Москва : ПГПУ, 1996. – Вып. 1. – С. 20–23.

117) Ремчукова, Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики : Морфологические ресурсы языка : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат дис. ... д-р. филол. наук / Елена Николаевна Ремчукова ; Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). – Москва, 2005. – 40 с.

118) Розина, Р. И. Человек и личность в языке / Р. И. Розина // Логический анализ языка. Культурные концепты. – Москва : Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр Наука, 1991. – С. 52–56.

119) Розова, К. Л. Семантическое моделирование бытийных предложений / К. Л. Розова. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 1997. – 83 с.

120) Рыбакова Т. В. Прецедентность как языковой феномен в произведении «Камешки на ладони» В. А. Солоухина / Т. В. Рыбакова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 8 (146). – URL: <https://research-journal.org/archive/8-146-2024-august/10.60797/IRJ.2024.146.152> (дата обращения: 02.02.2025).

121) Рыжков, М. С. Людемы интернет-дискурса / М. С. Рыжков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 6 (2). – С. 338–345 ; То же // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lyudemy-internet-diskursa> (дата обращения: 14.03.2026).

122) Рыльщикова, Л. М. Лингвосемиотическая креативность научно-фантастического дискурса: специальность 10.02.19 «Теория языка» :

автореф. дис. ... канд. филол. наук / Любовь Михайловна Рыльщикова ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2016. – 26 с.

123) Самарская, Т. Б. Художественный дискурс: специфика составляющих и организация художественного текста / Т. Б. Самарская, Е. Г. Мартиросьян // Сфера услуг: инновации и качество. – 2012. – № 10. – С. 20–22.

124) Самситова, Л. Х. Культурный концепт как лингвокультурный феномен / Л. Х. Самситова // Вестник Башкирского университета. – 2011. – № 3 (1). – С. 1045–1048 ; То же // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kontsept-kak-lingvokulturnyy-fenomen> (дата обращения: 09.05.2025).

125) Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.

126) Серебренников, Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка / Б. А. Серебренников. – Москва : Наука, 1983. – 320 с.

127) Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б. А. Серебренников ; отв. ред. В. М. Солнцев ; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1988. – 244 с.

128) Силантьева, М. С. О типах языковых личностей в отношении к элитарной речевой культуре / М. С. Силантьева // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – № 13. – С. 156–159 ; То же // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-tipah-yazykovykh-lichnostey-v-otnoshenii-k-elitarnoy-rechevoy-kulture> (дата обращения: 08.05.2025).

129) Сиротинина, О. Б. Основные критерии хорошей речи / О. Б. Сиротинина // Хорошая речь. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – 316 с. – // GraiTiota.ru : [сайт]. – URL: http://www.graiTiota.ru/biblio/1т^агшез/§гато1а/кикига/28_!39 (дата обращения: 03.12.2024).

130) Сиротинина, О. Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее становление / О. Б. Сиротинина // Термин и слово : межвуз. сб., посвящ. 80-летию проф. Б. Н. Головина. – Нижний Новгород : ННГУ, 1997. – С. 7–12.

131) Сковородников, А. П. Языковая игра / А. П. Сковородников // Культура русской речи : энцикл. словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева[и др.]. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – С. 796–803.

132) Слышкин, Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. – Москва : Водолей Publishers, 2004. – 153 с.

133) Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград : Перемена, 2004. – 340 с.

134) Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – Москва : Academia, 2000. – 130 с.

135) Соболев, Н. В. Лингвокультурология как один из активно развивающихся культурологических ориентиров современного иноязычного образования / Н. В. Соболев // Актуальные вопросы современной науки. – 2010. – № 14 ; То же // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologiya-kak-odin-iz-aktivno-razvivayushchisya-kulturologicheskikh-orientirov-sovremennogo-inoazychnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 09.05.2025).

136) Соколова, О. В. Дискурс-«логофаг»: границы лингвокреативности и стереотипности в рекламе / О. В. Соколова // Критика и семиотика. – 2020. – № 1. – С. 114–142.

137) Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр – Москва : Прогресс, 1977. – 695 с.

138) Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века. – Москва : Прогресс, 1995. – С. 35–73.

139) Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 248 с. – URL: <https://www.phantastike.com/other/kontsepty/pdf/> (дата обращения: 13.12.2022).

140) Степанова, А. А. Лингвокреативность фразеологических единиц в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой / А. А. Степанова // Язык, культура, творчество. Мировые практики изучения : сборник научных статей к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / отв. ред. И. В. Зыкова, В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2020. – С. 142–151.

141) Степанова, Ю. В. Языковая личность и аспекты ее изучения / Ю. В. Степанова // Вестник Тюменского государственного университета. Сер.: Филология. – 2012. – № 1. – С. 186–192.

142) Супрун, Е. А. Текстовые реминисценции как языковое явление / Е. А. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29.

143) Сусов, И. П. Личность как субъект языкового общения / И. П. Сусов // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин : КГУ, 1989. – С. 9–16.

144) Телия, В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В. Н. Телия // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 19–30.

145) Телия, В. Н. Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости нескольких словных образований / В. Н. Телия, А. В. Дорошенко // Язык, Культура, Общение. – Москва : Гнозис, 2008. – С. 207–216.

146) Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в языковой картине мира / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1988. – 214 с.

147) Тимофеев, В. П. Личность и языковая среда: учеб. пособие / В. П. Тимофеев. – Шадринск, 1971. – 122 с.

148) Толстой, Н.И. Язык и культура: (некоторые проблемы славянской этнолингвистики) / Н.И. Толстой // Русский язык и современность: проблемы и перспективы развития русистики: доклады Всесоюзной науч. конф. – Ч. 1. – Москва, 1991. – С. 5–22.

149) Трубецкой, Н.С. К проблеме русского самопознания / Н.С. Трубецкой // Вавилонская башня – 2: Слово. Текст. Культура. – Москва : ИВ РАН, 2003. – С. 7–12.

150) Устинова, Т. В. Лингвокреативность смыслового восприятия окказионализмов в поэтическом тексте / Т. В. Устинова // Лингвистика креатива-4 : коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО Урал. гос. пед. ун-т, 2018. – С. 213–228.

151) Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – Москва : Агар, 2000. – 280 с.

152) Фещенко, В. В. Язык как творчество и творчество в языке: к истории лингвистической идеи / В. В. Фещенко // Критика и семиотика. – 2012. – Вып. 17. – С. 84–94.

153) Фомин, А. И. «Бог послал меня с даром слова...»: Язык и стиль лирико-философской прозы В. В. Розанова / вступ. ст. В. В. Колесова / А. И. Фомин. – Санкт-Петербург : ИЦ Гуманитарная Академия, 2015. – 448 с.

154) Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. – Москва : Высш. шк., 1991. – 192 с.

155) Хайруллина, Д. Д. Ключевые проблемы изучения дискурса в современной лингвистике / Д. Д. Хайруллина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 10 (133). – С. 85–89.

156) Халеева, И. И. Общесемиотические основания лингвокреативности / И. И. Халеева, О. К. Ирисханова, А. М. Волоскович // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий. – Москва : ИПК МГЛУ Рема, 2011. – С. 18–56.

157) Хачмафова, З. Р. Гендерная картина мира в дискурсе женской прозы / З. Р. Хачмафова, Л. М. Середа // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: 2, Филология и искусствоведение. – 2020. – № 1. – С. 72–77.

158) Цекова, Л. М. Основные направления лингвокультурологии в современной лингвистике / Л. М. Цекова // Власть истории – История власти. – 2023. – № 43. – С. 49–52 ; То же // КиберЛенинка : научная электронная библиотека.

– URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-lingvokulturologii-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 09.05.2025).

159) Цивьян, Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т. В. Цивьян. – Москва : Наука, 1990. – 207 с.

160) Шаклеин, В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации : монография / В. М. Шаклеин. – Москва : Флинта, 2012. – 301 с.

161) Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В. И. Шаховский. – Москва : Гнозис, 2008. – 414 с.

162) Шведова, Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «русским семантическим словарем» / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 3–16.

163) Шевелев, И. Н. Афоризмы и мысли: Микромир человека глазами афориста / И. Н. Шевелев. – Москва : Прогресс : Литера, 1995. – 334 с.

164) Шмелева, Е. С. Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности (на материале *The Economist*) / Е.С. Шмелева // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – Т. 18, № 3. – С. 78–86.

165) Янушкевич, И. Ф. Лингвосемиотика англосаксонской культуры : специальность 10.02.04 «Германские языки»: дисс. ... д-р. филол. наук / Ирина Федоровна Янушкевич ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград : ВГУ, 2009. – 492 с.

Источники

166) Александр Павлович Чудаков : сборник памяти / сост. С. Г. Бочаров, И. З. Сурат ; при участии М. О. Чудаковой. – Москва : Знак, 2013. – 432 с.

167) Алёхин, А. Варенье из падалицы / А. Алёхин. – Москва : Эксмо, 2023. – 512 с.

168) Ракша, И. Е. Звезда на ладони / И. Е. Ракша – Москва : Интернациональный союз писателей, 2023. – 324 с. – (Родина Зовет! Премия им. А. Т. Твардовского).

169) Ракша, И. Е. Монолог без конца / И. Е. Ракша – Москва : ИП Березина Г. Н., 2021. – 338 с. – (NON-fiction премии-медали им. Ивана Грозного).

170) Ракша, И. Е. Разговор о будущем / И. Е. Ракша. – Москва : ИП Березина Г. Н., 2021. – 320 с. – (NON-fiction премии-медали им. Ивана Грозного)

171) Солоухин, В. А. Камешки на ладони / В. А. Солоухин. – Москва : Современник, 1988. – 446 с.

172) Чудаков, А. П. Из дневников, записных книжек, писем / А. П. Чудаков. – Санкт-Петербург : Азбука : Азбука-Аттикус, 2023. – 704 с.

Словари

173) Арутюнова, Н. Д. Лингвистический энциклопедический словарь / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.

174) Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова – Изд. 2-е, стереотипное. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.

175) Большой энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1981. – 1456 с.

176) Васильева, Н. В. Краткий словарь лингвистических терминов / Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахнарович. – Москва : Русский язык, 1995. – 176 с.

177) Гурьева, Т. Н. Новый литературный словарь / Т. Н. Гурьева. – Ростов на Дону : Феникс, 2009. – 364 с.

178) Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : ООО Пилигрим, 2010. – 486 с.

179) Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – Москва : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.

180) Литературная энциклопедия терминов и понятий / Российская академия наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; Гл. ред. и сост. А.Н. Николукин. – Москва : Интелвак, 2001.

- 181) Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов на Дону : Феникс, 2010. – 562 с.
- 182) Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Просвещение, 1985. – 399 с.
- 183) Русский язык : Энциклопедия / Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; Гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Большая российская энциклопедия : Изд. дом «Дрофа», 1997. – 703 с.
- 184) Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова и Т. Х. Керимова. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2015. – 823 с.
- 185) Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Академический Проект, 2001. – 990 с.
- 186) Фролова, И. Т. Философский словарь / И. Т. Фролова. – Москва : Издательство Республика», 2001. – 720 с.
- 187) Языкознание : большой энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. – 2-е (репр.) изд. «Лингвист. энцикл. слов.» 1990 г. – Москва : Большая рос. энцикл., 1998. – 682 [3] с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1 – Количественно-качественный анализ репрезентации лингвокультурного концепта «бытие» в субдискурсе лирико-философской прозы XX–XXI веков

Хронологические рамки этапа	Языковая личность	Количество проанализированных страниц	Количество проанализированных текстов	Количество проанализированных концептов	Количество проанализированных единиц,	из них:		
						Количество единиц ЯИ	Количество ПЦ	Количество афоризмов
1912–1930 гг.	В.В.Розанов «Уединенное»	64	1	89	895	20	22	9
	В.В.Розанов «Опавшие листья»	379	1	223	2886	84	132	46
	Всего:	443	2	312	3781	104	154	55
1940–1980-е гг.	А.П.Чудаков «Из дневников, записных книжек, писем»	139	1	21	869	148	141	16
	В.А.Солоухин «Камешки на ладони»	446	1	43	1853	261	69	54
Первая четверть XXI века	И.Е.Ракша «Монолог без конца»	338	1	96	2336	59	143	181
	И.Е.Ракша «Разговор о будущем»	320	1	53	1899	51	145	91

Продолжение таблицы 1 – Характеристика русской лирико-философской прозы XX–XXI веков

Хронологические рамки этапа	Языковая личность	Количество проанализированных страниц	Количество проанализированных текстов	Количество проанализированных концептов	Количество проанализированных контекстов, ИЗ НИХ:	Количество единиц ЯИ	Количество ПЦ	Количество афоризмов
	И.Е.Ракша «Звезда на ладони»	324	1	40	2414	173	91	70
	Всего по трем текстам:	982	3	189	6649	283	379	342
	А.Алёхин «Варенье из падалицы»	512	1	167	3862	278	178	105
	ИТОГО:	2522	8	732	17014	1074	921	572

Общий объем авторских текстов, изданных к настоящему времени, составляет 3 362 страницы (846 692 слов). Собранный и систематизированный картотека примеров насчитывает 20 896 единиц.

Эмпирический материал составляет 2 522 страниц (657 028 слов), картотека примеров насчитывает 17 014 единиц.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица 2.1 – Количественное соотношение средств создания языковой игры на фонетическом уровне

Средства создания языковой игры (далее – ЯИ)	Лирико-философская проза XX–XXI веков			
	А.П.Чудаков «Из дневников, записных книжек, писем» (1956-2005 гг.),	В.А.Солоухин «Камешки на ладони» (1976 г.)	И.Е.Ракша «Монолог без конца» (2021 г.), «Разговор о будущем» (2021 г.), «Звезда на ладони» (2023 г.)	Алексей Алёхин «Варенье из падалицы» (2023 г.)
1) аллитерация	18	3	3	4
			2	
			10	
2) намеренное нарушение орфоэпических норм	1	2	4	1
			3	
			5	
3) ономатопея	7	–	–	3
			–	
			–	
			7	
			5	
			15	
ИТОГО по таблице 2.1:	26	5	27	8

Таблица 2.2 – Количественное соотношение средств создания языковой игры на словообразовательном уровне

Средства создания языковой игры	Лирико-философская проза XX–XXI веков			
	А.П.Чудаков «Из дневников, записных книжек, писем» (1956-2005 гг.),	В.А.Солоухин «Камешки на ладони» (1976 г.)	И.Е.Ракша «Монолог без конца» (2021 г.), «Разговор о будущем» (2021 г.), «Звезда на ладони» (2023 г.)	Алексей Алёхин «Варенье из падалицы» (2023 г.)
1) переосмысление словообразовательной структуры существующих слов:				
— (переосмысление существительных	1	—	—	9
			—	
			1	
— переосмысление прилагательных	1	—	—	4
			—	
			—	
— «окачествование» относительных прилагательных	3	—	1	1
			1	
			2	
— переосмысление глаголов	6	—	—	5
			—	
			—	
2) создание новых слов:				
— префиксация	—	—	1	1
			3	
			—	

Продолжение таблицы 2.2 – Количественное соотношение средств создания языковой игры на словообразовательном уровне

Средства создания языковой игры	Лирико-философская проза XX–XXI веков			
	А.П.Чудаков «Из дневников, записных книжек, писем» (1956-2005 гг.),	В.А.Солоухин «Камешки на ладони» (1976 г.)	И.Е.Ракша «Монолог без конца» (2021 г.), «Разговор о будущем» (2021 г.), «Звезда на ладони» (2023 г.)	Алексей Алёхин «Варенье из падалицы» (2023 г.)
— суффиксация	3	9	6	7
			4	
			9	
— префиксально- суффиксально- постфиксальный способ	1	—	—	—
			—	
			—	
— разговорное усечение с суффиксом	—	—	—	—
			—	
			1	
3) существительные с уменьшительно- ласкательными суффиксами	—	—	16	—
			10	
			3	
4) авторский окказионализм				
— окказиональное существительное	—	—	4	—
			3	
			7	
5) обратное словообразование	—	1	—	2
			—	
			—	
6) контаминация	—	—	1	8
			3	
			7	

Продолжение таблицы 2.2 – Количественное соотношение средств создания языковой игры на словообразовательном уровне

Средства создания языковой игры	Лирико-философская проза XX–XXI веков			
	А.П.Чудаков «Из дневников, записных книжек, писем» (1956-2005 гг.),	В.А.Солоухин «Камешки на ладони» (1976 г.)	И.Е.Ракша «Монолог без конца» (2021 г.), «Разговор о будущем» (2021 г.), «Звезда на ладони» (2023 г.)	Алексей Алёхин «Варенье из падалицы» (2023 г.)
— «народная этимология»	—	2	—	—
			—	
			2	
7) аббревиация	—	—	—	2
			—	
			2	
8) словосложение (новообразования словосочетаний) от	2	—	—	13
			—	
			—	
9) расчленение				
— оживление внутренней формы	—	14	—	—
			—	
			—	
— расчленение с дефисами	—	—	—	—
			—	
			1	
10) от нарицательного имени – к имени собственному	1	—	—	40
			—	
			—	
			29	
			24	
			35	
ИТОГО по таблице 2.2:	18	26	88	92

Таблица 2.3 – Количественное соотношение средств создания языковой игры на лексико-фразеологическом уровне

Средства создания языковой игры	Лирико-философская проза XX–XXI веков			
	А.П.Чудаков «Из дневников, записных книжек, писем» (1956-2005 гг.),	В.А.Солоухин «Камешки на ладони» (1976 г.)	И.Е.Ракша «Монолог без конца» (2021 г.), «Разговор о будущем» (2021 г.), «Звезда на ладони» (2023 г.)	Алексей Алёхин «Варенье из падалицы» (2023 г.)
1) обыгрывание компонентов значения слов				
— обыгрывание асертивной части значения:	80	80	1	2
			1	
			18	
— обыгрывание пресуппозиции:	16	73	–	25
			–	
			–	
2) лексические синонимы	–	2	–	1
			–	
			1	
3) многозначность слов (полисемия)	–	14	1	16
			1	
			9	
4) антонимия	4	4	–	–
			–	
			–	
5) омонимия	–	–	1	1
			–	
			–	
6) паронимия				
— вокалический тип:	–	–	–	2
			–	
			–	

Продолжение таблицы 2.3 – Количественное соотношение средств создания языковой игры на лексико-фразеологическом уровне

Средства создания языковой игры	Лирико-философская проза XX–XXI веков			
	А.П.Чудаков «Из дневников, записных книжек, писем» (1956-2005 гг.),	В.А.Солоухин «Камешки на ладони» (1976 г.)	И.Е.Ракша «Монолог без конца» (2021 г.), «Разговор о будущем» (2021 г.), «Звезда на ладони» (2023 г.)	Алексей Алёхин «Варенье из падалицы» (2023 г.)
— консонантный тип	—	—	—	7
			—	
			1	
7) обыгрывание устойчивых фраз	2	16	8	20
			8	
			12	
			11	
			10	
			41	
ИТОГО по таблице 2.3:	102	189	62	74

Таблица 2.4 – Количественное соотношение средств создания языковой игры на морфологическом уровне

Средства создания языковой игры	Лирико-философская проза XX–XXI веков			
	А.П.Чудаков «Из дневников, записных книжек, писем» (1956-2005 гг.),	В.А.Солоухин «Камешки на ладони» (1976 г.)	И.Е.Ракша «Монолог без конца» (2021 г.), «Разговор о будущем» (2021 г.), «Звезда на ладони» (2023 г.)	Алексей Алёхин «Варенье из падалицы» (2023 г.)
1) статус словоформы:	—	—	— — 6	6
— обыгрывание иноязычных основ	—	5	— — 5	2
— обыгрывание архаичных аффиксов	2	—	1 2 7	4
— расширение парадигмы	—	5	1 — 7	22
— неполнота парадигмы	—	2	— — 4	1
2) семантика морфологических форм и категорий:				
— категория рода	—	1	— — —	3
— категории лица	—	2	— — —	—
— категория числа	—	2	2 1 —	1

Продолжение таблицы 2.4 – Количественное соотношение средств создания языковой игры на морфологическом уровне

Средства создания языковой игры	Лирико-философская проза XX–XXI веков			
	А.П.Чудаков «Из дневников, записных книжек, писем» (1956-2005 гг.),	В.А.Солоухин «Камешки на ладони» (1976 г.)	И.Е.Ракша «Монолог без конца» (2021 г.), «Разговор о будущем» (2021 г.), «Звезда на ладони» (2023 г.)	Алексей Алёхин «Варенье из падалицы» (2023 г.)
— категория залога	—		3	—
			5	
— категория вида	—	—	—	—
			—	
			6	
— категория одушевленности	—	1	—	18
			—	
			2	
			7	
			7	
			37	
ИТОГО по таблице 2.4:	2	18	51	57

Таблица 2.5 – Количественное соотношение средств создания языковой игры на синтаксическом уровне

Средства создания языковой игры	Лирико-философская проза XX–XXI веков			
	А.П.Чудаков «Из дневников, записных книжек, писем» (1956-2005 гг.),	В.А.Солоухин «Камешки на ладони» (1976 г.)	И.Е.Ракша «Монолог без конца» (2021 г.), «Разговор о будущем» (2021 г.), «Звезда на ладони» (2023 г.)	Алексей Алёхин «Варенье из падалицы» (2023 г.)
1) обыгрывание некоторых синтаксических явлений				
— парцелляция	—	—	1	1
			1	
			5	
— автотимные употребления	—	1	1	—
			1	
			4	
— ложная связь между событиями	—	—	1	15
			2	
			—	
— прямая и косвенная речь	—	7	—	1
			—	
			17	
— синтаксические контаминации	—	—	—	13
			—	
			4	
2) синтаксическая омонимия	—	—	—	6
			—	
			1	

Продолжение таблицы 2.5 – Количественное соотношение средств создания языковой игры на синтаксическом уровне

Средства создания языковой игры	Лирико-философская проза XX–XXI веков			
	А.П.Чудаков «Из дневников, записных книжек, писем» (1956-2005 гг.),	В.А.Солоухин «Камешки на ладони» (1976 г.)	И.Е.Ракша «Монолог без конца» (2021 г.), «Разговор о будущем» (2021 г.), «Звезда на ладони» (2023 г.)	Алексей Алёхин «Варенье из падалицы» (2023 г.)
3) синтаксическая сочетаемость компонентов предложения	—	—	— — —	8
4) сравнительные конструкции (конструкции, включающие метафору)	—	12	1 — 9	0
5) анафорическое отношение [Санников: 2002]	—	3	1 1 5	3
			5 5 45	
ИТОГО по таблице 2.5:	0	23	55	47
			59 51 173	
ВСЕГО по таблицам 2.1–2.5:	148	261	283	278
Итого:				970 единиц

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Таблица 3 – Количественное соотношение прецедентных феноменов

Формы прецедентного феномена (далее – ПФ)	Лирико-философская проза XX–XXI веков				
	А.П.Чудаков «Из дневников, записных книжек, писем» (1956-2005 гг.),	В.А.Солоухин «Камешки на ладони» (1976 г.)	И.Е.Ракша «Монолог без конца» (2021 г.), «Разговор о будущем» (2021 г.), «Звезда на ладони» (2023 г.)		Алексей Алёхин «Варенье из падалицы» (2023 г.)
Прецедентное имя (далее – ПИ)	122	60	74	Всего 182 единиц ПИ по трем текстам	166
			66		
			42		
Прецедентная ситуация (далее – ПС)	1	0	2	Всего 5 единиц ПС по трем текстам	11
			1		
			2		
Прецедентное высказывание (далее – ПВ)	18	9	67	Всего 192 единицы ПВ по трем текстам	1
			78		
			47		
Прецедентный текст (далее ПТ)	0	0	0	Всего 0 единиц ПТ по трем текстам	0
			0		
			0		
			Всего 143 единицы ПФ в «Монолог без конца»		
			Всего 145 единиц ПФ в «Разговоре о будущем»		
			Всего 91 единица ПФ в «Звезде на ладони»		
ИТОГО по таблице 3:	141	69	Всего 379 единиц ПФ по трем текстам		178
767 единиц					

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Таблица 4 – Количественное соотношение афоризмов

Виды афоризмов	Лирико-философская проза XX–XXI веков			
	А.П.Чудаков «Из дневников, записных книжек, писем» (1956-2005 гг.),	В.А.Солоухин «Камешки на ладони» (1976 г.)	И.Е.Ракша «Монолог без конца» (2021 г.), «Разговор о будущем» (2021 г.), «Звезда на ладони» (2023 г.)	Алексей Алёхин «Варенье из падалицы» (2023 г.)
Афоризмы, касающиеся «бытийной» тематики,	12	39	138	76
			78	
			53	
Афоризмы, касающиеся «бытовой» тематики,	4	15	43	29
			13	
			17	
<i>из них:</i> афоризмы, построенные на использовании словесного парадокса	26	24	15	0
			2	
			4	
<i>из них:</i> афоризмы, построенные на использовании приема «остранение»	1	4	0	4
			1	
			2	
<i>из них:</i> афоризмы, построенные на использовании антитезы	0	2	0	7
			2	
			1	
<i>из них:</i> афоризмы, построенные посредством образности, реализуемой на уровне экспликации языковой игры	1	0	1	1
			0	
			0	

Продолжение таблицы 4 – Количественное соотношение афоризмов

Виды афоризмов	Лирико-философская проза XX–XXI веков			
	А.П.Чудаков «Из дневников, записных книжек, писем» (1956-2005 гг.),	В.А.Солоухин «Камешки на ладони» (1976 г.)	И.Е.Ракша «Монолог без конца» (2021 г.), «Разговор о будущем» (2021 г.), «Звезда на ладони» (2023 г.)	Алексей Алёхин «Варенье из падалицы» (2023 г.)
			181	
			91	
			70	
ИТОГО по таблице 4:	16	54	Всего 342 единицы по трем текстам	105
517 единиц				